

ISSN 1992-2892
ISSN 2500-221X (online)

2026 '3

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 — 2026

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.*

Реестровая запись ПИ № ФС 77-78824 от 30.07.2020

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 16.10.2022)*

Редакционный совет:

О. А. Хасбулатова (главный редактор, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),

Н. Л. Пушкарёва (заместитель главного редактора, Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),

М. В. Певная (Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург; доктор социологических наук, доцент),

Т. К. Ростовская (Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва;
доктор социологических наук, профессор),

О. В. Рябов (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),

З. Х.-М. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),

И. Н. Смирнова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент),

Р. Н. Сулейманова (Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, г. Уфа; доктор исторических наук, главный научный сотрудник),

Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

А. В. Белова (Тверской государственный университет, г. Тверь;
доктор исторических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

И. С. Клецина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),

Т. Б. Рябова (Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),

Н. С. Рычихина (ответственный секретарь, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат экономических наук, доцент)

Адрес редакции (издателя): 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2026
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2026

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 3 — 2026

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Registry entry PI № FS 77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 16.10.2022)*

Editorial Council:

- Prof. **O. A. Khasbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology
and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Assoc. Prof. **M. V. Pevnaya**, Dr. Sc. Sociology (Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg),
Prof. **T. K. Rostovskaya**, Dr. Sc. Sociology (Institute for Demographic Research —
Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher
(Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **Z. M. Saralieva**, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (Ivanovo State University, Ivanovo),
R. N. Suleymanova, Dr. Sc. History, Chief Researcher (Institute of History, Language and Literature
of Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Ufa),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **A. V. Belova**, Dr. Sc. History (Tver State University, Tver)

Editorial Board:

- Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **N. S. Rychikhina** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo region, Ivanovo, Timiriazev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2026
© Ivanovo State University, 2026

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 3—19.

Woman in Russian Society. 2026. No. 3. P. 3—19.

Научная статья

УДК 316.346.2-055.1/.2

EDN: <https://elibrary.ru/bnszzp>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.3.1

ТОНКИЕ ГРАНИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКОГО РЕГИОНА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

*Владимир Вячеславович Козловский,
Лилия Сергеевна Панкратова*

Социологический институт РАН — филиал
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия;
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия,
vvk_soc@mail.ru

Аннотация. В статье представлены характеристика и обоснование гендерных особенностей (сходства и различий между мужчинами и женщинами) в оценках потенциала сложившегося цивилизационного комплекса, включая социально-экономическое состояние, культуру и перспективы развития локальной территории российского региона. Эмпирическую базу работы составили результаты анкетного опроса, проведенного в 2024 году в муниципальных образованиях Республики Карелия (N = 601) и Новгородской области (N = 600). Цивилизационный уклад изученных регионов Северо-Запада РФ в его социально-структурном, культурном, институциональном и субъектном (акторно-агентном) срезам сквозь призму представлений мужчин и женщин характеризуется симультанным присутствием гендерного структурирования (различия в уровне доходов, трудовой дифференциации) наряду с гендерной нейтральностью / эгалитаризмом (схожие оценки социальной и хозяйственной инфраструктур), обладающих различной степенью устойчивости, проявления, способами сочетания в населенных пунктах.

Ключевые слова: цивилизационный потенциал региона, цивилизационный комплекс, мужчины и женщины, гендерные особенности, социальные представления, социальные институты, культурный срез, социально-структурный профиль, субъектное измерение, социокультурное пространство территорий

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01067-П, <https://rscf.ru/project/23-18-01067-П>.

Для цитирования: Козловский В. В., Панкратова Л. С. Тонкие грани цивилизационного потенциала российского региона в представлениях мужчин и женщин // Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 3—19.

Original article

SUBTLE FACETS OF THE CIVILIZATIONAL POTENTIAL OF THE RUSSIAN REGION: MALE AND FEMALE PERSPECTIVES

Vladimir V. Kozlovsky,

Liliya S. Pankratova

Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation; Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, vvk_soc@mail.ru

Abstract. This article presents a description and analysis of gender-specific characteristics (similarities and differences between men and women) in assessments of the potential of the established civilizational complex, including the socioeconomic condition, culture, and development prospects of a local territory within the Russian region. The novelty of this research lies in its microsociological analysis of men's and women's perceptions of the characteristics of the civilizational potential of the Russian region, as well as in the differentiation of gender-based assessments regarding resources and development prospects in various spheres of public life, civic engagement, and local communities as reflections of its civilizational complex. The empirical basis of this research consists of the results of a questionnaire survey conducted in 2024 in municipalities of the Republic of Karelia (N = 601) and the Novgorod Region (N = 600). The civilizational structure of the studied regions in the Northwest of the Russian Federation, as viewed through the lens of men's and women's perceptions, is characterized by the simultaneous presence of gender structuring alongside gender neutrality/egalitarianism, which exhibit varying degrees of stability, manifestations, and modes of coexistence within settlements. The state of the socio-structural profile of the civilizational complex in these local territories is based on the reproduction of socio-gender differentiation of labor by occupation, as well as on the disparity in men's and women's incomes and levels of financial well-being (as measured objectively and assessed subjectively). The institutional aspects (economic and social infrastructure, labor market) of the civilizational development profiles of these regions receive largely similar assessments among men and women, a phenomenon primarily driven by shared living conditions and common challenges that lack a rigid social-gender bias in contemporary Russian society. However, the research also revealed the existence of gender-specific challenges regarding access to quality medical care and public transportation—challenges that embody the intersection of economic inequality between the sexes and the sociocultural principles governing the functioning of institutions.

Key words: civilizational potential of a region, civilizational complex, men and women, gender characteristics, social perceptions, social institutions, cultural cross-section, socio-structural profile, subjective dimension, sociocultural space of territories

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant No. 23-18-01067-P, available from <https://rscf.ru/project/23-18-01067-П>.

For citation: Kozlovsky, V. V., Pankratova, L. S. (2026) Tonkie grani tsivilizatsionnogo potentsiala rossiiskogo regiona v predstavleniakh muzhchin i zhenshchin [Subtle Facets of the Civilizational Potential of the Russian Region: Male and Female Perspectives], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—19.

Введение

Потенциал социально-экономического и культурного развития оказавшихся в сложной ситуации российских регионов проявляется прежде всего в сформировавшейся цивилизационной специфике страны. Ресурсные возможности регионов неравномерны и различаются по разным параметрам в зависимости от локально-территориальной удаленности, демографической ситуации, социальной и экономической инфраструктуры, информационно-коммуникационной и транспортной доступности. Особую роль играет включенность органов власти, институтов, бизнеса и некоммерческих организаций в решение ключевых вопросов общественной жизни на различных уровнях: индивидуальном, групповом уровне, уровне локальных сообществ, реализуемых в разнообразных формах современной жизни, способах жизнедеятельности.

Методологически исследование основывается на социологической версии цивилизационного подхода и концепции цивилизационного комплекса региона, в котором для его целостной характеристики предлагается связать базовые понятия: социальная структура, культура, институты и субъекты (акторы) как основные компоненты цивилизационного потенциала современного российского региона (см.: [Козловский, 2021, 2022, 2024]). В рамках данной концепции цивилизационного уклада или комплекса региона, локальной (моно- и полипрофильной) территории выявляются ресурсы, формы и способы эффективного развития территории и местных сообществ.

В рабочем определении понятия цивилизации отражается целостный комплекс различных культурных, духовных, религиозных, хозяйственных и властных форм деятельности людей, обеспечивающий устойчивый общественный уклад жизни, идентичность и социальные порядки, а также сложная институционально регулируемая механизмами культуры совокупность социальных неравенств (социальная структура) общества. Понятие цивилизации, согласно Н. Элиасу, направлено на «прояснение природы той обладающей принудительной силой закономерности, которая задает формы совместной жизни людей, включая социальные формы и институты нашего собственного общества, возникающие, сохраняющиеся и меняющиеся на основе данной закономерности» [Элиас, 2001]. В этом состоит двойственная природа социологического понятия цивилизации (цивилизационное измерение общества): а) это социоструктурное конституирование культурного пространства общества благодаря влиянию множественных социальных взаимодействий на технологии, характер, содержание человеческой деятельности; б) это культурное многообразие, видоизменяющее социальный мир человека благодаря воздействию автономности и действенности культурного богатства в ходе социализации, институционализации и закреплению позиций, статусов, престижа.

Постановка задачи, выдвижение гипотезы

Цель работы заключается в характеристике и обосновании гендерных особенностей (сходства и различий между мужчинами и женщинами) в оценках потенциала сложившегося цивилизационного комплекса, включая социально-экономическое состояние, культуру и перспективы развития локальной территории российского региона.

В качестве гипотезы выдвигается положение о том, что цивилизационный потенциал локальной территории российского региона отражается в спектре гендерно значимых различных представлений о благосостоянии и сходных оценках

институциональных ресурсов социально-экономического и культурного развития, гражданской активности.

Новизна исследования состоит в микросоциологическом анализе представлений мужчин и женщин об особенностях цивилизационного потенциала российского региона, в разграничении гендерных оценок в отношении потенциала и перспектив развития различных сфер общественной жизни, гражданской активности и локальных сообществ как отражения ее цивилизационного комплекса. Подобные грани в общественных мнениях имеют свои особенности в силу положения представителей данных социальных групп в социальном пространстве.

Методы исследования

Гендерное измерение цивилизационного потенциала российского региона включает оценку качества объективных институтов, условий и характер субъективных представлений, практик мужчин и женщин. Общетеоретическим основанием исследования служат социальный конструктивизм П. Бурдьё и структурно-конструктивистский подход Р. Коннелла. Социологическая версия цивилизационного подхода конкретизирована в концепции цивилизационного комплекса региона. Она направляет внимание на выявление и интерпретацию представлений мужчин и женщин об укладе жизни локальной территории региона как многомерного цивилизационного комплекса, включающего четыре ключевых взаимосвязанных среза: социоструктурный, культурный, институциональный, субъектный [Козловский, 2022].

В статье использованы результаты социологического исследования «Исследование и оценка цивилизационного потенциала территории муниципальных образований Республики Карелия и Новгородской области РФ», проведенного нами в октябре-ноябре 2024 года. Эмпирическая база включала результаты опроса жителей четырех муниципальных образований (Петрозаводский и Костомукшский городские округа, Кондопожский и Сортавальский районы) Республики Карелия (объем выборки: N = 601), а также четырех муниципальных образований (городской округ Великий Новгород, Боровичский, Новгородский и Старорусский районы) Новгородской области (объем выборки: N = 600). Исследование было проведено методом личного формализованного интервью. Отбор респондентов осуществлялся с контролем следующих переменных: пол, возраст, уровень образования, тип населенного пункта, муниципальный округ.

Результаты исследования

Социальное положение мужчин и женщин в контексте оценок развития цивилизационного комплекса локальной территории региона. На оценки, представления мужчин и женщин о цивилизационном потенциале локальной территории (места проживания) оказывает влияние их социальный статус, положение в социальной структуре. Позиция индивида в многомерном социальном пространстве определяется конфигурацией различных факторов, в частности принадлежностью к определенной возрастной группе. Согласно концепции П. Бурдьё, возраст не является самостоятельным видом капитала, но оказывает влияние на распределение и накопление ресурсов социальными субъектами [Бурдьё, 2002]. В различные периоды жизни мужчины и женщины обладают разными, неодинаковыми возможностями, условиями для приобретения, конвертации, использования активов. При этом потребности в

различных видах личных и общественных (предоставляемых в населенном пункте) благ динамичны.

Особенности половозрастного состава мужского и женского населения проявляются в диспропорциях опрошенного совершеннолетнего населения исследуемых муниципальных образований регионов (табл.). Среди мужчин преобладает возрастная когорта 18—29 лет, т. е. молодых людей, для которых в обозначенный период социально ожидаемо получение среднего профессионального и/или высшего образования, выход на рынок труда и начало построения карьеры, вступление в романтические отношения, регистрация брака и создание семьи. Среди женщин преобладает возрастная когорта от 60 лет и старше, т. е. пенсионного возраста.

Женщины и мужчины по возрастным группам, в %

Возрастная группа	Республика Карелия		Новгородская область	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
18—29 лет	25,7	19,4	26,3	20,9
30—39 лет	18,8	14,7	18,8	15,4
40—49 лет	22,6	17,9	18,0	14,8
50—59 лет	19,5	21,1	17,6	19,1
60 и более лет	13,4	27,0	19,2	29,9

Социально-экономические аспекты гендерной дифференциации

Одним из ключевых пунктов социальной структуры и механизмом воспроизводства сложившегося порядка в распределении позиций мужчин и женщин в социальном пространстве является гендерная дифференциация труда [Коннелл, 2017]. Это определяет их возможности к приобретению, умножению экономического капитала, достижению благосостояния на основе ресурсного потенциала локальной территории. Согласно результатам опроса, среди респондентов мужчин в обоих регионах, наиболее распространенным родом занятий является рабочий (29,2 % в Республике Карелия, 41 % в Новгородской области); среди женщин — служащий / специалист (27,1 % в Республике Карелия, 22,3 % в Новгородской области), а также пенсионер (27,6 % в Республике Карелия, 30,1 % в Новгородской области).

Высокая доля женщин-пенсионерок обусловлена обозначенной выше спецификой половозрастной структуры населения исследованных муниципальных образований — преобладанием возрастной группы старше 60 лет. Фиксируется более высокая доля среди мужчин руководителей и предпринимателей (в среднем приблизительно в 2 раза), чем среди женщин. В качестве домохозяек себя маркируют исключительно женщины, но их немного (3,5 % в Республике Карелия, 6,6 % в Новгородской области), что говорит о значительном уровне вовлеченности женщин в экономику.

При этом мужчины могли идентифицировать себя в качестве безработных, а не лиц, выполняющих домашние обязанности (домохозяин) в силу культурных ограничений, неодобрения данного социального статуса и роли для мужчины как основного вида деятельности.

Воспроизводство гендерной дифференциации в системе труда проявляется в различиях уровней доходов (в расчете на одного члена семьи) мужчин и женщин. В изученных локальных территориях в обоих субъектах РФ мужчины в среднем имеют выше уровень финансового благосостояния нежели женщины (в Республике Карелия критерий Манна-Уитни $U = 27642$, уровень значимости $p = 0,015$; в Новгородской области критерий Манна-Уитни $U = 34580$, уровень значимости $p \leq 0,001$). Наибольшую долю среди опрошенных мужчин и женщин составляют группы с доходом на одного члена семьи, который: соответствует прожиточному минимуму в месяц; немного выше прожиточного минимума; более чем в 2 раза выше прожиточного минимума. Двое из пяти мужчин-респондентов и более половины женщин отнесли себя к категориям с доходами, соответствующими или незначительно превышающими размер прожиточного минимума в месяц на одного члена семьи. Среди женщин выше доля низкодоходных.

Тенденция в различиях в социально-экономическом положении мужчин и женщин фиксируется в сфере доходов как одной из традиционных областей экономического неравенства. При этом наиболее выражено социально-половой диспаритет в обеспеченности членов семьи финансовыми ресурсами проявляется в самых высокооплачиваемых группах. Полученные результаты подтверждаются исследованиями отечественных ученых, например, расположивших в рейтинге гендерного паритета на рынке труда регионов России 2023 года Новгородскую область на 24 месте (индекс 0,570), Республику Карелию на 71 месте (индекс 0,480) [Емелина и др., 2026: 11].

Предшествующие исследования российских ученых [Хасбулатова, Смирнова, 2023: 6] демонстрируют, что социально-половая дифференциация в уровне доходов в современной России ограниченно зависит от высокого образовательного статуса, т. е. наличия диплома о высшем профессиональном образовании. Несмотря на приблизительно равные доли мужчин и женщин, обладающих данным видом культурного капитала, значимыми в определении их социально-экономического статуса выступают направления подготовки (технологические или гуманитарные специальности); отрасли трудовой занятости, профессии (гендерная сегрегация системы труда); события жизненного пути, влияющие на развитие трудовой карьеры.

В Республике Карелия обнаружено, что в среднем женщины обладают более высоким уровнем образования, чем мужчины (критерий Манна-Уитни $U = 30979$, уровень значимости $p = 0,018$). Более подробный анализ позволил выявить, что ассоциация между полом и уровнем полученного образования, представлена в следующем виде тенденции: среди женского населения региона несколько выше доля тех, кто имеет оконченное среднее специальное, среднее профессиональное (37,5 % среди мужчин, 43,5 % среди женщин). Нам представляется, что уровень образования как культурного капитала играет ограниченную роль в социальной дифференциации мужчин и женщин.

Гендерные особенности оценок качества жизни на локальной территории региона в контексте его цивилизационного уклада

По результатам опроса были выявлены гендерные сходство и различия в определении наиболее острых повседневных проблем, снижающих уровень индивидуального благополучия. Наиболее проблемные аспекты качества жизни общие для регионов выделены на основе совокупных для обоих социально-демографических групп данных: а) материальное благосостояние; б) дорожная инфраструктура; в) жилищные условия; г) асоциальное, социально опасное поведение (наркомания; пьянство); д) благосостояние и состояние медицинского обслуживания.

Оценки повседневных проблем, для которых обнаружены статистически значимые ассоциации между полом и субъективно определяемой респондентами их важностью, представлены ниже (рис. 1 и 2). В обоих регионах гендерно специфическими вопросами являются следующие значимые повседневные проблемы: 1) низкие зарплаты, пенсии; 2) работа общественного транспорта; 3) состояние медицинского обслуживания (рис. 1, 2). Зафиксированные регионально дифференцированные гендерные различия в проблематизации условий жизни представляются нам проявлением особенностей локального социального порядка.

Обратимся к данным на примере Республики Карелия.

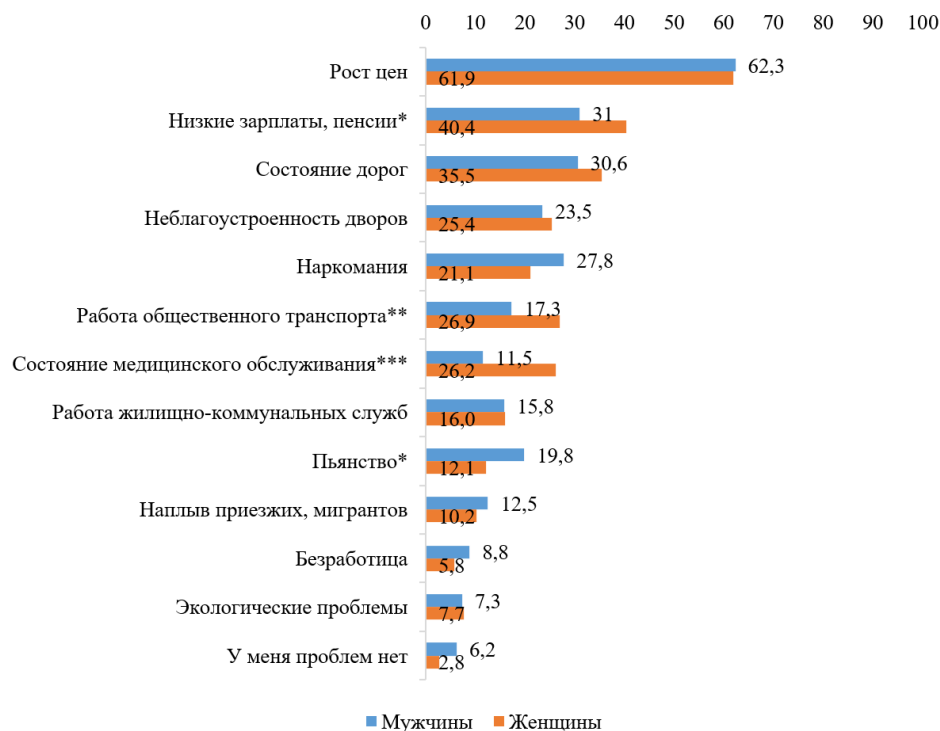

Рис. 1. Гендерные различия в определении значимых повседневных проблем в Республике Карелия, в %

* Асимптотическая значимость Хи-квадрат Пирсона $\leq 0,05$; ** Асимптотическая значимость Хи-квадрат Пирсона $\leq 0,01$; *** Асимптотическая значимость Хи-квадрат Пирсона $\leq 0,001$

Далее представим данные, полученные по Новгородской области.

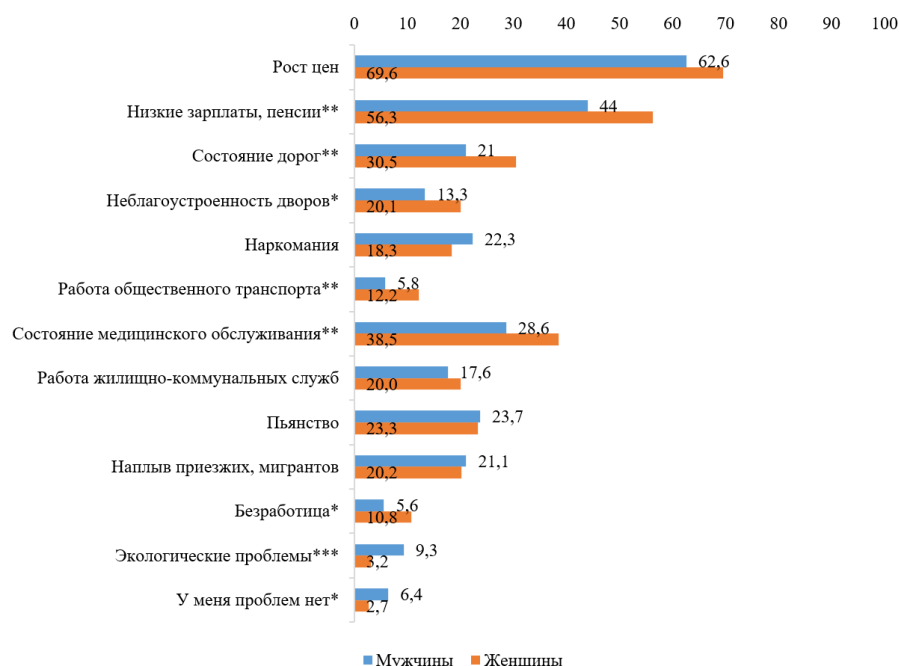

Рис. 2. Гендерные различия в определении значимых повседневных проблем в Новгородской области, в %

*Асимптотическая значимость Хи-квадрат Пирсона $\leq 0,05$; **Асимптотическая значимость Хи-квадрат Пирсона $\leq 0,01$; *** Асимптотическая значимость Хи-квадрат Пирсона $\leq 0,001$

Повседневность и уровень жизни. Сходство в оценках мужчин и женщин индивидуальной значимости многих повседневных проблем обусловлено преимущественно общими условиями жизни, разделяемыми трудностями в решении вопросов, которые не являются гендерно специфическими, что подтверждается результатами других исследований [Радина и др., 2016]. Различия в восприятии респондентами своего жизненного уровня свидетельствует о воспроизводстве гендерного неравенства в сфере доходов, т. е. материального (прежде всего, финансового) благосостояния как проявления социально-структурной составляющей цивилизационного уклада изученных муниципальных образований регионов. В среднем мужчины оценивают свой уровень достатка выше, чем женщины.

Сфера здравоохранения. Преобладание среди женщин в отличие от мужчин более низких оценок институциональных ресурсов цивилизационного комплекса муниципальных образований в сфере медицины фиксируется в обоих регионах. В Республике Карелия о проблемах с доступом к качественному медицинскому обслуживанию заявляет значительная часть среди женщин (52,7 %), а не мужчин (39,9 %). Аналогичная ситуация в Новгородской области: о низком уровне доступности респондентам качественного медицинского обслуживанию заявляет более высокая доля женщин (67,1 %), чем мужчин (51,6 %).

Среди факторов, обуславливающих социально-половые различия в представлениях о доступности качественных медицинских услуг, по нашему мнению, следует

указать на вероятность их более высокой востребованности среди женщин, чем среди мужчин. Женщины вынуждены посещать медицинские учреждения в связи с беременностью и рождением детей, а также в последующем в ходе заботы об их здоровье, что нередко является частью именно женских практик по уходу за ребенком в структуре распределения домашних и родительских обязанностей между полами [Новосёлова, 2021; Антонов и др., 2024]. Преобладание женщин пенсионного возраста в половозрастной структуре изучаемых населенных пунктов также ассоциируется с наличием у них устойчивой потребности в получении медицинской помощи по состоянию здоровья.

Отечественные исследователи отмечают, что мужчины в сравнении с женщинами имеют менее сформированную культуру бережливого отношения к своему здоровью, что реализуется в маскулинных поведенческих особенностях (практиках питания, физической активности, заботы о здоровье и проч.) [Попова, 2014; Танатова, Королёв, 2025]. При этом ограниченный доступ женщин к качественным медицинским услугам также может быть следствием зафиксированной и рассмотренной выше разницы в экономическом положении социальных полов. Согласно современным исследованиям присутствует значимая связь между неравенством в доходах и здоровьем населения [Карцева, Кузнецова, 2023]. Более обеспеченное финансовое положение мужчин предоставляет им возможность, например, получения платных медицинских услуг, что нередко повышает скорость обслуживания (запись и прием у специалистов), выбор специалиста, назначение и использование более дорогих и действенных лекарств, проч.

Рынок труда. Интересно, что иные аспекты институционального потенциала муниципальных образований получают схожие оценки среди мужчин и женщин. Так, статистически значимых различий в оценках стабильности своей текущей занятости на рынке труда и его наполненности аналогичными вакансиями между работающими мужчинами и женщинами не выявлено. Подавляющее большинство представителей обоих полов достаточно оптимистично оценивает рынок труда в регионах: в Республике Карелия 84,1 % мужчин и 81,5 % женщин, в Новгородской области 85,7 % мужчин и 83,7 % женщин. Таким образом, выявленная и рассмотренная ранее гендерная дифференциация в системе труда воспроизводится, устойчиво функционирует, обеспечивая занятость населения.

Доступность образования. Порядка двух третей опрошенных в обеих социально-демографических группах регионов заявляют о доступности качественного образования. Социально-половая принадлежность также не является значимым фактором в определении развитости культурной и досуговой инфраструктуры, предоставляющей возможности в удовлетворении соответствующих потребностей. Вариативность оценок населения по этому вопросу обуславливается, прежде всего, принадлежностью к возрастной группе и типом населенного пункта (город/село). Аналогичная ситуация и в сфере медиапотребления информации о жизни в своем месте поселения.

Оценка ресурсов локальной территории. Оценки экономического благосостояния локальной территории в основном гендерно нейтральны. Порядка двух третей опрошенных среди мужчин и женщин в обоих регионах заявляют о среднем экономическом положении населенного пункта, в котором они проживают. Более 80 % респондентов в обеих социально-демографических группах отмечают обеспеченность

поселения любыми или большинством необходимых товаров и услуг для приобретения. Половина ответивших в каждой из групп считает, что условия жизни в их населенном пункте лучше, чем в других. Представления о перспективах реализации ресурсного потенциала цивилизационного комплекса локальной территории вариативны. В Республике Карелия статистически значимые связи между полом и оценками перспектив населенного пункта не выявлены. Порядка 60 % опрошенных в обеих социально-демографических группах ожидают развития, улучшений условий жизни. Для опрошенных из Новгородской области статистически значимые связи между полом и оценками перспектив населенного пункта присутствуют, в среднем женщины (76,8 %) позитивнее оценивают перспективы населенного пункта, чем мужчины (66,8 %), большая доля из которых предполагает сохранение текущего положения в регионе. Следует отметить, что ожидания позитивных изменений преобладают среди более молодых возрастных групп и городских жителей в обоих регионах.

Значимость различных акторов в решении проблем поселения. Субъектный срез цивилизационного уклада локальной территории в обоих регионах характеризуется схожими тенденциями. По мнению большинства опрошенных, среди мужчин и женщин наибольшими ресурсами для решения волнующих жителей проблем, которые были рассмотрены выше, обладают Президент РФ и субъекты, принадлежащие к различным уровням публичной власти в РФ: федеральным органам государственной власти (Правительство РФ), органам государственной власти региона РФ (губернатор), органам местного самоуправления (глава администрации города, глава администрации района). Незначительная доля респондентов видит высокий потенциал ликвидации обозначенных ими проблем в личной активности (самостоятельное разрешение), деятельности СМИ, общественных объединений, экономических акторов (например, руководством предприятий населенного пункта).

Гендерные различия в определении роли социальных акторов, которые в первую очередь обладают достаточным потенциалом в разрешении значимых для участников опроса проблем, в исследованных муниципальных образованиях заключаются в следующем. Среди мужчин преобладает уверенность в соответствующих возможностях главы государства, а среди женщин выше убежденность в способностях главы администрации города. Выявленные особенности могут быть в том числе отражением рассмотренной выше разницы между социальными полами в идентификации значимых повседневных проблем. Для значительной части женщин актуальны вопросы, находящиеся в ведении органов местного самоуправления (например, состояние муниципальных дорог в поселении, работа общественного транспорта, проч.).

Общественная активность населения. Участие граждан в различных формах местного самоуправления, как показывают результаты исследования, умеренное и ограниченное. Основной и единственный массово распространенный вид индивидуальной активности для представителей обеих социально-демографических групп в изученных муниципальных образованиях регионов — участие в выборах местных органов власти. При этом в Республике Карелия статистически значимо преобладание данной практики среди женщин (57 %), чем среди мужчин (41,7 %) (Хи-квадрат $\chi^2 = 14,197$, уровень значимости $p < 0,001$). В Республике Карелия также выявлена ассоциация между полом и отсутствием партисипации в осуществлении местного самоуправления: не вовлечены 53,3 % среди мужчин, 38,9 % среди женщин (Хи-квадрат $\chi^2 = 12,528$, уровень значимости $p < 0,001$). В Новгородской области доля не вовлеченных составляет 51,6 % среди мужчин и 47 % среди женщин. Полученные результаты

свидетельствуют об актуальности вопросов развития гражданского участия жителей муниципальных образований в местном самоуправлении.

Включенность респондентов в реализацию общественных мероприятий ограничивается преимущественно праздниками (более 50 % опрошенных во всех рассматриваемых группах), т. е. символически значимыми, выполняющими интегрирующую функцию для социума событиями, нередко предусматривающими в том числе досуговые практики. От четверти до трети представителей мужчин и женщин в обоих регионах принимают деятельное участие в мероприятиях по благоустройству территории проживания (например, субботники, уборка территории, проч.). Такая же часть ответивших не вовлечена в публичные, массовые формы активности, способствующие (вос)производству социальной сплоченности.

Социальное и межличностное доверие. Данные опроса демонстрируют, что подавляющее большинство (более 90 %) представителей обеих социально-демографических групп имеет сильные связи с членами своих семей, основанные на межличностном доверии. Доверие как маркер качества социальных отношений является важным элементом социального капитала семьи [Prandini, 2014; Брагина, Почебут, 2024]. Полученные результаты подтверждают достаточно высокий уровень межличностного доверия населения «ближнему кругу» в повседневной жизни (родственники, коллеги, руководитель организации), фиксируемый в России в XXI веке на фоне низкого уровня общественного доверия¹ (обобщенное доверие, т. е. большинству людей) [Кученкова, 2016]. Они свидетельствуют о трансформации отношений соседствования, а именно ослабления связей как следствия роста их изолированности, деперсонализированности, эмоциональной невовлеченности [Бредникова, 2021]. Если коллегам и руководству организации доверяет порядка двух третей в каждой из рассматриваемых групп, то соседям — менее половины.

Оценка будущего. Социальное настроение, рассматриваемое в настоящей работе в качестве катализатора общественного мнения и фактора влияния на поведение индивидов, обладает социально-половой спецификой среди опрошенных жителей регионов. В среднем женщины в отличие от мужчин с большей тревогой и неуверенностью смотрят в будущее. Преобладающими для представителей обоих полов являются оптимистичные настроения, но среди мужчин в обоих субъектах они преобладают (рис. 3 и 4). Среди женщин более распространена, чем среди мужчин, амбивалентность в отношении будущего.

Обратимся к данным на примере Республики Карелия.

¹ В поисках доверия // Официальный сайт АЦ ВЦИОМ. 11 января 2024 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-doverija> (дата обращения: 08.05.2026).

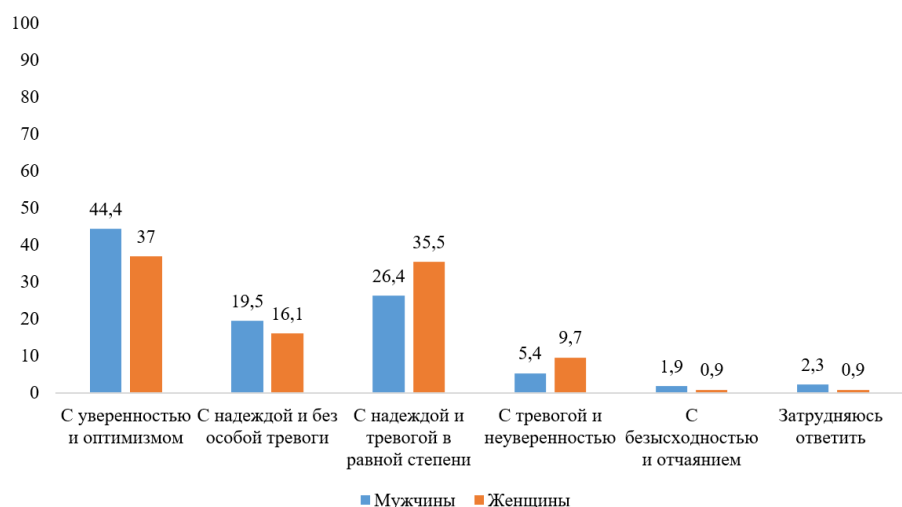

Рис. 3. Социальное настроение в отношении будущего среди мужчин и женщин в Республике Карелия, в %

А также представим характер социальных настроений в отношении будущего жителей Новгородской области.

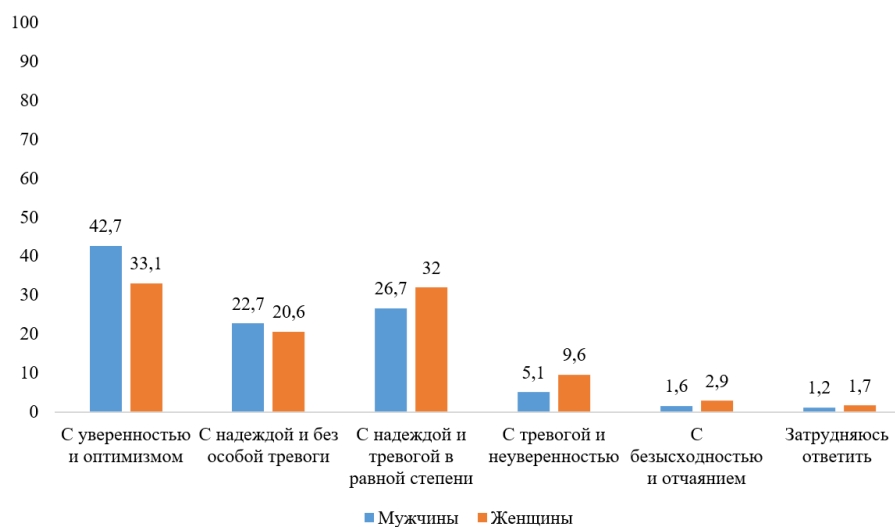

Рис. 4. Социальное настроение в отношении будущего среди мужчин и женщин в Новгородской области, в %

Принимая во внимание комплексность (субъективная оценка социального положения, объективное состояние уровня жизни, проч.) и динамичность (сочетание ситуативных факторов и устойчивых позиций, представлений) условий формирования социального настроения населения, полученные данные позволяют нам подтвердить наличие тенденции большего страха перед будущим среди женщин, чем среди мужчин в России, зафиксированной в исследованиях других авторов [Милованова, 2024].

Заключение

Цивилизационный уклад локальной территории как комплексная конфигурация социокультурных и социально-экономических условий жизни населения представлен в гендерном измерении. Социальный и культурный пол является структурирующей структурой, оказывающей влияние на организацию социальных отношений в их социально-структурном (неравенства), институциональном, культурном и субъектном (агентность) аспектах. С одной стороны, это находит выражение в объективно существующих и субъективно воспринимаемых социальных позициях, ресурсах, правилах, возможностях и ограничениях выстраивания различных карьер и траекторий жизненного пути (семейной, трудовой, образовательной, проч.) в сложившихся экономических, политических, социальных условиях на индивидуальном уровне. С другой стороны, особенности существующего гендерного порядка, гендерной дифференциации являются значимым фактором для определения направлений, формирования потенциала, выбора способов развития локальной территории как части управленческой деятельности органов власти различного уровня, активности бизнеса.

Выделен ряд гендерно значимых особенностей в представлениях жителей о состоянии и перспективах развития локальных территорий изученных муниципальных образований Новгородской области и Республики Карелия. Гендерное измерение цивилизационного уклада муниципальных образований характеризуется воспроизводством социально-половой дифференциации труда по роду занятости, а также ассоциированными с этим структурным механизмом поддержания отношений диспаритетом доходов мужчин и женщин, уровня финансового благосостояния (в их объективном измерении и субъективных оценках), особенно среди более высокодоходных групп населения, сегрегацией по сферам профессиональной подготовки и занятости по отраслям экономики. Перечисленные факторы являются одними из ключевых в достижении социально-экономического статуса индивидов, формирования неравенства между представителями социально-демографических групп мужчин и женщин как характеристики социально-структурного развития цивилизационного комплекса поселений.

Институциональный срез векторов цивилизационного развития территорий регионов, зафиксированный в общественном мнении респондентов о качестве услуг, уровне развития, доступности хозяйственной (например, состоянии дорог, работе жилищно-коммунальных служб), социальной инфраструктуры (например, доступности качественного образования; возможности удовлетворения культурных потребностей), состоянии рынка труда, имеет преимущественно сходные оценки среди мужчин и женщин. Данный факт обусловлен преимущественно общими условиями жизни, разделяемыми трудностями, которые не имеют жесткой социально-половой окраски в современном российском обществе, в том числе, в силу воплощаемого в институциональной среде публичной сферы жизни существующего гендерного порядка, включающего различные способы, формы реализации принципов гендерной чувствительности — эгалитарности, специфичности.

Обнаружено наличие гендерно маркированной проблемности доступности качественного медицинского обслуживания и работы общественного транспорта как воплощения пересечения экономического неравенства социальных полов и социокультурных принципов функционирования институтов (например, коммерциализация

системы здравоохранения; разделение труда в семье — забота о детях как преимущественно женская функция). Отмечено наличие фактора возраста, выраженного в присутствии существенной доли лиц, достигших пенсионного возраста (60 лет и старше) среди женского населения, вероятно имеющего влияние на зафиксированные распределения оценок мужчинами и женщинами различных аспектов цивилизационного комплекса изученных локальных территорий, в том числе о системах медицинского обслуживания, общественного транспорта.

Субъектный (агентно-акторный) срез цивилизационного уклада в его переплетении с культурным аспектом характеризуется ограниченной социальной, гражданской активностью населения, вариативностью социально-половой специфики участия в общественно-политической жизни муниципальных образований как проявлений существующей политической культуры в России. Вместе с тем было выявлено консенсусное, преобладающее мнение среди представителей обеих социально-демографических групп о наличии потенциала в реализации функции разрешения значимых для населения проблем у политических институтов различного уровня (органов власти федерального, регионального, местного уровня), нежели иных социальных институтов (экономических, культурных, социальных).

Результаты исследования подтвердили инвариантную (вне зависимости от пола) тенденцию в современном российском обществе к сочетанию высокого уровня межличностного доверия и низкого общественного доверия как регулятора социальных отношений в приватной и публичной сферах жизни, основы успешности функционирования, развития различных социальных институтов.

Оценки цивилизационного уклада локальных территорий изученных муниципальных образований Новгородской области и Республики Карелия находят выражение в социальных настроениях населения в отношении будущего. Ещё одним «генерализованным показателем» считаем представления о перспективах населенного пункта, среди которых нет однозначных, стабильно воспроизводимых гендерно окрашенных мнений для регионов. Результаты исследования свидетельствуют о симультанном присутствии в цивилизационном укладе рассмотренных локальных территорий регионов Северо-Запада РФ гендерного структурирования (например, различия в уровне доходов, трудовой дифференциации) наряду с гендерной нейтральностью / эгалитаризмом (например, схожие оценки социальной и хозяйственной инфраструктуры), обладающих тонкими различиями во мнениях населения.

В представлениях об оценках населением муниципальных образований российских регионов своего положения, состояния дел и перспектив цивилизационного развития региона выявлен ряд различий гендерного характера. Эти данные проливают свет на уникальное положение российских регионов. Дальнейшее сравнительное изучение гендерных особенностей других российских регионов и страны в целом значимо для выявления ресурсов их цивилизационного комплекса и потенциала цивилизационного развития.

Список источников

- Антонов А. И., Карпова В. М., Ляликова С. В. Времени в обрез: сколько времени россияне уделяют заботе о собственных детях? // *Народонаселение*. 2024. Т. 27, № 3. С. 137—152.
- Брагина Т. С., Почебут Л. Г. Социально-психологический подход к изучению «социального капитала семьи» // *Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2024. Т. 34, № 2. С. 158—165.

- Бредникова О. Е. «Я с соседями совсем не общаюсь...»: соседство как рутинное взаимодействие // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2021. Т. 13, № 2. С. 101—123.
- Бурдье П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3, № 5. С. 60—74.
- Емелина Н. К., Солнцев С. А., Роцин С. Ю. Региональные различия в положении мужчин и женщин на рынке труда в России — 2026: докл. Лаб. Исследований рынка труда НИУ ВШЭ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2026. 103 с.
- Карцева М. А., Кузнецова П. О. Здоровье, доходы, возраст: эмпирический анализ неравенства в здоровье населения России // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 2. С. 160—185.
- Козловский В. В. Профиль и ресурсы цивилизационного развития территории региона РФ // *Цивилизационный потенциал территории субъекта РФ. Всерос. научно-практ. конф.* / Калининград: Изд-во «РА Полиграфыч», 2021. С. 6—16.
- Козловский В. В. Цивилизационный комплекс российского региона: мера изменений и развития // *Цивилизационный потенциал российского региона: проблемы измерения, интерпретации и оценки: материалы II Всероссийской научно-практической конференции*. Калининград: «РА Полиграфыч», 2022. С. 9—18.
- Козловский В. В. Идентичность в структуре цивилизационного потенциала российского региона // *Цивилизационный потенциал российского региона: люди и перемены. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции*. Калининград: Общество с ограниченной ответственностью «РА Полиграфыч», 2024. С. 15—33.
- Коннелл Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 432 с.
- Кученкова А. В. Межличностное доверие в российском обществе // *Социологические исследования*. 2016. № 1 (381). С. 26—36.
- Милованова М. Ю. Гендерное измерение социального настроения в современной России: опыт историко-социологического анализа // *Наука. Культура. Общество*. 2024. Т. 30, № 1. С. 46—61.
- Новосёлова Е. Н. Здоровье как ценность и результат деятельности: проблемы и противоречия // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2021. Т. 27, № 3. С. 80—103.
- Попова И. П. Взаимосвязь состояния здоровья и материального состояния: гендерное измерение // *Социология медицины*. 2014. Т. 13, № 2. С. 58—63.
- Радина Н. К., Ким Н. В., Поришев А. В. Гендерные аспекты социальной интегрированности жителей провинциальных городов в контексте развития территории (Сравнительный анализ 2002—2014 гг.) // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 1. С. 35—50.
- Танатова Д. К., Королев И. В. Культура бережливого отношения мужчин к своему здоровью в контексте управления демографическими процессами // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*. 2025. Т. 12, № 3. С. 341—349.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Социальный статус женщин в российском обществе (1992—2022) // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 4. С. 3—19.
- Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1, 2. М.: Университетская книга. 2001. 380 с.
- Prandini R. Family relations as social capital // *Journal of Comparative Family Studies*. 2014. Vol. 45, № 2. P. 221—234.

References

- Antonov, A. I., Karpova, V. M., Lyalikova, S. V. (2024) Vremeni v obrez skol'ko vremeni rossiiane udeliaut zabote o sobstvennykh detiakh [Pressed for time: How much time do Russians spend caring for their children?], *Narodonaselenie*, vol. 27, no. 3, pp. 137—152.
- Bourdieu, P. (2002) Formy kapitala [The Forms of Capital], *Ėkonomicheskaja sotsiologija*, vol. 3, no. 5, pp. 60—74.
- Bragina, T. S., Pochebut, L. G. (2024) Sotsial'no-psikhologicheskii podkhod k izucheniiu sotsialnogo kapitala sem'i [Social capital of family as a psychological phenomenon], *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofija. Psikhologija. Pedagogika*, vol. 34, no. 2, pp. 158—165.
- Brednikova, O. E. (2021) «Ia s sosiediami sovsem ne obshchaius'...»: sosedstvo kak rutinnoe vzaimodeistvie [«I Don't Communicate with My Neighbors At All»: Neighboring as a Routine Interaction], *Laboratorium: zhurnal sotsialnykh issledovanii*, vol. 13, no. 2, pp. 101—123.
- Connell, R. (2015) *Gender i vlast: obshchestvo, lichnost i gendernaia politika* [Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 432 p.
- Elias, N. (2001) *O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniia. T. 1—2. T. 2* [The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. Vol. 1—2. Vol. 2], Moscow: Universitetskaja kniga, 380 p.
- Emelina, N. K., Solntsev, S. A., Roshchin, S. Yu. (2026) *Regionalnye razlichia v položenii mužchin i zhenshin na rynke truda v Rossii 2026: dokl. Lab. Issledovanii rynka truda NIU VSHE* [Regional Differences in the Position of Men and Women in the Russian Labor Market—2026: Report by the HSE Labor Market Research Lab], Moscow: Izd. dom Vyssheĭ shkoly Ėkonomiki, 103 p.
- Kartseva, M. A., Kuznetsova, P. O. (2023) Zdorov'e, dokhody, vozrast: ėmpiricheskie analiz neravenstva v zdorov'e naselenija Rossii [Health, Income, Age: Empirical Analysis of Health Inequality in Russia], *Monitoring obshchestvennogo mnenija: ėkonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no. 2, pp. 160—185.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2023) Sotsial'nyi status zhenshin v rossiiskom obshchestve (1992—2022) [The social status of women in Russian society (1992—2022)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—19.
- Kozlovsky, V. V. (2021) Profil i resursy tsivilizatsionnogo razvitiia territorii regiona RF [Profile and resources of civilizational development of the territory of the Russian Federation region], in: *Tsivilizatsionnyi potentsial territorii sub'ekta RF. Vseross. nauchno-prakt. Konf.*, Kaliningrad: Izd-vo «RA Poligrafych», pp. 6—16.
- Kozlovsky, V. V. (2022) Tsivilizatsionnyi kompleks rossiiskogo regiona: mera izmenenii i razvitiia [The civilizational complex of the Russian region: a measure of change and development], in: *Tsivilizatsionnyi potentsial rossiiskogo regiona: problemy izmerenija, interpretatsii i otsenki. Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Kaliningrad: Izd-vo «RA Poligrafych», pp. 9—18.
- Kozlovsky, V. V. (2024) Identichnost' v strukture tsivilizatsionnogo potentsiala rossiiskogo regiona [Identity in the structure of the civilizational potential of the Russian region], in: *Tsivilizatsionnyi potentsial rossiiskogo regiona: liudi i peremeny. Materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Kaliningrad: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'iu «RA Poligrafych», pp. 15—33.
- Kuchenkova, A. V. (2016) Mezhlichnostnoe doverie v rossiiskom obshchestve [Interpersonal trust in Russian society], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1 (381), pp. 26—36.
- Milovanova, M. Yu. (2024) Gendernoe izmerenie sotsial'nogo nastroyeniia v sovremennoi Rossii: opyt istoriko-sotsiologicheskogo analiza [The gender dimension of social mood in modern Russia: the experience of historical and sociological analysis], *Nauka Kultura Obshchestvo*, vol. 30, no. 1, pp. 46—61.
- Novoselova, E. N. (2021) Zdorov'e kak tsennost' i rezultat deiatel'nosti: problemy i protivorechiia [Health as a value and a result of activity: problems and contradictions], *Vestnik Moskovskogo universiteta Seriya 18 Sotsiologija i politologija*, vol. 27, no. 3, pp. 80—103.

- Popova, I. P. (2014) Vzaimosv'яз' sostoiianiia zdorov'ia i material'nogo sostoiianiia: gendernoe izmerenie [The relationship between health condition and material welfare: gender dimension], *Sotsiologičeskii meditsiny*, vol. 13, no. 2, pp. 58—63.
- Prandini, R. (2014) Family relations as social capital, *Journal of Comparative Family Studies*, vol. 45, no. 2, pp. 221—234.
- Radina, N. K., Kim, N. V., Porshnev, A. V. (2016) Gendernye aspekty sotsialnoi integriruvannosti zhitelei provintsialnykh gorodov v kontekste razvitiia territorii (Sravnitelnyi analiz 2002—2014 gg.) [Gender aspects of provincial city-dwellers' integration in the context of territory development (Comparative analysis of the period between 2002—2014)], *Zhenskchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 35—50.
- Tanatova, D. K., Korolev, I. V. (2025) Kultura berezhlivogo otnosheniia mužchchin k svoemu zdoroviu v kontekste upravleniia demograficheskimi protsessami [The culture of men's mindful attitude toward their health in the context of managing demographic processes], *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie*, vol. 12, no. 3, pp. 341—349.

Статья поступила в редакцию 10.08.2026; одобрена после рецензирования 20.08.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was submitted 10.08.2026; approved after reviewing 20.08.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Козловский Владимир Вячеславович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, научный руководитель, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия; и.о. заведующего кафедрой социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, vvk_soc@mail.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Principal Researcher, Academic Advisor, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation; Head of the Department of Sociology of Culture and Communication, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation).

Панкратова Лилия Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия; доцент кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, l.s.pankratova@spbu.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Senior Researcher, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation; Associate Professor, Department of Sociology of Culture and Communication, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 20—32.

Woman in Russian Society. 2026. No. 3. P. 20—32.

Научная статья

УДК 316.334.52:316.46-055.2

EDN: <https://elibrary.ru/tupuje>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.3.2

**ЖЕНЩИНЫ-ЭКСПЕРТЫ О ВОЗМОЖНОСТЯХ
АКТИВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ
И СОХРАНЕНИИ ДОВЕРИЯ В МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВАХ**

Дарья Вячеславовна Городецкая¹,

Наталья Николаевна Гурченко²,

Мария Владимировна Певная¹

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, d.v.minchenko@urfu.ru

² Департамент внутренней политики Свердловской области, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена увеличивающейся значимостью женского населения в местных сообществах, так как именно женщины сегодня активно включаются в решение все нарастающих локальных социальных проблем, могут и должны интенсивнее включаться и в управление территориями. В статье представлен анализ мнений экспертного женского сообщества: представительниц некоммерческого сектора, муниципальных общественных палат и советов, муниципальных служащих, ответственных за взаимодействие с гражданским обществом, социально активных женщин из числа городской интеллигенции. Представленные данные доказывают наличие связи между доверием населения к публичной власти на местах, интенсификацией общественной активности и ролью инициативных женщин, включенных в деятельность органов местного самоуправления, организаций третьего сектора и учреждений социальной сферы.

Ключевые слова: женщины-лидеры, общественно активные женщины, общественное участие, межсекторное взаимодействие, публичное управление, доверие к публичной власти, общественное доверие, межсекторное партнерство

Для цитирования: Городецкая Д. В., Гурченко Н. Н., Певная М. В. Женщины-эксперты о возможностях активизации общественного участия и сохранении доверия в местных сообществах // Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 20—32.

Original article

WOMEN EXPERTS ON OPPORTUNITIES FOR ACTIVATING PUBLIC PARTICIPATION AND MAINTAINING TRUST IN LOCAL COMMUNITIES

Daria V. Gorodetskaya¹, Natalia N. Gurchenok², Maria V. Pevnaya¹

¹ Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, d.v.minchenko@urfu.ru

² Department of Internal Policy of the Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The relevance of this study stems from the growing significance of the female population in local communities. Currently, it is women who are actively involved in addressing an ever-increasing number of local social issues; they can and should also play a more active role in local governance. This article presents an analysis of the views of a community of female experts: representatives of the nonprofit sector, municipal public chambers and councils, municipal employees responsible for engaging with civil society, and socially active women among the educated urban population. The data presented demonstrate a connection between public trust in local public authorities, increased civic engagement, and the role of active, enterprising women in local communities who are involved in the activities of local self-government bodies, third-sector organizations, and social service institutions.

Keywords: women leaders, socially active women, civic participation, intersectoral cooperation, public administration, trust in public authorities, public trust, intersectoral partnership

For citation: Gorodetskaya, D. V., Gurchenok, N. N., Pevnaya, M. V. (2026) Zhenshchiny-eksperty o vozmozhnostiakh v aktivizatsii obshchestvennogo uchastiia i sokhranении doverii v mestnykh soobshchestvakh [Women Experts on Opportunities for Activating Public Participation and Maintaining Trust in Local Communities], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 20—32.

Актуальность исследования и постановка проблемы

В последние годы в России прослеживается устойчивая тенденция расширения женской гражданской активности. Во-первых, заметно увеличивается доля женщин не только среди государственных гражданских служащих органов исполнительной власти субъектов РФ, но и среди замещающих должности категории «руководители» (по состоянию на 2021 г.)¹. Государственная статистика фиксирует высокий уровень участия женщин в управлении и на местном уровне. В целом достижение равноправия в сфере управления — тренд большинства стран мира, присущий и России. Во-вторых, у российского некоммерческого сектора женское лицо. Женщины возглавляют практически две трети (62 %) от общего числа действующих НКО². Во многом это задается логикой интерпретации «женской

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р: об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023—2030 гг. // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405965441/> (дата обращения: 21.07.2026).

² Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://grans.hse.ru/> (дата обращения: 21.07.2026).

созидательности» как достижения синергетического эффекта от совмещения заботы о семье и обществе [Глушкова и др., 2025]. В-третьих, среди трудоспособного населения страны 49 % женщин (по состоянию на 2024 г.)³. Это потенциально создает предпосылки усиления женской вовлеченности в просоциальные практики общественного участия. Участие женщин в общественно-политической жизни государства постепенно становится ресурсом социальных изменений, происходящих прежде всего на локальном уровне, где женщины чаще всего видят проблемы и могут реализовывать свои инициативы как лидеры. Усиливается и научный интерес к женскому лидерству в разных секторах, а также к женскому представительству в политической сфере [Андрюшина, Григорьева, 2024].

Муниципальную публичную политику характеризует системное взаимодействие между муниципальными органами власти, бизнесом и институтами гражданского общества в виде общественных объединений, многопрофильных НКО, отдельных инициативных граждан. Такая кооперация затрагивает сферу реализации личных и общественных интересов, решение локальных социально значимых проблем, создание общественного блага [Никовская, Якимец, 2022]. В исследованиях отмечается, что на практике результатом межсекторного взаимодействия и социального партнерства часто выступает именно расширение каналов общественного участия [Weng, Schwarz, Schwarz, Hardy, 2021].

Общественное участие предполагает проявления социальной или политической природы действий [Петухов, 2019]. В первом случае подразумевается стремление к достижению социально полезного результата, решению личных проблем, удовлетворению потребности быть полезным другим, а во втором — желание реализовать политические интересы, влиять на реализацию политики. По своей сущности — это комплексный процесс вовлечения и поддержания интенции между субъектами общественных отношений, их вовлечение в совместное достижение значимого результата [Никовская, Скалабан, 2017]. Практики общественного участия нередко приравниваются к гибридному способу выработки и реализации управленческих решений [Nabatchi, Amsler, 2014], особенно на местном уровне. И при условии укорененности гендерного стереотипа о женщине преимущественно как о хранительнице семейного очага известно, что женщины чаще вовлекаются в решение проблем местного сообщества по сравнению с мужчинами [Уханова, 2019]. Это означает, что женщины обладают ресурсным потенциалом для управления на местном уровне, реализуемым через их непосредственное участие в общественных делах, способности консолидации населения для укрепления локальной солидарности.

Если рассматривать общественное участие как двухстороннюю коммуникацию власти и общества, первостепенное значение приобретает обратная связь с гражданами. В условиях ограниченного опыта участия в диалоге с органами власти различных уровней в роли посредников призваны выступать институты общественного контроля, обеспечивая функционирование дискуссионных площадок для выработки согласованных решений по спорным вопросам⁴. Расширение практик общественного

³ Рабочая сила, занятость и безработица в России, 2024 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (дата обращения: 21.07.2026).

⁴ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2025 год // Общественная палата Российской Федерации. URL: <https://report2025.oprf.ru/> (дата обращения: 21.07.2026).

участия в развитии конкретных территорий требует соблюдения принципа публичного взаимодействия между всеми заинтересованными сторонами, создающими условия для общественного диалога и формирования доверия к власти [Никовская, Якимец, 2022; Петухов, 2023].

Уровень доверия к власти является одним из маркеров сложившейся практики межсекторного партнерства [Osborne, 2010]. Российские исследователи обосновывают ключевую роль местного самоуправления в формировании доверия населения к властным институтам в целом, в том числе через активизацию участия граждан в общественных объединениях и НКО [Фролова, Рогач, 2022]. Именно на муниципальном уровне создаются условия для самоорганизации горожан, снижения межведомственной дезорганизации и комплексного развития территорий при стремлении к экономии ресурсов всех типов [Воропанов и др., 2022].

В научном дискурсе за общественным участием закрепляется статус механизма демократизации, а его организация постепенно приобретает характер неотъемлемой части публичного управления. В этом контексте особый исследовательский и практический интерес представляет парадигма New Public Governance, предусматривающая приоритезацию сотрудничества публичного и частного секторов, гражданского общества и власти [Aristovnik et al., 2022]. В мировой практике происходит постепенное смещение управления к сетевому подходу, партнерствам и совместному производству публичной ценности с равноправным участием отдельных граждан и некоммерческого сектора. Тем самым общественное участие становится управляемым и легко воспроизводимым в любой среде, в т. ч. на местах [Krogh, Triantafillou, 2024].

Таким образом, цель исследования — проанализировать мнения и позиции активных женщин Среднего Урала в отношении выстроенной на территории их проживания практики взаимодействия институтов гражданского общества и органов местного самоуправления, оценить женское видение результативности такого межсекторного партнерства и условий для его расширения в местных сообществах.

Методы сбора и анализа данных

Объект исследования — женское сообщество Свердловской области, занимающее активную позицию в публичной сфере местных сообществ региона. Предмет исследования — мнения и позиции активных женщин Среднего Урала в отношении взаимодействия институтов гражданского общества и органов местного самоуправления, результативности такого межсекторного партнерства и приоритетов развития территорий. В данном случае под межсекторным партнерством в пространстве муниципалитетов понимается системное взаимодействие СОНКО, институтов общественного контроля и органов местного самоуправления при реализации проектов, мероприятий, акций, направленных на вовлечение населения в развитие города.

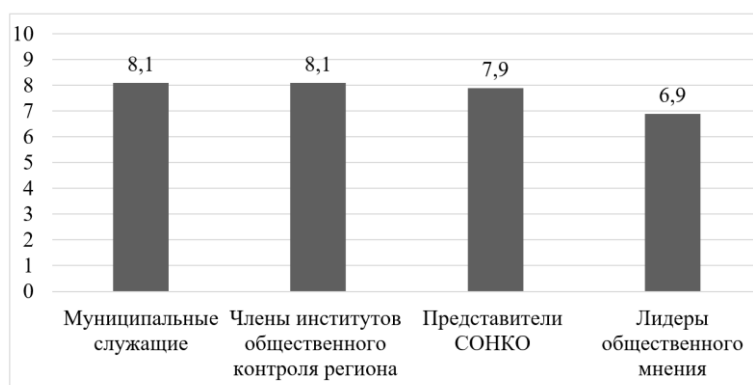
В этой работе представлены результаты анкетирования активных женщин Свердловской области. Полуформализованный опрос проведен в ноябре 2024 — феврале 2025 г. исследователями кафедры социологии и технологий ГМУ Уральского федерального университета при участии авторов статьи. Ключевым критерием отбора экспертов являлось наличие у них опыта участия в организации общественных мероприятий и социальных проектов на муниципальном уровне. В ходе опроса были получены ответы от 130 экспертов из 70 муниципальных образований региона ($n = 130$). 11 % опрошенных составляют представители молодежи до 35 лет,

тогда как основное ядро выборки (54 %) эксперты в возрасте от 35 до 55 лет. Практически треть участников исследования (35 %) представлена экспертами старше 55 лет. В структуре выборки 59 % — женщины-лидеры, работающие на руководящих позициях, 23 % — специалисты СМИ, учреждений культуры, здравоохранения и образования (например, образовательные учреждения, включая центры дополнительного образования, дома творчества, культурно-досуговые центры, библиотеки, музеи и т. п.). Практически каждый пятый эксперт (19 %) — пенсионеры, ветераны труда, профсоюзные работники. К исследованию были привлечены четыре группы экспертов: 1) представительницы некоммерческого сектора — СОНКО (38 %); 2) члены муниципальных общественных палат и советов (28 %); 3) муниципальные служащие, ответственные за взаимодействие с гражданским обществом, включая НКО (22 %); 4) общественно-активные женщины из числа городской интеллигенции — лидеры общественного мнения (12 %). Анализ данных был реализован в программе IBM SPSS Statistics 22.0 с применением методов дискриптивной статистики.

Результаты исследования

Женщины составляют 56 % населения Свердловской области (по состоянию на 1 сентября 2025 г.). По данным официальной статистики, доля женщин в составе общественных палат (советов) муниципальных образований Свердловской области достигает 53 %, среди председателей представительных органов муниципалитетов — 46 %, среди депутатов представительных органов муниципального уровня — 37 %. Доля женщин среди глав муниципалитетов региона составляет 16 %. Что касается некоммерческого сектора, 63 % СОНКО Среднего Урала, предоставивших отчетность за 2025 г. в Министерство юстиции РФ, руководят именно женщины. Такая картина позволяет рассматривать некоммерческий сектор с позиции пространства реализации субъектности женщин, альтернативного властной вертикали. Это пространство способствует накоплению социального капитала, управленческих компетенций и их конвертации в практики общественного участия с политическим (политическое участие) и неполитическим (социальное участие) основаниями в условиях осуществления межсекторного партнерства.

По данным проведенного опроса, женщины-эксперты высоко оценивают взаимодействие между институтами гражданского общества и органами местного самоуправления муниципальных образований, расположенных в пределах Свердловской области (7,8 балла из 10 возможных). Важно обратить внимание на то, что муниципальные служащие и члены институтов общественного контроля дают оценку 8,1, представители региональных СОНКО — 7,9 в то время, как оценка лидеров общественного мнения составляет 6,9 баллов. Этот разрыв указывает на сохраняющийся дефицит коммуникации между управленцами и теми, кто выведен за пределы формально выстроенного и институционально обусловленного взаимодействия. Мы фиксируем, что представители органов власти и структур, встроенных в общую систему, воспринимают сложившийся диалог более оптимистично, тогда как условно выделенные «независимые» общественницы видят определенные барьеры в сложившейся практике коммуникации.

Средняя оценка уровня взаимодействия институтов гражданского общества и органов местного самоуправления разными категориями женщин-экспертов Свердловской области в баллах от 0 (минимум) до 10 (максимум)

Охарактеризуем уровень значимости для сообщества активных женщин Среднего Урала партнерства в реализации проектов по привлечению населения в разные практики развития местных сообществ и территорий (см. табл. 1). Подавляющее большинство экспертов (88 %) считают развитие взаимодействия между СОНКО, институтами общественного контроля и органами местного самоуправления необходимым. Особенно активно эту позицию разделяют муниципальные служащие (93 %) и члены муниципальных общественных палат и советов (92 %) — именно те, кто непосредственно сталкивается с практикой совместной работы. Межсекторное партнерство не рассматривается представительницами всех категорий экспертов как что-то устаревшее и ненужное, о чем свидетельствует полное отсутствие выбора альтернатив «скорее нет», «нет».

Таблица 1

Распределение ответов женщин-экспертов Свердловской области на вопрос: «Необходимо ли, на Ваш взгляд, развивать партнерство СОНКО, институтов общественного контроля и органов местного самоуправления при реализации проектов, мероприятий, акций, направленных на вовлечение населения в развитие города?», % от опрошенных

Категория экспертов	Альтернативы ответов					Всего
	Да	Скорее да	Сложно сказать	Скорее нет	Нет	
Муниципальные служащие	57	36	7	—	—	100
Члены институтов общественного контроля региона	64	28	8	—	—	100
Представители СОНКО	65	21	14	—	—	100
Лидеры общественного мнения	56	25	19	—	—	100
Всего	62	26	12	—	—	100

Именно представительницы СОНКО и члены муниципальных общественных палат и советов однозначно убеждены в необходимости дальнейшего развития практики межсекторного партнерства при реализации проектов, активизирующих общественное участие населения в развитии локальных пространств (65 % и 64 % соответственно). Напротив, муниципальные служащие демонстрируют самую высокую долю (36 %) «условного» согласия (выбор альтернативы «скорее да»). Это, на наш взгляд, может быть обусловлено как свойственной этой категории экспертов осторожностью, привычкой избегать категоричных суждений, так и реальными сомнениями, сформированными под влиянием видимых барьеров сложившейся практики коммуникации. Тем не менее инструментарий нашего исследования не позволил однозначно установить причины и предикторы соответствующих экспертных позиций.

Отметим высокую долю опрошенных, выбравших вариант ответа «сложно сказать», среди лидеров общественного мнения. Практически каждый пятый эксперт этой группы (19 %) испытал затруднения при ответе на вопрос. Вероятно, это связано с большей дистанцированностью от властных структур, дефицитом двухсторонней коммуникации, что в результате ограничивает их потенциал как трансляторов общественных потребностей и запросов.

Далее мы определили, как женщины-эксперты представляют возможные результаты партнерства для развития территорий и управления местными сообществами. В анкете был сформулирован вопрос, позволяющий опрошенным спрогнозировать изменение 8 альтернатив, характеризующих институциональные и ресурсные эффекты межсекторного взаимодействия (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов женщин-экспертов Свердловской области на вопрос: «К чему, на Ваш взгляд, приведет развитие взаимодействия СОНКО, институтов общественного контроля и органов местного самоуправления при реализации общественно значимых проектов, мероприятий, акций?», % от опрошенных

Альтернативы	Возрастет (возрастет / скорее возрастет)	Не изменится	Сократится (сократится / скорее сократится)	Всего	Индекс
Социальная активность населения	93	6	1	100	0,96
Возможности привлечения дополнительного финансирования для решения социально значимых задач на территории МО	93	6	1	100	0,96
Доверие населения к органам местного самоуправления	93	6	1	100	0,96

Доверие населения к региональным органам власти	90	10	—	100	0,95
Доверие населения к федеральным органам власти	85	14	1	100	0,92
Расход ресурсов при реализации проектов, мероприятий, акций	87	8	5	100	0,91
Доверие населения к некоммерческому сектору	84	16	—	100	0,92
Число конфликтов и межведомственных противоречий	12	15	73	100	0,23
Значение в расчете индекса	1	0,5	0		

Региональное женское экспертное сообщество солидарно во мнении, что результаты партнерства потенциально оказывают положительное влияние как на территории, так и на взаимодействующие стороны и процессы управления местными сообществами. Прогнозируют укрепление доверия к публичной власти и некоммерческому сектору при активизации общественной работы на местах и расширении общественного участия около 89 % женщин-лидеров. Мы видим, что доверие становится не только индикатором «успешности» регионального управления, но и ресурсом развития местных сообществ, который можно наращивать через системную совместную работу. Закономерно и то, что респонденты предусматривают снижение межведомственной разобщенности при наращивании интенсивности и повышении качества межсекторного партнерства при реализации локальных социально значимых проектов.

Тем не менее прослеживается тенденция изменения уровня доверия по вертикали власти. Максимально позитивные ожидания связаны с муниципальным уровнем (0,96), минимальные — с федеральным (0,92), что подтверждает эффект территориальной (физической) близости органов местного самоуправления для населения. Что касается предрасположенности к некоммерческому сектору, 16 % экспертов прогнозируют стагнацию в уровне доверия населения к НКО.

Проанализируем запросы женщин-лидеров на поддержку со стороны региональных органов власти в системе публичной власти региона для расширения партнерства на местах. Респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Что из перечисленного, на Ваш взгляд, необходимо Вашему муниципальному образованию?». Результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Распределение ответов женщин-экспертов Свердловской области
на вопрос: «Что из перечисленного, на Ваш взгляд, необходимо
Вашему муниципальному образованию?», % от опрошенных по возрастам***

Альтернативы	Группы по возрасту			Всего
	До 35 лет	От 35 до 55 лет	Старше 55 лет	
Курсы повышения квалификации для общественников, организованные на региональном уровне	36	53	47	49
Муниципальные ресурсные центры поддержки НКО	21	36	42	36
Курсы повышения квалификации муниципальных служащих по работе с СОНКО и организации волонтерской деятельности	36	36	38	36
Муниципальные образовательные мероприятия для общественников	21	30	33	30
Публичные мероприятия от региональной общественной палаты	50	27	29	30
Информационная поддержка партнеров — ведущих региональных СОНКО	21	29	31	29
Консультационная, методическая поддержка партнеров — ведущих региональных СОНКО	14	29	33	29
Консультационные дни департамента внутренней политики	21	27	22	25
Консультационные и образовательные мероприятия от региональных ресурсных центров	7	24	18	20
Добро.Центры	36	21	9	19

В обобщенных оценках женщин-лидеров Среднего Урала наиболее востребованы курсы повышения квалификации для общественников. Такую альтернативу выделила каждая вторая (49 %) участница исследования. На втором месте в рейтинге запросов оказались муниципальные ресурсные центры поддержки НКО (36 %) и программы повышения квалификации муниципальных служащих по работе с СОНКО и организации волонтерства (36 %). Это означает, что инвестиции в человеческий капитал воспринимаются как более приоритетные, чем инвестиции в организационные структуры. Третье место разделили образовательные мероприятия для общественников

* Сумма > 100 %, т. к. респонденты могли выбирать несколько вариантов ответа одновременно.

(30 %) и публичные мероприятия от Общественной палаты Свердловской области (30 %). Наименьшая востребованность отмечается в отношении расширения инфраструктуры добровольческого участия. Создание и масштабирование Добро.Центров в муниципалитетах видит целесообразным только каждая пятая женщина-эксперт (19 %).

Сравним ответы опрошенных разных возрастных групп. Эксперты в возрасте до 35 лет более ориентированы на публичные площадки (публичные мероприятия от региональной общественной палаты — 50 %) и сетевые форматы выстраивания общественной работы (Добро.Центры — 36 %), минимально интересуясь консультационной поддержкой от СОНКО (14 %) и ресурсных центров (7 %). Представительницы возрастной группы 35—55 лет демонстрируют сбалансированный запрос с акцентом на обучение и развитие институциональной инфраструктуры. Они несколько выше ценят консультационные и образовательные мероприятия от региональных ресурсных центров (24 % против 7 % и 18 % соответственно) и консультационные дни Департамента внутренней политики (27 % против 21 % и 22 % соответственно). Более старшее поколение (55 лет и старше) отдает предпочтение созданию муниципальных ресурсных центров (42 % против 21 % и 36 % соответственно) и поддержке ведущих региональных СОНКО (33 % против 14 % и 29 % соответственно). Безусловным приоритетом для женщин всех возрастных групп остается обучение общественников (36 %, 53 %, 47 % соответственно), что позволяет рассматривать его как базовый инструмент развития потенциала общественного участия в местных сообществах.

Заключение

Женщины-эксперты Среднего Урала сочетают управленческий опыт, общественную активность и глубокое понимание локальных проблем. Их оценки состояния и перспектив межсекторного взаимодействия, партнерства значимы для понимания логики реализации политики на муниципальном уровне. Результаты исследования позволили идентифицировать направления для вовлечения активных женщин, представляющих разные экспертные группы, в решение местных проблем, обозначить запросы на поддержку этой практики партнерства со стороны региональных органов власти.

Общий уровень взаимодействия институтов гражданского общества и органов местного самоуправления разных муниципальных образований региона оценивается сообществом активных женщин как высокий. Однако при взаимодействии на местах недооценивается потенциал женщин, заметных в публичной сфере, но не вовлеченных в межсекторное взаимодействие на местном уровне. Представительницы этой категории экспертов оценивают сложившиеся практики взаимодействия ниже (в среднем на 1,2—1 балла) тех, кто на постоянной основе включен в институционально закрепленные практики партнерства, принимает участие в работе институтов общественного контроля.

По результатам нашего исследования, степень уверенности в необходимости укрепления партнерства для вовлечения населения в развитие территории проживания во многом определяется дистанцией между исполнительной властью в органах муниципальной власти и женщинами-лидерами. Те представительницы разных категорий экспертов, которые непосредственно работают с населением, но имеют ограниченную коммуникацию с муниципальными служащими в сферах здравоохранения, культуры и образования, в повседневной практике чаще испытывают затруднения при оценке необходимости развития партнерства с органами муниципальной власти. На наш взгляд, это может быть связано с отсутствием устоявшейся

коммуникации и участия в деятельности институтов общественного контроля. В результате в ответах женщин-экспертов проявляется недооценка возможностей последних.

Что касается институциональных и ресурсных эффектов межсекторного взаимодействия, подавляющее большинство опрошенных не сомневается в достижении позитивных результатов от развития партнерства институтов гражданского общества, общественного контроля и власти. С одной стороны, экспертные оценки подтверждают, что укрепление партнерства ведет к развитию самого города, привлечению дополнительного финансирования с целью улучшения условий жизни в пределах конкретных муниципальных образований. С другой стороны, при развитии взаимодействия органов публичной власти, некоммерческого сектора и институтов общественного контроля будет фиксироваться рост уровня доверия населения к публичным институтам. В целом ожидания женского экспертного сообщества Свердловской области формируют образ устойчиво развивающейся, но не лишенной структурных дисбалансов системы, где ключевым «узким местом» остается доверие к третьему экономическому сектору и федеральному уровню управления. Некоммерческий сектор не способен воспроизводить себя через самообучение и обмен опытом. В это же время, по мнению экспертов, именно дефицит профессиональных компетенций руководителей и сотрудников НКО, включая СОНКО, выступает одним из главных ограничений для развития муниципального образования и активизации общественного участия населения в его границах.

Важным аспектом процесса повышения уровня и качества межсекторного партнерства на местах является профессионализация. Для женщин-экспертов важна работа по профессионализации в регионе, а именно курсы повышения квалификации и развитие организационной инфраструктуры (муниципальные ресурсные центры). Институты поддержки, не связанные напрямую с передачей знаний и навыков, оказываются на периферии экспертного внимания, что требует пересмотра как функциональных моделей таких структур, так и коммуникационных стратегий их продвижения.

Значимы и различия в приоритетах активных женщин разного возраста в вопросах развития муниципальных образований. Молодежь воспринимает активизацию общественного участия преимущественно через призму публичности и горизонтальных связей. Для экспертов в возрасте до 35 лет важны события, на которых можно заявить о себе. Средний возраст (35—55 лет) — ядро экспертного сообщества. Представительницы этой возрастной группы, имея большой опыт, понимают, что для дальнейшего роста необходимы системные знания и институциональная поддержка. Именно эта группа является основным «потребителем» образовательных форматов работы и инфраструктурных изменений для повышения качества жизни в населенных пунктах. Старшее поколение делает ставку на проверенные, понятные форматы. Они отдают предпочтение ресурсным центрам, обучению и консультациям в своем муниципалитете, а не региональным или цифровым площадкам. Для них крайне актуален запрос на стабильно функционирующие институты, к которым можно обратиться в любой момент.

Список источников

Андрюшина Е. В., Григорьева Н. С. Актуальные подходы к исследованиям неравенства женщин и мужчин в современном обществе // *Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 140—144.*

- Воропанов В. А., Буянина О. А., Бушуева Т. Н. Организация местных сообществ как способ повышения гражданской активности и развития территорий муниципальных образований (на примере Челябинской области) // Социум и власть. 2022. № 3 (93). С. 46—55.
- Глушкова С. И., Франц В. А., Багирова А. П., Огоновская И. С. Роль женщины в развитии общества и сохранении традиционных духовно-нравственных ценностей (по итогам III Международного женского форума «Единство. Согласие. Развитие») // Вестник Гуманитарного университета. 2025. Т. 13, № 4. С. 180—190.
- Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43—60.
- Никовская Л. И., Якимец В. Н. Муниципальная публичная политика как индикатор качества взаимодействия власти и общества на местном уровне // Местное право. 2022. № 4. С. 3—20.
- Петухов В. В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 3—14.
- Петухов Р. В. Особенности формирования доверия к муниципальной власти среди молодых россиян // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 134—155.
- Уханова Ю. В. Гражданское участие регионального сообщества: гендерное измерение // Женщина в российском обществе 2019. № 1. С. 16—27.
- Фролова Е. В., Рогач О. В. Факторы формирования доверия к местной власти в Российской Федерации на современном этапе // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 4. С. 719—740.
- Aristovnik A., Murko E., Ravšelj D. From Neo-Weberian to Hybrid Governance Models in Public Administration: Differences between State and Local Self-Government // *Administrative Sciences*. 2022. Vol. 12, № 1. P. 1—19.
- Krogh A. H., Triantafyllou P. Developing New Public Governance as a public management reform model // *Public Management Review*. 2024. Vol. 26, № 10. P. 3040—3056.
- Nabatchi T., Amsler L. B. Direct public engagement in local government // *The American Review of Public Administration*. 2014. Vol. 44, № 4. P. 63—88.
- Osborne S. *New public governance: Emerging perspectives on the theory and practice of public governance*. London: Routledge, 2010. 448 p.
- Weng S., Schwarz G., Schwarz S., Hardy B. A Framework for Government Response to Social Media Participation in Public Policy Making: Evidence from China // *International Journal of Public Administration*. 2021. Vol. 44, № 16. P. 1424—1434.

References

- Andryushina, E. V., Grigorieva, N. S. (2024) Aktual'nye podkhody k issledovaniyam neravenstva zhenshchin i muzhchin v sovremennom obshchestve [Current approaches to the study of inequality between women and men in modern society], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 140—144.
- Aristovnik, A., Murko, E., Ravšelj, D. (2022) From Neo-Weberian to Hybrid Governance Models in Public Administration: Differences between State and Local Self-Government, *Administrative Sciences*, vol. 12, no. 1, pp. 1—19.
- Frolova, E. V., Rogach, O. V. (2022) Faktory formirovaniia doveriia k mestnoĭ vlasti v Rossiiskoi Federatsii na sovremennom etape [Factors for building trust in the Russian Federation local governments under modern conditions], *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniia)*, vol. 14, no. 4, pp. 719—740.
- Glushkova, S. I., Frants, V. A., Bagirova, A. P., Ogonovskaya, I. S. (2015) Rol' zhenshchiny v razvitiĭ obshchestva i sokhraneniĭ traditsionnykh dukhovno-nravstvennykh tsennostei (po itogam III Mezhdunarodnogo zhenskogo foruma «Edinstvo. Soglasie. Razvitiĭ») [The Role of Women in the Development of Society and the Preservation of Traditional Spiritual and Moral Values (The Follow-up to the III International Women's Forum "Unity. Consent. Development")], *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, no. 13 (4), pp. 180—190.

- Krogh, A. H., Triantafyllou, P. (2024) Developing New Public Governance as a public management reform model, *Public Management Review*, vol. 26, no. 10, pp. 3040—3056.
- Nabatchi, T., Amsler, L. B. (2014) Direct public engagement in local government, *The American Review of Public Administration*, vol. 44, no. 4, pp. 63—88.
- Nikovskaya, L. I., Yakimets, V. N. (2022) Munitsipal'naia publichnaia politika kak indikator kachestva vzaimodeistviia vlasti i obshchestva na mestnom urovne [Municipal public policy as an indicator of the quality of interaction between government and society at the local level], *Mestnoe pravo*, no. 4, pp. 3—20.
- Nikovskaya, L. I., Skalaban, I. A. (2017) Grazhdanskoe uchastie: osobennosti diskursa i tendentsii real'nogo razvitiia [Civic Participation: Features of Discourse and Actual Trends of Development], *Polis. Politicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 43—60.
- Osborne, S. (2010) New public governance: Emerging perspectives on the theory and practice of public governance. London: Routledge, 448 p.
- Petukhov, R. V. (2023) Osobennosti formirovaniia doveriia k munitsipal'noi vlasti sredi molodykh rossiian [Features of building trust in municipal authorities among young Russians], *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika*, no. 11 (4), pp. 134—155.
- Petukhov, V. V. (2022) Grazhdanskoe uchastie v sovremennoi Rossii: vzaimodeistvie politicheskikh i sotsial'nykh praktik [Civic participation in Russia today: interaction of social and political practices], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 3—14.
- Ukhanova, Yu. V. (2019) Grazhdanskoe uchastie regional'nogo soobshchestva: gendernoe izmerenie [Civil participation of regional community: gender dimension], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 16—27.
- Voropanov, V. A., Buryanina, O. A., Bushueva, T. N. (2022) Organizatsiia mestnykh soobshchestv kak sposob povysheniia grazhdanskoï aktivnosti i razvitiia territorii munitsipal'nykh obrazovaniï (na primere Cheliabinskoi oblasti) [Organizing local communities as an effective way to increase citizens' activity and municipal territories development (as exemplified by the Chelyabinsk region)], *Sotsium i vlast'*, no. 3 (93), pp. 46—v55.
- Weng, S., Schwarz, G., Schwarz, S., Hardy, B. (2021) A Framework for Government Response to Social Media Participation in Public Policy Making: Evidence from China, *International Journal of Public Administration*, vol. 44, no. 16, pp. 1424—1434.

Статья поступила в редакцию 12.08.2026; одобрена после рецензирования 23.08.2026; принята к публикации 02.09.2026.

The article was submitted 12.08.2026; approved after reviewing 23.08.2026; accepted for publication 02.09.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Городецкая Дарья Вячеславовна — ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, аспирантка, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, d.v.minchenko@urfu.ru (Assistant, Department of Sociology and Public and Municipal Administration Technologies, Graduate Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation).

Гурченоч Наталья Николаевна — директор департамента внутренней политики Свердловской области, г. Екатеринбург, Россия, dvp@egov66.ru (Director of the Department of Internal Policy of the Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Russian Federation).

Певная Мария Владимировна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация, m.v.pevnaya@urfu.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Head of the Department of Sociology and Public and Municipal Administration Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 33—45.

Woman in Russian Society. 2026. No. 3. P. 33—45.

Научная статья

УДК 37.048.45:004-055.2

EDN: <https://elibrary.ru/yxlbkw>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.3.3

ОТ ЛЮБИМЫХ УРОКОВ К ПРОФЕССИИ:
РОЛЬ ШКОЛЫ В РЕКРУТИНГЕ ЖЕНЩИН
В СФЕРУ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Елена Александровна Шинкаренко

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского (ННГУ), г. Нижний Новгород, Россия,
elenashinkarenko@fsn.unn.ru

Аннотация. Рассматривается процесс рекрутинга женщин в сферу информационных технологий (ИТ). Интерпретация результатов осуществлена с позиций теоретического подхода П. Бурдьё. На основе авторского эмпирического исследования методом биографического интервью выявлены несколько аспектов школьного обучения, которые вносят вклад в процесс профессионального рекрутинга женщин в сферу ИТ. Эти аспекты касаются предметного освоения школьной программы, роли учителя (проводник в предметный мир, агент профориентации), дополнительных каналов рекрутинга (участие в предметных олимпиадах, окончание школы с медалью). По мере освоения программы ученицы осознают свои склонности, появляется желание и уверенность в освоении соответствующих предметов. Сделан вывод о том, что так конструируется специфический габитус, который ложится в основу схем мышления при принятии решения о послешкольной образовательной и трудовой траектории.

Ключевые слова: Бурдьё, гендерные стереотипы, участие женщин в ИТ, гендерный габитус, школьная социализация

Для цитирования: Шинкаренко Е. А. От любимых уроков к профессии: роль школы в рекрутинге женщин в сферу информационных технологий // Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 33—45.

Original article

FROM FAVORITE CLASSES TO A CAREER: THE ROLE OF SCHOOLS IN RECRUITING WOMEN INTO THE IT SECTOR

Elena A. Shinkarenko

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod,
Russian Federation, elenashinkarenko@fsn.unn.ru

Abstract. This article examines the process of recruiting women into the information and communication technology sector. The results are interpreted from the perspective of Pierre Bourdieu's theoretical approach. Based on the author's empirical study using biographical interviews, several aspects of school education have been identified that contribute to the process of career orientation among girls. First and foremost, inclinations and interests in the study of school subjects are interpreted as a cognitive element of habitus. As they progress through the school curriculum, female students become aware of their inclinations, and favorite subjects emerge that shape their career strategies. In addition to the role of subjects directly related to the field of information and communication (mathematics, computer science, physics), the study highlights the role of foreign language learning as linguistic capital.

The article highlights the contribution of the teacher, who acts as a guide to the world of academic subjects, capable of stimulating interest, and as an agent of career guidance during the stage of choosing a university and major. Participation in academic competitions and receiving a medal upon graduation are identified as additional factors in the recruitment process. Regarding academic competitions, the issue of initiative is important, and this initiative can come from either the teacher or the student. Participation in academic competitions and winning medals in high school are viewed as a form of cultural capital. The author reached the following conclusion: as students master academic subjects with the teacher's guidance, a specific habitus is formed, which serves as the foundation for the thought processes involved in deciding on post-secondary educational and career strategies.

Key words: Bourdieu, gender stereotypes, women's participation in IT, gender habitus, school socialization

For citation: Shinkarenko, E. A. (2026) Ot lyubimyykh urokov k professii: rol' shkoly v rekrutinge zhenshchin v sferu informatsionnykh tekhnologii [From Favorite Classes to a Career: The Role of Schools in Recruiting Women into the IT Sector], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 33—45.

Формулировка проблемы

Информационные технологии — сфера, которая интенсивно развивается на протяжении многих десятилетий. Ключевые изобретения отрасли были сделаны не только мужчинами, но и женщинами. Чарльз Бэббидж в XIX в. представил концепцию первой аналитической машины. Ада Лавлейс разработала описание алгоритма для изобретения Бэббиджа. Тим Бернерс-Ли заложил основы современного интернета, создав HTTP-протокол и HTML. Стив Возняк и Стив Джобс разработали Apple II, который стал одним из первых массовых персональных компьютеров. Хеди Ламар изобрела технологию, ставшую основой Wi-Fi и Bluetooth. Грейс Хоппер создала концепцию машинно-независимых языков программирования. Над первым в истории электронным вычислителем ENIAC работали шесть программисток (Мэрлин Мельцер, Рут Лихтерман, Кэтлин Рита Макналти, Фрэнсис Билас, Бетти Джин Дженнингс, Фрэнсис Элизабет (Бетти) Холбертон) [Ада Лавлейс, Грейс Хоппер и ещё 12 женщин...2021].

За последние 15 лет возникло большое число инноваций: распространение мобильных устройств и мобильных приложений, улучшение скорости интернета, внедрение технологий больших данных (Big Data), развитие искусственного интеллекта и машинного обучения. Для активного внедрения и распространения новых технологий необходимы кадры, подготовка которых начинается в системе школьного образования. Вакансии для сотрудников с высокой квалификацией (в том числе в сфере ИТ) требуют специальной подготовки и уровня образования. Численность студентов вузов по укрупненным группам специальностей и направлений подготовки в сфере информационных технологий и смежных областях в 2023/24 учебном году по программам бакалавриата и специалитета составляла 989,6 тыс. чел. (26,4 % от общей численности) и 155,7 тыс. чел. по программам магистратуры (27 %) [Индикаторы образования, 2025: 97].

Несмотря на то, что вклад в развитие отрасли внесли как мужчины, так и женщины, на специальностях российских вузов, связанных со сферой ИТ, процент женщин меньше, чем процент мужчин в этой сфере обучения. Например, в 2024 г. в бакалавриат по специальности «Мехатроника и робототехника» принято 14 % женщин. На таких специальностях, как «Программная инженерия», «Информатика и вычислительная техника», процент девушек, принятых на первый курс, от 20 до 35 %. Свыше 30 %, но не более 45 % девушек составляют студентки-первокурсницы направлений «Прикладная математика», «Наноинженерия», «Бизнес-информатика» [Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность, 2024].

Сфера ИТ не связана с использованием физической силы, не входит в перечень запрещенных профессий для женщин и может быть рассмотрена как привлекательная для людей любого пола и возраста. Тем не менее, согласно данным крупнейшего портала по поиску работы HeadHunter, доля женщин в секторе ИТ в 2023 г. составляла 30 % [Обзор ИТ-отрасли по итогам первого полугодия, 2023]. Такой показатель сопоставим с данным Росстата о соотношении мужчин и женщин в области информации и связи (34 % женщин и 66 % мужчин) [Женщины и мужчины России, 2022: 91].

С одной стороны, можно видеть явный гендерный дисбаланс профессиональной отрасли, который складывается под воздействием различных групп факторов, в том числе стереотипных представлений о том, что технологии — это «мужская» сфера. С другой стороны, процент женщин в отрасли далек от нуля, то есть, существуют механизмы, благодаря которым женщины интегрируются в эту сферу. Их детальное изучение может способствовать более глубокому их пониманию и возможностям масштабирования. Важно говорить не только о барьерах, препятствующих рекрутингу женщин в сферу ИТ, но и изучать истории успеха.

Рекрутинг — многофакторный процесс, в который вносят вклад разные агенты. Согласно Ю. А. Зубок и В. И. Чупрову, социальные институты можно рассматривать как регуляторы социальных взаимодействий [Зубок, Чупров, 2015: 20]. Школа — один из институтов профессиональной и гендерной социализации, в котором ребенок находится длительное время. Цель статьи: изучение школьной социализации как одного из возможных факторов рекрутинга женщин в сферу ИТ.

Теоретико-методологическая база исследования

Положение женщины в образовательном и профессиональном поле можно рассматривать как аспект гендерного неравенства. И. Н. Тартаковская в рамках интерсекционного анализа гендерных карьерных стратегий выделяет три критерия, объясняющих ключевые различия в построении карьерной траектории: гендер, образование и возраст [Тартаковская, 2015: 85]. Доступ к «мужским» профессиям для женщин все еще сопряжен с реальными и символическими барьерами. Отечественные авторы сходятся в том, что выбор женщинами сфер STEM или ИТ может быть затруднен по причине стереотипизированности представлений об этих сферах как «мужских» [Мальшева, 2016; Савостина и др., 2017; Лебедева, Савинская, 2019].

В контексте нашего исследования необходимо артикулировать различия между STEM и ИТ. Сферу STEM мы рассматриваем как более широкую, поскольку она охватывает как естественные науки (биология, физика и химия), так и точные (математика, логика и статистика). Сфера информационных технологий (а в более широком смысле информационно-коммуникационных технологий) — более прикладная, сопряжена с математикой, информатикой, ориентирована на создание и использование программных продуктов, систем связи.

Рекрутинг в сферу информационных технологий, техники и естественных наук начинается с ранних этапов образования. Школу можно считать ареной гендерных отношений, где через «скрытый учебный план» [Ярская-Смирнова, 2000] транслируются отношения неравенства. Проявления неравенства могут касаться различных аспектов школьной повседневности. Например, отечественные исследователи фиксируют стереотипы в поведении школьных учителей [Клецина, Давыдова 2020], содержании учебников [Котлова, Смирнова 2001].

При изучении вопросов образовательного и профессионального неравенства для нас ключевым представляется подход П. Бурдьё. В разных его работах описаны отдельные аспекты, касающиеся гендерной проблематики. Например, в работе «Практический смысл» он обращается к ключевому аспекту гендера: физическому телу. На биологическом уровне мужчины и женщины противопоставлены друг другу в манере держать себя, нести свой корпус. [Бурдьё, 2001: 58]. На социальном уровне в теле натурализуются основополагающие социальные выборы, отражающие социальные детерминации, связанные с делениями мира по полу, возрасту, социальным классам.

В ходе конструирования половой идентичности приходит осознание разделения труда между полами [Бурдьё, 2001: 65]. В работах П. Бурдьё мы находим иллюстрации разграничения сфер. Идея разделения пространства на мужское и женское воплощена не только на физическом уровне [Бурдьё, 2001: 176], но и на уровне символического пространства, в том числе пространства образования и труда.

Трудовая сфера также может быть рассмотрена как специфическое поле, где внутренний мир объективируется в человеческом поведении через габитусы [Гончарова, 2003: 84]. В терминах П. Бурдьё можно говорить о гендерном габитусе. По мнению Л. Макней, габитус фиксирует включение телесного в социальное, при отсутствии видимой институционализированной дискриминации, масштабное социальное неравенство насаждается через стремление управлять телами и отношениями индивидов [McNay, 1999: 99]. Это может происходить через трансляцию установок относительно одобряемой внешности, занятий и активностей. Д. Рей,

рассуждая о габитусе как репертуаре возможных действий, подчеркивает, что приобретенный в семье габитус лежит в основе структурирования школьного опыта. Габитус, преобразованный действием школы, в свою очередь, лежит в основе всех последующих действий [Reay, 2004: 433].

При получении образования важен анализ способностей мальчиков и девочек к освоению предметов и связанных с этим стереотипов. П. Бурдьё отмечает, что студентки реже демонстрируют способности к владению абстрактным языком математики, потому что существуют объективные механизмы, ориентирующие девушек предпочтительно на гуманитарные факультеты [Бурдьё, 2007: 85]. Это согласуется с результатами исследования Л. Гизо, Ф. Монте и др. [Guiso et al., 2008], которые показали, что в странах с высоким индексом гендерного разрыва велик разрыв между оценками по математике (по системе PISA) в пользу мальчиков. Напротив, чем ближе страна к гендерному равенству, тем меньше различия между оценками в разрезе гендера.

В школе существуют факторы, которые в разной степени способствуют выбору технических дисциплин девушками. К таковым относится профиль класса, помощь со стороны родителей в изучении математики, оценка своих способностей к данной дисциплине, стиль преподавания учителя математики и гендерно-ориентированная организация учебной жизни [Савинская, Мхитарян, 2018]. Школу мы рассматриваем в двух аспектах. Во-первых, через призму институционализованного культурного капитала. Освоение школьных предметов для последующего получения аттестата (или в терминах П. Бурдьё «сертификата о культурной компетенции») [Бурдьё, 2002: 65]. Во-вторых, как одну из структур, которая вносит вклад в формирование габитуса (систему категорий восприятия, мышления и действия) [Бурдьё 2005: 292].

Эмпирическая база исследования

В октябре—декабре 2022 г. была проведена серия биографических интервью с женщинами, занятыми в сфере ИКТ. Выборка целевая, сформированная методом снежного кома. Всего собрано 12 интервью ($n = 12$). Среди респонденток были инженеры по тестированию, программный аналитик, разработчики программного обеспечения, руководители отдела или направления (тим-лиды). Возраст респонденток от 28 до 46 лет (медианный возраст 36 лет), стаж работы в сфере ИТ от 9 до 24 лет (средний стаж 14,5 лет). Все респонденты — представители ИТ компаний Нижнего Новгорода (в момент интервью базировались в городе или релоцировались). Продолжительность интервью составила от получаса до полутора часов.

Для обработки текстовых данных интервью мы применили специализированное программное обеспечение, пакет Лекта. Базовый словарь (то есть совокупность всех слов во всем массиве текстов) составил 57 000 слов. Объем словаря для изучения интересующей нас проблемы 167 семантических цепочек (одна цепочка — это набор одно-коренных или близких по значению слов).

В результате было получено 30 факторов, объясняющая способность модели 47 %. Все факторы были разбиты на несколько групп: семейные факторы, образовательные факторы (школьные, послешкольные), трудовые. В статье представлен анализ 6 факторов, касающихся школьной социализации женщин, занятых в сфере ИКТ. Каждый фактор (или тема) характеризует один из аспектов изучаемой проблемы.

Результаты

В рамках анализа рассмотрим факторы: «предметы и склонности», «любимые предметы», «учитель как проводник в предметный мир», «участие в олимпиадах», «профориентационная роль учителя», «медаль в школе как капитал». В таблице представлены все факторы и образующие их лексемы, которые описывают основные темы, касающиеся школьной социализации, прозвучавшие в интервью.

Факторы школьной социализации женщин, занятых в сфере ИКТ

Название фактора	Факторная нагрузка	Лексемы
Интерес к предметам и склонности	-0,6767	хорошо давались
	-0,5482	предметы
	-0,5445	информатика
	-0,5196	любимые
	-0,4207	изучать
	-0,3787	нравилось
	-0,3317	преподаватель
	-0,3171	история
Любимые предметы	-0,5741	геометрия
	-0,4944	математика
	-0,4135	уроки
	-0,3537	учительница
	-0,3066	химия
Учитель как проводник в предметный мир	0,1375	наставник
	0,3045	новое
	0,3117	хотелось
	0,5029	профильной
	0,6588	класс
	0,6928	лицей
Участие в олимпиадах	0,4914	отличница
	0,7653	участвовала
	0,8181	олимпиада
	0,8309	инициатива
Учитель как агент профориентации	0,3339	технический
	0,3662	направление
	0,6473	повлиял
	0,7583	науках
	0,7688	точных
Медаль в школе как капитал	-0,5769	медаль
	-0,4884	понимала
	-0,4498	благодаря
	-0,3231	жизни

При изучении рекрутинга девушек в сферу ИКТ большое внимание уделяется предметам школьной программы, которые лежат в основе профориентации. Фактор «интерес к предметам и склонности» образован лексемами «хорошо давались, предметы, информатика». Школьные предметы в восприятии учениц можно условно разделить на несколько групп. Во-первых, предметы, интересные в силу преподавания: «Преподаватель географии всем нравился, интересно рассказывал» (32 г. разраб. прогр. обеспеч_стаж в отрасли 11 лет); «Нравилась математика, литература,

история. Зависит от того, как преподаватель ведёт предмет» (36 л. _программист 3 категории_ стаж в отрасли 14 лет).

Во-вторых, предметы, интересные в силу способностей: «Математика нравилась. Надо решать задачки. Когда получается, у тебя ощущение, что сделал что-то сложное, можешь собой гордиться» (32 г. _разраб. прогр. обеспеч_ стаж в отрасли 11 лет).

Это можно интерпретировать как когнитивные составляющие габитуса, которые имеют биологическую природу и связаны с классификацией, запоминанием, формированием концепций [Nash, 2005: 604]. В-третьих, неинтересные предметы в силу способностей или (и) преподавания: «У меня сложно шла химия, потому что там нет логики, надо запомнить. Если необходимо запомнить, то у меня ступор» (46 л. _инженер по тест_ стаж в отрасли 24 год).

От широкого спектра предметов, которые нравятся, нужно перейти к фактору «Любимые предметы» (образован лексемами «геометрия, математика, уроки, учительница»). В будущем это предметы, в которые хочется углубиться в вузе: «Я заканчивала ВМК ННГУ. Выбрала, наверное, в 8 классе. Поняла, что мне нравится математика» (40 л. _инженер по тест_ стаж в отрасли 20 лет).

Интересно, что помимо «любимых предметов», которые напрямую связаны со сферой ИКТ (алгебра, геометрия, физика, информатика), в интервью звучали мнения о пользе изучения языков: «Самый важный и полезный школьный предмет для программиста — это не математика и не физика. Это английский, поэтому языковая школа в этом плане мне дала очень сильный толчок. Языковые предметы по-другому формируют сознание» (28 л. _миддл разработчик_ стаж в отрасли 9 лет).

Акцент на роли изучения языков согласуется с «языковым капиталом» П. Бурдьё. Язык в таком контексте выступает не только как средство коммуникации, но и как система сложных категорий, которая дает возможность управляться со сложными структурами, логическими или эстетическими [Бурдьё, 2007: 80].

В анализе системы образования П. Бурдьё обращается к роли учителя через термины педагогическое воздействие, в ходе которого происходит внушение «самых всеобщих значений» [Бурдьё, 2007: 27]. Фактор «учитель как проводник в предметный мир» образован лексемами «наставник, новое, хотелось, профиль, класс». Именно учитель способен увлечь учащихся предметом: «У нас была великолепная учительница по математике. До 9 класса она нас доучила, но мы все равно к ней ходили, она нам объясняла непонятное» (34 г. _руководитель отдела_ стаж в отрасли 9 лет).

Преподаватель может как способствовать развитию интереса (впоследствии возникнет желание более глубокого погружения), так и «отбить охоту» к изучению: «Информатика не нравилась, у нас был скучный преподаватель. Мы просто читали учебник» (32 г. _разраб. прогр. обеспеч_ стаж в отрасли 11 лет). Сюжет о роли учителя согласуется с результатами исследования О. Б. Савинской, Т. А. Мхитарян, что стиль преподавания выступает как один из факторов выбора STEM [Савинская, Мхитарян, 2018].

Одним из вариантов погружения в предмет выступает участие в олимпиадах. Соответствующий фактор образован лексемами «отличница, участвовала, олимпиада, инициатива». Вовлечение в олимпиады может быть обусловлено общей учебной успешностью: «Олимпиады были сами собой разумеющимися. Я училась на пятёрки,

мне предлагали всегда. Это даже не было предложением. Для учителей было как-то само собой, что я иду на олимпиады. От меня здесь не было инициативы, но и сопротивления тоже» (28 л. _продукт аналитик_стаж в отрасли 9 лет).

В вопросе олимпиад важным является вопрос инициативы, которая может быть со стороны как учителя, так и ученика *«Участвовала несколько раз в олимпиаде по математике, потому что просили. Это не было моей инициативой»* (38л _системный аналитик_стаж в отрасли 11л); *«Были олимпиады, куда отправили, потому что надо кого-то отправить. По математике или физике уже была моя инициатива, потому что интересно»* (33 г. инженер по тест_стаж в отрасли 12 лет).

Помимо олимпиад учителя способствовали погружению в сферу через рекрутинг в научные общества учащихся, выездные лагеря и школы: *«Я участвовала, например, в заочной школе при МФТИ, были выездные лагеря. Этому способствовали преподаватели и сама школа»* (39 л. _руководитель отдела_стаж в отрасли 20 лет).

В школе происходит процесс формирования габитуса как системы схем мышления, восприятия, оценки и действия. По мнению П. Бурдьё, в формировании габитуса велика роль педагогического труда [Бурдьё, 2007: 52]. Фактор «Учитель как агент профорientации» образован лексемами «технический, направление, повлиял, науках». Выбор послешкольной траектории (вуз, факультет, специальность) мы считаем ключевой развилкой в рекрутинге девочек в сферу ИКТ.

Д. Рей, М. Дэвид и С. Бол пришли к выводу, что диссонанс между семейным и институциональным образом жизни, может привести к ощущению, что определенный образовательный трек «не для таких, как мы» [Reay et al., 2001]. Учитель здесь способен как сгладить сомнения семьи, так и усилить их: *«Учительница математики поддерживала начинания учеников, но не особо настаивала. Не было такого, что тебе даётся математика, нужно обязательно в технический вуз»* (28 л. _миддл разработчик_стаж в отрасли 9 лет); *«Если подумать о том, кто прямо повлиял, то это моя преподавательница по информатике. Очень меня поддерживала. Я быстро выполняла задания, она мне давала какие-то дополнительные задачки»* (28 л. _продукт аналитик_стаж в отрасли 9 лет).

В исследовании Е. А. Савостиной, И. Н. Смирновой, О. А. Хасбулатовой показано, что одно из препятствий для проникновения девушек в технические сферы — сомнения в своих склонностях к изучению технических дисциплин [Савостина и др., 2017: 37]. Наши данные показывают, что учитель через стиль преподавания, поощрение интереса учениц, вовлечение девочек в дополнительные занятия вносит вклад в формирование устойчивого габитуса, в котором присутствуют установки относительно существующих культурных возможностей или ограничений. Это согласуется с понятием «горизонт для действий» (арена, где предпринимаются действия и принимаются решения), которое употребляется в контексте профессионального габитуса [Hodkinson, Sparkes, 1997]. Ф. Ходкинсон и Э. Спаркс подчеркивают, что тот факт, что для девушек есть работа в инженерном секторе, не будет иметь значения, если молодая женщина не считает инженерное дело подходящей профессией.

В ходе обучения в школе девочки начинают осознавать свои склонности, интерес к предметам, успешность в дисциплине, что потом составит основу для образовательной и трудовой стратегии: *«Математика была сложной, но в итоге я могла решить. Это был момент успеха»* (32 г. _разраб. прогр. обеспеч_стаж в отрасли 11 лет); *«В математике мне нравились сложные задачи и то, что их получается решать. Это было очень интересно. В программировании нравилось, когда ты что-то*

делаешь, что-то пишешь, а потом оно начинает работать» (40 л. инженер по тест_стаж в отрасли 20 лет).

Учитель выступает агентом внесемейной поддержки, формируя академическую самооценку как элемент образовательного габитуса [Nora, 2004], что может отразиться на академическом треке, несмотря на то, что школа оценивается не как ключевой агент профессиональной ориентации старшеклассников, а учителя не занимают здесь ведущие позиции [Савостина и др., 2017: 37].

Хорошие оценки по предметам вносят вклад в формирование профессиональных интересов [Савостина и др., 2017: 37]. Балл за предмет может стать капиталом при поступлении в вуз. Фактор «Медаль в школе» образован лексемами «медаль, понимала, благодаря, жизни». Медаль после окончания может быть символическим капиталом, свидетельством успешности. Медаль можно рассматривать как культурный капитал [Бурдье, 2002], способный сыграть роль при поступлении: «У меня была золотая медаль. Это был широкий выбор, можно было пройти собеседования на разные направления» и меня ждал филфак с распростертыми объятиями и сочинением выпускным. Но я понимала, что это не моё» (40 л. инженер по тест_стаж в отрасли 20 лет);

Заключение

В нашем материале мы продемонстрировали, что всех женщин, занимающих позиции в сфере ИТ, объединяет интерес к математике, в то время как другие предметы естественно-научного цикла могли не находить такого отклика. Это согласуется с результатами исследования Е. А. Савостиной, И. Н. Смирновой, О. А. Хасбулатовой, что 64 % девушек с интересом изучают алгебру, более 30 %, но менее 40 % с интересом изучают геометрию, физику, информатику [Савостина и др., 2017]. Механизм формирования устойчивого интереса находится на стыке биологического (когнитивные способности) и социальной среды, где велика роль школы и конкретного учителя.

На каждом этапе социализации нейтральные или гендерно окрашенные установки будут способствовать или препятствовать рекрутингу женщин в ИКТ. Этот процесс можно представить в виде воронки или спирали, когда формирование установок проходит через представления семьи, вклад школы и учителей в среднем и старшем звене. На каждом новом витке существуют факторы, которые «отсекают» потенциальных сотрудниц сектора (стереотипы в родительской и школьной среде, неинтересная подача ключевых предметов, равнодушие учителей). Небольшой процент девушек на инженерных специальностях вузов можно объяснить постепенным отсечением девочек от математических и естественно-научных дисциплин на всех этапах.

Учителя вносят вклад в формирование специфичного габитуса женщин, выбирающих сферу ИКТ в качестве профессиональной реализации. Это происходит как во время обучения в школе, так и на этапе выбора послешкольной траектории. В школе при освоении предметов у девочек формируется представление о своих силах, способностях, умении справляться со сложными задачами. Существуют как прямые механизмы его формирования (стиль, язык и методы преподавания, оценки, рекрутинг на олимпиады и научные общества учащихся), так и косвенные (похвала и одобрение, признание достижений, поощрение инициативы). Разумеется, перечень

факторов, приведенных в материале, не является исчерпывающим. Это попытка систематизировать возможные школьные факторы, которые присутствуют в биографиях женщин, построивших карьеру в сфере ИТ.

Список источников

- Бурдьё П.* Практический смысл / пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
- Бурдьё П.* Формы капитала // *Экономическая социология*. 2002. № 3 (5). С. 60—74.
- Бурдьё П.* Социальное пространство: поля и практики: пер. с фр. / сост., общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. 576 с.
- Бурдьё П., Пассрон Ж.-К.* Воспроизводство: элементы теории системы образования / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Просвещение, 2007. 267 с.
- Гончарова Н. В.* «Игры» для мальчиков (гендерные аспекты реализации карьерных притязаний) // *Социологические исследования*. 2003. № 1. С. 83—90.
- Даровская М.* Ада Лавлейс, Грейс Хоппер и ещё 12 женщин, которые создали это ваше ИТ // Skillbox. 13.12.2021. URL: <https://skillbox.ru/media/code/ada-lavleys-greys-khopper-i-eshchye-7-zhenshchin-kotorye-sozdali-eto-vashe-it> (дата обращения: 30.04.2026).
- Женщины и мужчины России. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. 208 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wom-Man%202022.pdf> (дата обращения: 30.04.2026).
- Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М.: Инфра-М; Норма Znanium.com, 2015. 272 с.
- Индикаторы образования 2025: стат. сб. / Н. В. Бондаренко, Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 452 с.
- Клецина И. С., Давыдова Э. В.* Гендерные стереотипы и их проявление в деятельности школьных педагогов // *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. 2020. Вып. 3. С. 349—356.
- Котлова Т. Б., Смирнова А. В.* Гендерные стереотипы в учебниках начальной школы // *Женщина в российском обществе*. 2001. № 3—4. С. 53—61.
- Лебедева Н. В., Савинская О. Б.* Биографический анализ карьерного пути женщин в STEM: проявление дискриминации // *Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика*. Иваново: Ивановский государственный университет. 2019. С. 135—141.
- Малышева М. М.* Естественные и технические науки для женщин в XXI веке // *Народонаселение*. 2016. № 3. С. 76—85.
- Обзор ИТ-отрасли по итогам первого полугодия: какие зарплаты платят и насколько сложно найти работу // HeadHunter. 09.08.2023. URL: <https://nn.hh.ru/article/31783> (дата обращения: 30.04.2026).
- Савинская О. Б., Мхитарян Т. А.* Технические дисциплины (STEM) как девичий профессиональный выбор: достижения, самооценка и скрытый учебный план // *Женщина в российском обществе* 2018. № 3. С. 34—48.
- Савостина Е. А., Смирнова И. Н., Хасбулатова О. А.* STEM: профессиональные траектории молодежи (гендерный аспект) // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 3 (84). С. 33—44.
- Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры. Форма № ВПО-1 // Минобрнауки России, статистическая информация. 2024. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 30.04.2026).

- Тартаковская И. Н. Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интерсекционального анализа // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 84—93.
- Ярская-Смирнова Е. Р. Гендерное неравенство в образовании: понятие скрытого учебного плана // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 295—301.
- Guiso L., Monte F., Sapienza P., Zingales L. Diversity, culture, gender, and math // Science. 2008. № 320 (5880). P. 1164—1165.
- Hodkinson P., Sparkes A. Careership: a sociological theory of career decision making // British Journal of Sociology of Education. 1997. Vol. 18. № 1. P. 29—44.
- McNay L. Gender, habitus and the field: Pierre Bourdieu and the limits of reflexivity // Theory, Culture and Society. 1999. № 16. P. 95—117.
- Nash R. The cognitive habitus: Its place in a realist account of inequality/difference // British Journal of Sociology of Education. 2005. № 26 (5). P. 599—612.
- Nora A. The role of habitus and cultural capital in choosing a college, transitioning from high school to higher education, and persisting in college among minority and persisting in college among minority and nonminority students // Journal of Hispanic Higher Education. 2004. Vol. 3. № 2. P. 180—208.
- Reay D. It's all becoming a habitus': beyond the habitual use of habitus in educational research // British Journal of Sociology of Education. 2004. Vol. 25, № 4. P. 431—444.
- Reay D., David S., Ball S. Making a difference? Institutional habituses and higher education choice // Sociological Research Online. 2001. № 5 (4). P. 1—12.

References

- Bourdieu, P. (2001) Prakticheskii smysl [The Logic of Practice/Le Sens pratique]. Translated from French by A. T. Bikbov, K. D. Voznesenskaya, S. N. Zenkin, N. A. Shmatko; in N. A. Shmatko (Ed.). Saint Petersburg: Aleteia, 562 p.
- Bourdieu, P. (2002) Formy kapitala [Forms of capital], *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, no. 3 (5), pp. 60—74.
- Bourdieu, P. (2005) Sotsial'noe prostranstvo: polia i praktiki. [Social Space and Symbolic Power/Espace social: champs et pratiques]. Translated from French by N. A. Shmatko; in N. A. Shmatko (Ed.). Saint Petersburg: Aleteia; Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii, 576 p.
- Bourdieu, P., Passeron, J.-C. (2007) Vosпроизводство: elementy teorii sistemy obrazovaniia [Reproduction in Education, Society and Culture/La Reproduction. Élément pour une théorie du système d'enseignement]. Translated from French by N. A. Shmatko. Moscow: Prosveshchenie, 267 p.
- Darovskaya, M. (2021) Ada Lavleis, Greis Hopper i eshche 12 zhenshchin, kotorye sozdali eto vashe IT [Ada Lovelace, Grace Hopper, and 12 other women who created your IT], *Skillbox*. 13.12.2021, available from <https://skillbox.ru/media/code/ada-lavleys-greys-khopper-i-eshchye-7-zhenshchin-kotorye-sozdali-eto-vashe-it> (accessed 30.04.2026).
- Goncharova, N. V. (2003) «Igrы» dlia mal'chikov (gendernye aspekty realizatsii kar'ernykh pritiizanii) ["Games" for boys (gender aspects of the realization of career aspirations)], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 83—90.
- Guiso, L., Monte, F., Sapienza, P., Zingales, L. (2008) Diversity, culture, gender, and math, *Science*, no. 320(5880), pp. 1164—1165.
- Hodkinson, P., Sparkes, A. (1997) Careership: a sociological theory of career decision making, *British Journal of Sociology of Education*, vol. 18, no. 1, pp. 29—44.
- Indikatorы obrazovaniia: statisticheskii sbornik (2025) [Indicators of education 2025: a statistical collection]. In N. V. Bondarenko, T. A. Varlamova, L. M. Gokhberg et al. (Eds.); Nats. issled. un-t «Vysshiaia shkola ekonomiki». Moscow: ISIEZ VSHE, 452 p.

- Kletsina, I. S., Davydova, E. V. (2020) Gendernye stereotipy i ix proiavlenie v deiatel'nosti shkol'nykh pedagogov [Gender stereotypes and their manifestation in the activities of school teachers], *Gertsenovskie chteniia: psikhologicheskie issledovaniia v obrazovanii*, no. 3, pp. 349—356.
- Kotlova, T. B., Smirnova, A. V. (2001) Genderny'e stereotipy v uchebnikakh nachal'noĭ shkoly [Gender stereotypes in primary school textbooks], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 53—61.
- Lebedeva, N. V., Savinskaya, O. B. (2019) Biograficheskii analiz kar'ernogo puti zhenshchin v STEM: proiavlenie diskriminatsii [Biographical analysis of women's career path in STEM: manifestation of discrimination], *Gendernye otnosheniia v sovremennom mire: upravlenie, ekonomika, sotsial'naia politika*, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 135—141.
- Malysheva, M. M. (2016) Ėstestvennye i tekhnicheskie nauki dlia zhenshchin v XXI veke [Natural and technical sciences for women in the 21st century], *Narodonaselenie*, no. 3, pp. 76—85.
- McNay, L. (1999) Gender, habitus and the field: Pierre Bourdieu and the limits of reflexivity, *Theory, Culture and Society*, no 16, pp. 95—117.
- Nash, R. (2005) The cognitive habitus: Its place in a realist account of inequality/difference, *British Journal of Sociology of Education*, no 26 (5), pp. 599—612.
- Nora, A. (2004) The role of habitus and cultural capital in choosing a college, transitioning from high school to higher education, and persisting in college among minority and persisting in college among minority and nonminority students, *Journal of Hispanic Higher Education*, vol. 3, no 2, pp. 180—208.
- Obzor IT-otrasli po itogam pervogo polugodiia: kakie zarplaty platiat i naskol'ko slozhno naiiti rabotu (2023) [Overview of the IT industry in the first half of the year: what salaries are paid and how difficult it is to find a job], *HeadHunter*. 09.08.2023, available from <https://nn.hh.ru/article/31783> (accessed 30.04.2026).
- Reay, D. (2004) It's all becoming a habitus': beyond the habitual use of habitus in educational research, *British Journal of Sociology of Education*, vol. 25, no. 4, pp. 431—444.
- Reay, D., David, S., Ball, S. (2001) Making a difference? Institutional habituses and higher education choice, *Sociological Research Online*, no. 5 (4), pp. 1—12.
- Savinskaya, O. B., Mkhitarian, T. A. (2018) Tekhnicheskie distsipliny (STEM) kak devichiĭ professional'nyi vybor: dostizheniia, samootsenka i skrytyĭ uchebnyi plan [Technical disciplines (stem) as a girl's professional choice: achievements, self-esteem and a hidden curriculum], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 34—48.
- Savostina, E. A., Smirnova, I. N., Khasbulatova, O. A. (2017) STEM: professional'nye traektorii molodezhi (Gendernyi aspekt) [STEM: professional trajectories youth (Gender perspective)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3 (84), pp. 33—44.
- Svedeniia ob organizatsii, osushchestvliaiushcheĭ obrazovatel'nyi deiatel'nost' po obrazovatel'nyim programmam vysshego obrazovaniia — programmam bakalavriata, programmam spetsialiteta, programmam magistratury. Forma № VPO-1 (2024) [Information about an organization that carries out educational activities in higher education educational programs — bachelor's degree programs, specialty programs, and master's degree programs. Form No. VPO-1], *Minobrnauki Rossii, statisticheskaiia informatsiia*, available from: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (accessed 30.04.2026).
- Tartakovskaya, I. N. (2015) Vosпроизводство gendernogo poriadka cherez kar'ernye strategii: popytka intersektional'nogo analiza [Reproduction of the gender order through career strategies: an attempt at intersectional analysis], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 84—93.
- Yarskaya-Smirnova, E. R. (2000) Gendernoe neravenstvo v obrazovanii: poniatie skry'togo uchebnogo plana [Gender inequality in education: the concept of a hidden curriculum], *Gendernye issledovaniia*, no. 5, pp. 295—301.

Zhenshchiny i muzhchiny Rossii. 2022: Statisticheskii sbornik (2022) [Woman and men of Russia. 2022: A Statistical Collection]. Rosstat. Moscow, 208 p., available from: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wom-Man%202022.pdf> (accessed 30.04.2026).

Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. (2015) *Sotsial'naiia reguliatsiia v usloviakh neopredelennosti. Teoreticheskie i prikladnye problemy v issledovanii molodezhi* [Social regulation in conditions of uncertainty. Theoretical and applied problems in youth research]. Moscow: Infra-M; Norma Znanium.com, 272 p.

Статья поступила в редакцию 20.08.2026; одобрена после рецензирования 28.08.2026; принята к публикации 06.09.2026.

The article was submitted 20.08.2026; approved after reviewing 28.08.2026; accepted for publication 06.09.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Шинкаренко Елена Александровна — канд. социол. наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (ННГУ), г. Нижний Новгород, Россия, elenashinkarenko@fsn.unn.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Department of General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 46—61.

Woman in Russian Society. 2026. No. 3. P. 46—61.

Научная статья

УДК 316.346.32-053.6-055.1/.2

EDN: <https://elibrary.ru/ynknsy>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.3.4

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРЕДПОЧТЕНИЯ МОЛОДЁЖИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ

Марина Юрьевна Милованова,

Владислав Вадимович Колесник

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия,
m_milovanova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению гендерных различий в политических предпочтениях, ценностных ориентациях и социальных установках молодёжи современной России. Актуальность исследования обусловлена нарастающим «гендерным идеологическим разрывом», фиксируемым как в международных, так и в отечественных исследованиях. Эмпирическая база включает данные двух опросов: авторского анализа Всероссийского исследования «Общественный договор — 2024» (N = 1000) в рамках проекта РНФ и авторского исследования «Социальные ценности и политические предпочтения молодёжи в современной России» (N = 365, 2025). Показано, что молодые женщины значительно чаще идентифицируют себя с либеральными взглядами, тогда как мужчины склонны к консервативным и государственно-охранительным установкам. Наибольшие гендерные разрывы зафиксированы в вопросах представительства женщин в политике, равенства оплаты труда и отношения к авторитарному правлению. Выявлен парадокс: женщины при либеральных гендерных позициях демонстрируют более высокую приверженность традиционным ценностям — единству народов и нравственным идеалам. Корреляционный анализ показал умеренную связь между идеологической самоидентификацией и ценностными установками, отражающую смешанную конфигурацию взглядов молодёжи.

Ключевые слова: молодёжь, гендерный анализ, ценностные ориентации, политические предпочтения, идеологический разрыв, либерализм, консерватизм, традиционные ценности, социальная справедливость

Для цитирования: Милованова М. Ю., Колесник В. В. Ценностные ориентации и политические предпочтения молодёжи современной России: гендерный анализ результатов эмпирического исследования // Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 46—61.

Original article

VALUE ORIENTATIONS AND POLITICAL PREFERENCES OF YOUNG PEOPLE IN CONTEMPORARY RUSSIA: A GENDER ANALYSIS OF EMPIRICAL RESEARCH FINDINGS

*Marina Yu. Milovanova,**Vladislav V. Kolesnik*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
m_milovanova@mail.ru

Abstract. This article examines gender differences in the political preferences, value orientations, and social attitudes of young people in contemporary Russia aged 18—35. The relevance of this article stems from the growing “gender ideological divide” documented in both international and domestic studies. The empirical basis includes data from two surveys: the All-Russian study “Social Contract-2024” (N = 1,000) as part of a Russian Science Foundation project, and the authors’ study “Social Values and Political Preferences of Youth in Contemporary Russia” (N = 365, 2025). According to the study’s findings, young women are significantly more likely to identify with liberal views (27.1 % versus 11.6 % among men), whereas men tend toward conservative and state-protective attitudes. The largest gender gaps were observed regarding women’s representation in politics (49.8 percentage points), equal pay (31.9 percentage points), and attitudes toward authoritarian rule (15.5 percentage points). The authors identified a paradox: women with liberal gender views demonstrate a higher commitment to traditional values, namely national unity and moral ideals. Correlation analysis revealed a moderate link between ideological self-identification and value orientations, reflecting a mixed configuration of young people’s views. The Russian data generally align with global trends but exhibit distinct national characteristics. The findings support the need for a differentiated approach in developing youth policy and civic education programs that take gender into account.

Keywords: youth, gender analysis, value orientations, political preferences, ideological divide, liberalism, conservatism, traditional values, social justice

For citation: Milovanova, M. Yu., Kolesnik, V. V. (2026) Tsennostnye orientatsii i politicheskie predpochtenia molodëzhi sovremennoï Rossii: gendernyi analiz rezul'tatov empiricheskogo issledovaniia [Value Orientations and Political Preferences of Young People in Contemporary Russia: A Gender Analysis of Empirical Research Findings], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 46—61.

Введение

Проблема гендерных различий в политических предпочтениях и ценностных ориентациях молодёжи в последние годы привлекает всё более пристальное внимание как зарубежных, так и российских исследователей. Международные исследования фиксируют феномен «гендерного идеологического разрыва» — устойчивого расхождения политических позиций молодых мужчин и женщин, достигающего в ряде стран исторического максимума [Milosav et al., 2025]. Этот разрыв проявляется в том, что молодые женщины всё чаще поддерживают левые и либеральные партии, тогда как их сверстники-мужчины склоняются к правым, консервативным и даже ультраправым политическим силам. Наиболее ярко эта тенденция выражена в Южной Корее, США, Великобритании, Германии и Польше [Гетин и др., 2022].

В российской социологии проблема гендерной специфики взаимосвязи политических предпочтений и ценностных ориентаций молодёжи остаётся актуальной.

Существующие исследования преимущественно фокусируются на общих характеристиках политической социализации, ценностных ориентациях или уровне доверия к институтам, однако систематический гендерный анализ применительно к современной российской молодёжи представлен фрагментарно.

Настоящая статья призвана восполнить этот пробел. Цель исследования состоит в выявлении и анализе гендерных различий в политических предпочтениях, ценностных ориентациях и социальных установках российской молодёжи в возрасте 18—35 лет. В фокусе внимания находятся следующие вопросы: есть ли различия в уровне политической вовлеченности и источниках получения информации о социально-политической сфере среди молодых мужчин и женщин? Существуют ли значимые гендерные различия в политической самоидентификации? Как соотносятся гендерные ценности, традиционные установки и политические предпочтения у молодых мужчин и женщин? Насколько российские данные согласуются с глобальными трендами?

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретическую рамку исследования образует синтез классических концепций и современных российских социологических подходов к изучению молодёжи как социальной группы. Плюралистический подход М. Вебера к изучению элит и способов их рекрутирования [Вебер, 2003] задаёт аналитическую рамку для понимания механизмов политической самоидентификации молодёжи. Базовой идеей выступает положение К. Мангейма о молодёжи как «скрытом ресурсе», выступающем не только объектом воспитания и социализации, но и субъектом деятельности [Мангейм, 1994]. Это означает, что молодёжные ценностные ориентации и политические предпочтения не являются производными взрослого мира, а формируются как самостоятельный феномен под влиянием специфического исторического опыта поколения. В рамках гендерной социологии интерпретация гендерных различий опирается на работы Т. Парсонса, где показано разделение инструментальных и экспрессивных ролей [Парсонс, Бейлс, 1955], а также на теорию социальных ролей Э. Игли, согласно которой различия в ценностях и установках формируются через усвоение нормативных ролей и ожиданий, закреплённых в социальных институтах [Игли, 1987]. Немаловажное значение имеет концепция С. Бенхабиб о роли культурных нарративов в формировании идентичности в условиях информационного общества: когда индивиду навязчиво предлагаются ориентиры образа жизни и поведения [Бенхабиб, 2003]. Трактовка Э. Ноэль-Нойман о «спирали молчания» [Ноэль-Нойман, 1996] объясняет, почему индивиды, чувствующие себя в меньшинстве, склонны умалчивать свои взгляды — и это особенно значимо для интерпретации гендерных различий в политической самоидентификации.

Российская социология молодёжи выработала собственные концептуальные основания для изучения изменений в ценностной сфере и политическом поведении молодёжи. Труды Ж. Т. Тощенко [Тощенко, 2024] о жизненном мире как базовом понятии социологии жизни задают методологическую рамку для интерпретации ценностных конфигураций. М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги [Горшков, Шереги, 2010] сформировали системный социологический портрет российской молодёжи. Актуальный срез её ценностных ориентаций, жизненных стратегий и политических установок в условиях новых геополитических и социальных вызовов дан в коллективном труде под редакцией М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой

«Российское общество и вызовы времени» [Российское общество, 2025]. Е. Л. Омельченко внесла значительный вклад в концептуализацию молодёжных идентичностей и практик. В работе о молодёжном активизме [Омельченко, 2005] ею показано, как глобальные трансформации переконфигурируют смыслы гражданского участия молодёжи в России. Анализ солидарных и культурных практик молодёжи начала XXI века [Омельченко, 2013] раскрывает механизмы формирования коллективных идентичностей и группового поведения. В более поздней работе [Омельченко, 2022] поставлен вопрос о характере отношений молодёжи с государством, а именно в контексте взаимных ожиданий и их несовпадения. Особую значимость для настоящего исследования имеет работа Е. Л. Омельченко и И. В. Лисовской [Омельченко, Лисовская, 2022], в которой через экспертные мнения специалистов в области молодёжной политики анализируется молодёжная повестка в современной России: выделены ключевые тематические блоки экспертной оценки (занятость, образование, ценности, гражданская активность), а также сформулировано представление о молодёжи как «барометре будущего» — индикаторе векторов социальных изменений.

Ю. А. Зубок исследует жизненные стратегии молодёжи в условиях неопределённости и риска [Зубок, 2020]. Совместно с В. И. Чупровым и А. В. Сорокиным [Зубок и др., 2021] ею изучены гендерные различия в смысловой саморегуляции молодёжи в сфере труда. Н. М. Великая и Е. А. Князькова исследуют политические установки и репродуктивные права в контексте гендерного анализа [Великая, Князькова, 2021], а также представления молодёжи об образах будущего социально-политического развития страны [Великая, Шушпанова, 2021].

Т. А. Гурко совместно с М. С. Мамиконян и Э. К. Бийжановой [Гурко и др., 2018] провели обзор зарубежных исследований гендерной идеологии молодёжи, а в самостоятельной работе [Гурко, 2019] изучены представления студентов в отношении родительства и социальных ролей, т. е. темы, непосредственно связанные с блоком гендерных и семейных ценностей нашего исследования. О. В. Попова [Попова, 2021] анализирует политическую онлайн-коммуникацию молодёжи российских мегаполисов, выявляя специфику цифрового политического участия. А. Ю. Домбровская [Домбровская, 2020] и О. А. Башева [Башева, 2020] изучают гражданский и цифровой активизм молодёжи в офлайн- и онлайн-средах как аспект, принципиально важный для понимания современных форм политической вовлечённости.

О. В. Кучмаева [Кучмаева, 2014] и Т. Ю. Лиханова [Лиханова, 2024] исследуют ценностные ориентации российской молодёжи, в том числе студенческой, в условиях социокультурной трансформации. Т. А. Калугина [Калугина, 2023] анализирует современные практики молодёжных общественно-политических организаций. В. А. Луков [Луков, 2013] рассматривает молодёжную политику как механизм реализации инновационного потенциала новых поколений. Работы одного из авторов статьи посвящены молодёжной политике и социальному капиталу, гендерному анализу политического дискурса, а также исследованию гендерных различий в оценках общественно-политической жизни в период СВО [Милованова, 2017, 2022, 2025].

Таким образом, отечественная социология молодёжи формирует разветвлённый концептуальный и эмпирический фундамент для анализа гендерных различий в ценностных ориентациях и политических предпочтениях. Вместе с тем систематическое соединение данных измерений с акцентом на гендерную специфику применительно к актуальной российской ситуации остаётся задачей, которую решает настоящая статья.

Международный контекст исследования задаётся устойчивым феноменом «гендерного идеологического разрыва», масштаб которого в последние десятилетия существенно возрос. Анализ электорального поведения мужчин и женщин в 50 демократических странах на протяжении более 70 лет, проведённый Гетином, Мартинес-Толедано и Пикетти [Гетин и др., 2022], показал, что к 2020 году разрыв между электоральными предпочтениями женщин (в пользу левых) и мужчин (в пользу правых) составил 10—15 п.п. Исследования Милосава и соавторов [Milosav et al., 2025], основанные на Европейском исследовании выборов 2024 года, фиксируют, что в 27 странах ЕС за крайне правые партии проголосовало более 21 % молодых мужчин против 14 % среди женщин того же возраста. Обращение к зарубежным исследованиям в данном разделе носит вспомогательный характер: они обозначают глобальный контекст гендерного идеологического разрыва и служат сравнительной точкой отсчёта для анализа российских данных, а не задают основной теоретический язык исследования.

Методы и эмпирическая база исследования

Авторский анализ данных Всероссийского опроса 2024 года в рамках НИР РНФ «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» (№ проекта 23-18-00093), далее — Общественный договор-2024. Метод сбора данных — анкетный опрос; выборка квотная по полу и возрасту (18—24 года — 9 %, 25—29 лет — 6 %, 30—39 лет — 20 %), объём выборки — 1000 респондентов, включая 100 человек, опрошенных в рамках пилотного исследования.

Авторское исследование «Социальные ценности и политические предпочтения молодёжи в современной России», опрос проведён в октябре-ноябре 2025 года (инструментарий М. Ю. Милованова и В. В. Колесник), далее — Авторское исследование-2025. Объём выборки составил 365 респондента в возрасте от 18 до 35 лет (М — 44 %, Ж — 56 %) из 29 субъектов РФ. 95 % респондентов проживают в городской местности, 56 % имеют высшее или неполное высшее образование. Спектр вопросов в анкете охватывал субъективную оценку общественно-политической активности молодёжи, приверженность определенным общественно-политическим взглядам, отношение респондентов к уровню политических и экономических свобод, гендерным и семейным установкам, а также восприятие традиционных ценностей. Анализ полученных данных осуществлялся с использованием программного обеспечения IBM SPSS Statistics 23, включал расчёт процентных распределений, гендерных разрывов (разницы в процентных пунктах), а также корреляционный анализ для выявления связей между идеологической самоидентификацией и ценностными установками.

Результаты исследования

Общая характеристика политической вовлеченности молодёжи

Согласно обобщённым данным, 57 % молодёжи не проявляет интереса к политике (Левада-Центр*, 2020)¹, а уровень поддержки политических партий

¹ «На индивидуальном уровне молодые люди проявляют оптимизм» [Электронный ресурс] // Левада-Центр (включен в реестр иностранных агентов в РФ). 30.04.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/30/na-individualnom-urovne-molodye-lyudi-proyavlyayut-optimizm/> (дата обращения: 27.11.2025).

* Включен в реестр иностранных агентов в РФ.

со стороны молодёжи стабильно остаётся низким — от 2 до 7 % [Милованова, 2022]. По данным ФОМ (2023)², только 37 % молодых людей интересуется политикой, и половина опрошенных отмечает, что у молодых людей сегодня нет возможности влиять на политическую жизнь в стране. При этом уровень заинтересованности за последнее десятилетие только падает: в 2014 году этот показатель достигал 41 % (ФОМ, 2014)³.

По данным ОД-2024, 61 % респондентов в возрасте 18—29 лет считают, что не могут влиять на принятие государственных решений (табл. 1). При этом гендерная асимметрия является достаточно выраженной. Мужчины значительно чаще заявляют о способности влиять на принятие решений в полной мере (27 % против 9 % у женщин), то есть демонстрируют более высокий уровень субъективной политической вовлеченности. Женщины, напротив, чаще фиксируют возможность влияния лишь в ограниченном объеме (20 % против 11 % у мужчин) и чаще заявляют о невозможности влиять в принципе (65 % против 57 %).

Таблица 1

Субъективная оценка возможностей влияния на государственные решения молодёжью в разрезе по полу, % по столбцу

Можете ли Вы ЛИЧНО влиять на принятие государственных решений в стране?	Пол		Всего
	Мужской	Женский	
Могу влиять в полной мере	27 %	9 %	18 %
Могу влиять в небольшой мере	11 %	20 %	16 %
Не могу влиять	57 %	65 %	61 %
Затрудняюсь ответить	5 %	5 %	5 %

Источник: Общественный договор—2024

Вместе с тем в современной России насчитывается около 20 тыс. молодёжных движений и организаций, более 80 из них — массовые⁴. Основная масса гражданских активистов — молодые люди в возрасте до 30 лет, обладающие высшим образованием и проживающие в крупных городах [Домбровская, 2020]. Их мотивация к участию обусловлена стремлением к самореализации, улучшению качества жизни и решению конкретных общественных проблем [Башева, 2020]. Они также проявляют большой интерес и к другим различным формам общественно-политического участия, включая уже цифровой активизм [Попова, 2021].

² Участие молодёжи в политической жизни страны [Электронный ресурс] // ФОМ. 28 февраля 2023. URL: <https://fom.ru/Politika/14842>

³ Легко или трудно живется молодым [Электронный ресурс] // ФОМ. 3 Октября 2014. URL: <https://fom.ru/TSennosti/11749> (дата обращения: 27.12.2025).

⁴ Снежана Ш. Современные политические молодежные движения // Образовательный портал «Справочник». Дата последнего обновления статьи: 14.08.2025. URL: https://spravochnik.ru/istoriya_rossii/sovremennye_politicheskie_molodezhnye_dvizheniya/ (дата обращения: 27.11.2025).

Среди источников получение информации о социально-политической сфере жизни и мужчины, и женщины опираются прежде всего на социальные сети, однако женщины делают это заметно чаще (85,8 % против 76,2 % у мужчин). Мужчины в большей степени обращаются к аналитическим материалам в интернете (64,6 % против 55 %) и агитационным материалам (7,3 % против 3,7 %). Телевидение и личное общение занимают сопоставимые позиции у обоих полов.

Политическая самоидентификация

По данным авторского исследования 2025 года выявлены гендерные различия в политической самоидентификации: женщины чаще относят себя к либералам (27,1 % против 11,6 % у мужчин: разница 15,5 п.п.), мужчины — к консерваторам (19,5 против 13,3 % у женщин. Центристами себя считают 15,9 % мужчин и 11,5 % женщин. По данным опроса «Общественный договор—2024» со спецификой методики, левые взгляды наиболее популярны среди мужчин 18—24 лет (41 %), правые (либеральные) — среди мужчин 25—29 лет (24 %). Отмечена возрастная динамика: при взрослении мужчин (от 18—24 к 25—29 годам) доля левых взглядов резко падает с 41 % до 18 %, а правых (либеральных) — растёт с 9 % до 24 %. Это служит свидетельством политического взросления мужчин, связанного с уходом от левых позиций и усилением правых(либеральных) настроений. Данные авторского исследования показывают следующее распределение общественно-политических взглядов молодёжью (табл. 2).

Таблица 2

Оценка общественно-политических взглядов молодёжью, по полу и возрасту в %

Общественно-политические взгляды	Пол		Всего
	Мужской	Женский	
Либеральных (либерально-демократических)	11,8	27,0	20,3
Консервативных (в т. ч. национал-патриотических, традиционалистских)	20,5	12,3	15,9
Центристских (умеренных)	15,5	10,8	12,9
Социалистических (в т. ч. социал-демократических, коммунистических)	11,2	6,4	8,5
Религиозных (христианских, мусульманских или других)	2,5	2,9	2,7
Других	1,2	1,0	1,1
Аполитичен (не придерживаюсь определённых взглядов)	13,0	18,6	16,2
Затрудняюсь ответить	24,2	21,1	22,5
Всего	100 %	100 %	100 %

Источник: Авторское исследование—2025

Среди женщин заметно выше доля респондентов, идентифицирующих себя как носителей либеральных взглядов (27,0 % против 11,8 % среди мужчин), тогда как среди мужчин существенно чаще встречаются консервативные ориентации (20,5 % против 12,3 % у женщин), а также в меньшей степени социалистические. Кроме того, женщины несколько чаще характеризуют себя как аполитичных (18,6 % против 13,0 %), что может указывать на большую дистанцированность части женской группы от идеологических классификаций. По результатам критерия χ^2 Пирсона различия являются значимыми на уровне $p < 0,01$ ($\chi^2 = 20,325$; $df = 7$; $p = 0,005$), что позволяет отвергнуть нулевую гипотезу об отсутствии связи между полом и типом общественно-политических взглядов, а оценка силы связи с использованием V Крамера ($V = 0,236$; $p = 0,005$) указывает на умеренную по величине взаимосвязь между полом и характеристикой общественно-политических взглядов.

Соотношение политических предпочтений, гендерных ценностей и традиционных установок и у молодых мужчин и женщин

Согласно данным опроса «Общественный договор—2024», среди молодёжи наиболее распространено мнение, что государство в первую очередь выражает интересы богатых и олигархов: пик этого убеждения приходится на мужчин в возрасте 25—29 лет (55 %). Минимум среди женщин 18—24 лет (27 %), но все равно это одна из ведущих позиций. Гендерный разрыв особенно заметен: мужчины всех возрастов значительно чаще выбирают этот вариант (разрыв 15—20 п.п.). Женщины чаще верят в защиту интересов всех граждан: ярко выражено в возрастных группах 18—24 (45 % против 37 % у мужчин) и 25—29 лет (45 % против 27 % у мужчин). Среди мужчин наблюдается пик критичности в группе 25—29 лет: максимальные показатели по защите богатых (55 %) и бюрократии (24 %), а минимальная вера в защиту всех граждан (27 %). Возможная интерпретация состоит в разном восприятии социальной справедливости. Мужчины в этом возрасте чаще сталкиваются с карьерными амбициями, давлением рынка труда, призывом в армию, что может усиливать критическое восприятие государства. Женщины могут чаще ориентироваться на социальные гарантии (материнский капитал, поддержку семей) и потому реже видят перекося в сторону элит. Мужчины чаще потребляют политические и экономические новости, где критика элит (коррупция, неравенство) подаётся более жёстко. Женщины могут избегать радикальных оценок из-за большей осторожности или меньшего интереса к политике. Таким образом, молодые мужчины являются группой риска для власти, они выражают высокий уровень критики (55 % считают, что государство работает на олигархов). Молодые женщины — более лояльная, но менее вовлечённая аудитория. Государство делает ставку на семейную политику (поддержка матерей, ипотечные льготы), что частично объясняет их лояльность. Если мужчины считают систему несправедливой, а женщины более нейтральной, это может создавать социальное напряжение (например, в семьях или среди пар).

По всем государственно-охранительным установкам мужчины демонстрируют более высокий уровень согласия. Наиболее разительное отличие — поддержка авторитарного правления: 45 % мужчин согласны с тем, что «даже в мирное время авторитарное правление может быть предпочтительнее демократического», среди женщин таковых лишь 29,5 %. Разрыв в 15,5 процентных пункта указывает на более выраженный авторитарный компонент в мужских политических установках.

Мужчины также чаще согласны с тем, что «главная задача государства — обеспечить порядок и безопасность, даже если для этого придётся ограничить некоторые права и свободы» (68,6 % против 61,2 % у женщин), и что «мы должны гордиться своей страной, даже когда дела в ней идут не очень хорошо» (74,8 % против 68,8 %). Вместе с тем оба пола разделяют умеренно-государственнические взгляды: поддержка суверенитета России на международной арене высока у обоих (78,1 % и 74,5 %), а цензуру СМИ поддерживает меньшинство — около трети опрошенных.

Общая поддержка внешней политики среди молодёжи высока (65—75 %), но с заметными гендерными и возрастными различиями. Мужчины 18—24 лет демонстрируют наибольшую лояльность (43 % полной поддержки), но почти каждый пятый (17 %) открыто не поддерживает внешнюю политику. Мужчины 25—29 лет — наиболее критичная группа (30 % полной поддержки, 30 % не поддерживают). Женщины 18—29 лет чаще занимают умеренную позицию (30—48 % частичной поддержки) и реже выражают открытый протест (3—5 %). Женщины 25—29 лет избегают крайностей: только 3 % против, но и полная поддержка ниже (26 %), зато 48 % одобряют частично.

Вместе с тем, при рассмотрении гендерных ценностей фиксируется колоссальный разрыв в 49,8 п.п. по вопросу представительства женщин в политике: лишь 27,4 % мужчин считают, что государство и общество должны быть более обеспокоены недостаточным представительством женщин на руководящих позициях, тогда как среди женщин таких 77,2 %. Аналогично: 95,5 % женщин считают неравенство в оплате труда несправедливым, среди мужчин — 63,6 % (разрыв 31,9 п.п.). Утверждение о том, что гендерные роли устарели, поддерживают 61,4 % мужчин и 78,3 % женщин (разрыв 16,9 п.п.).

Показательно, что мужчины заметно чаще считают деторождение главным смыслом семьи (55,1 % против 33 % у женщин, разрыв 22,1 п. п.). При этом формула «мужчина — добытчик, женщина — домохозяйка» воспринимается как устаревшая большинством обоих полов, но женщины настроены категоричнее (78,3 % против 61,4 %).

Отдельного рассмотрения заслуживает универсалистский компонент в структуре социальных ценностей молодёжи. В отношении межнациональных и межконфессиональных браков большинство респондентов обоих полов хоть и занимают одобрительную позицию, однако мужчины значительно реже выражают согласие с мнением, что «нет ничего плохого в том, чтобы вступить в брак с представителем другой национальности и/или иного вероисповедания» (суммарно 67,7 % мужчин и 84,3 % женщин). Доля несогласных с этим утверждением также существенно выше среди мужчин: сумма значений негативных оценок составляет 14,9 % против 7,8 % у женщин.

Аналогичная, но более выраженная асимметрия наблюдается касательно утверждения о необходимости равного отношения к людям вне зависимости от их происхождения или сексуальной ориентации. Женщины демонстрируют значительно более высокий уровень поддержки этого мнения (80,6 % против 51,9 % у мужчин), тогда как среди мужчин существенно выше доля негативных оценок (23 % против 8,3 % у женщин).

При анализе приверженности традиционным ценностям (по шкале от 1 до 5) обнаруживается парадоксальный результат: женщины, несмотря на более либеральные взгляды в гендерных вопросах, демонстрируют более высокую приверженность традиционным ценностям, особенно «единству народов России» (4,37 против 3,90 у мужчин) и «высоким нравственным идеалам» (4,16 против 3,94).

Единственное исключение — «крепкая семья», по которой оба пола практически совпадают (4,31 и 4,28). Это свидетельствует о том, что «традиционные ценности» в понимании женщин не противоречат либеральной позиции по гендерным вопросам, а скорее дополняют её.

Корреляционный анализ

Проведённый корреляционный анализ (на основе данных опроса 2025 года) выявил, что связи между идеологическим самоопределением и отдельными ценностными установками в целом невысокие: идеологическая самоидентификация объясняет лишь небольшую часть различий во взглядах респондентов. Наиболее тесно с идеологией связаны установки в пользу гендерного равенства, социальной толерантности и перераспределения доходов в пользу нуждающихся: чем более выражена идеологическая позиция, тем чаще поддерживаются эти идеи. Блок вопросов о традиционных ценностях (служение Отечеству, крепкая семья, духовность, коллективизм, единство народов) образует устойчивый кластер и в целом умеренно положительно связан с идеологией. Поддержка авторитарно-патриотических установок хорошо согласуется внутри своего блока, но лишь умеренно связана с общим показателем идеологии. Более светское отношение к религии ассоциируется со снижением поддержки авторитарных и традиционалистских позиций. Социально-экономические взгляды также образуют единый, но внутренне противоречивый кластер, сочетающий элементы как левых, так и правых установок. В целом структура корреляций указывает не на чёткое деление респондентов на два противоположных идеологических лагеря, а на сложную и смешанную конфигурацию ценностей.

Обсуждение результатов

Проведённое исследование выявило устойчивые и значимые гендерные различия в политических предпочтениях и ценностных ориентациях российской молодёжи. Полученные результаты необходимо рассматривать прежде всего в контексте российской социологической традиции изучения молодёжи.

Выявленная либеральная самоидентификация женщин и консервативная мужчин согласуется с наблюдениями о нарастающей поляризации установок молодёжи [Великая, Шушпанова, 2021]: если в начале 2020-х доля молодёжи с чёткой идеологической идентификацией была невысока, то к 2025 году её контуры становятся всё более различимы. Данные об «экспертной» молодёжной повестке в России, представленные Е. Л. Омельченко и И. В. Лисовской [Омельченко, Лисовская, 2022], свидетельствуют, что специалисты в области молодёжной политики фиксируют напряжение между декларируемыми ценностями молодёжи и реальными практиками её политического участия. Это напряжение находит подтверждение в нашем исследовании: высокая поддержка традиционных ценностей у женщин сочетается с их более либеральными взглядами на гендерное равенство.

Данные о слабой политической вовлечённости молодёжи, фиксируемые О. В. Поповой [Попова, 2021] применительно к онлайн-коммуникации, и наблюдения А. Ю. Домбровской [Домбровская, 2020] о гражданском активизме подтверждают, что политическое участие молодёжи носит преимущественно избирательный и ситуативный характер. При этом каналы формирования политических позиций различаются: мужчины в большей степени опираются на аналитические материалы

в интернете (64,6 % против 55,0 % у женщин) и агитационные источники (7,3 % против 3,7 %), что может объяснять их более поляризованные политические взгляды.

Феномен, описанный Е. Л. Омельченко применительно к солидарным практикам российской молодёжи [Омельченко, 2013] о расщеплении между декларируемыми ценностями и практиками, прослеживается и в гендерном измерении. Женщины демонстрируют парадоксальное сочетание либеральных гендерных установок (77,2 % за представительство женщин в политике) и высокой приверженности традиционным коллективистским ценностям (4,37 по единству народов). Это указывает не на противоречие, а на специфическую конфигурацию «традиционного» и «либерального» в российском женском политическом сознании, где солидарность и гражданственность воспринимаются как взаимодополняющие принципы.

Выявленный авторитарный компонент в мужских установках (45 % поддерживают авторитарное правление в мирное время) находит интерпретацию через «спираль молчания» Э. Ноэль-Нойман [Ноэль-Нойман, 1996]: мужчины, испытывающие давление нормативных ожиданий («мужчина должен быть уверен в своих взглядах»), могут демонстрировать более категоричные позиции, включая поддержку сильной власти. Это согласуется с данными о гендерной идеологии молодёжи, представленными Т. А. Гурко [Гурко и др., 2018]: более традиционные маскулинные установки ассоциируются с предпочтением авторитарных решений.

В сравнительном контексте: российская ситуация имеет как сходство с глобальными трендами, так и существенные отличия. Как и в странах Европы и США [Гетин и др., 2022; Milosav et al., 2025], в России фиксируется более высокая либеральная самоидентификация среди молодых женщин и более высокая консервативная — среди мужчин. Однако в отличие от западных стран, где этот разрыв наиболее выражен в вопросах экологии, иммиграции и мультикультурализма, в России ключевыми точками расхождения выступают вопросы представительства женщин в политике и оценка справедливости социального устройства. Кроме того, в России отсутствует столь выраженная поддержка ультраправых движений среди молодых мужчин, что связано с особенностями партийно-политической системы и более низкой общей политической вовлечённостью молодёжи [Омельченко, Лисовская, 2022].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать выводы о гендере как значимом факторе формирования политических предпочтений и ценностных ориентаций российской молодёжи. Молодые женщины чаще идентифицируют себя как либералы, демонстрируют более высокую приверженность гендерному равенству и социальной справедливости. Молодые мужчины чаще придерживаются консервативных и авторитарных установок, выше оценивают значимость государственного порядка и безопасности. Наибольшие гендерные различия зафиксированы в вопросах представительства женщин в политике (разрыв 49,8 п.п.), равенства оплаты труда (31,9 п.п.), деторождения как главного смысла семьи (22,1 п.п.) и поддержки авторитарного правления (15,5 п.п.).

Женщины демонстрируют парадоксальное сочетание либеральных гендерных установок и высокой приверженности традиционным ценностям (особенно единству народов и высоким нравственным идеалам), что указывает на необходимость более тонкого анализа содержания понятия «традиционные ценности» в российской молодёжной среде.

Практическая значимость исследования заключается в обосновании необходимости дифференцированного подхода при разработке молодёжной политики, политических коммуникаций и программ гражданского образования с учётом гендерных различий. Молодые мужчины — группа риска с точки зрения роста недоверия к институтам и авторитарных настроений; молодые женщины — более лояльная, но менее вовлечённая аудитория, требующая особых механизмов включения в политическое участие. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: анализ региональных различий, изучение влияния семейного положения на политические предпочтения, сравнительный анализ поколений Z и Y, а также качественные исследования, позволяющие глубже понять мотивацию и ценностные основания политического выбора молодёжи.

Список источников

- Башева О. А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 1. С. 41—57.
- Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ.; под ред. В. И. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 350 с.
- Вебер М. Политические работы: 1895—1919. М.: Праксис, 2003. 422 с.
- Великая Н. М., Князькова Е. А. Репродуктивные права женщин в политическом дискурсе современной России // Женщина в российском обществе. 2021. Спец. выпуск. С. 25—37.
- Великая Н. М., Шушпанова И. С. Российская молодёжь о перспективах и образах будущего социально-политического развития страны // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 29—40.
- Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
- Громова Е. И., Терентьева В. И. Факторы формирования мотивационного репертуара социальной мобильности // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 2. С. 80—88.
- Гурко Т. А., Мамиконян М. С., Бийжанова Э. К. Исследования гендерной идеологии молодежи: обзор зарубежных работ // Социология медицины. 2018. Т. 17, № 2. С. 104—113.
- Гурко Т. А. Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 2. С. 65—80.
- Домбровская А. Ю. Гражданский активизм молодежи в современной России: особенности проявления в онлайн- и офлайн-средах (по результатам эмпирического исследования) // Власть. 2020. № 2. С. 51—58.
- Зубок Ю. А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 4—12.
- Зубок Ю. А., Чупров В. И., Сорокин А. В. Смысловая саморегуляция жизнедеятельности молодежи: гендерные различия в сфере труда // Женщина в российском обществе. 2021. № 5. С. 38—59.
- Игли Э. Х. Sex Differences in Social Behavior: A Social-role Interpretation. Hillsdale, N. J.: L. Erlbaum Associates, 1987. 178 p.
- Калугина Т. А. Молодежные общественно-политические организации: теория и современные практики // Х Дыльновские чтения. Социология и современное общество: междисциплинарные подходы исследования. 2023. С. 124—127.

- Кучмаева О. В. Ценностные ориентации современной российской молодёжи: особенности и перспективы // Социальная педагогика. 2014. № 1. С. 73—83.
- Левичева В. Ф. Социальное самоопределение молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 322—324.
- Лиханова Т. Ю. Жизненные ориентиры и ценности современной студенческой молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества (по результатам социологического опроса) // Социально-политические науки. 2024. № 6. С. 39—45.
- Луков В. А. (ред.) Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. 718 с.
- Маннгейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ.; отв. ред. и сост. Я. М. Бергер и др. М.: Юрист, 1994. 700 с.
- Милованова М. Ю. Молодежная политика как основа развития социального капитала в современной России // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16, № 6 (125). С. 74—82.
- Милованова М. Ю. Социальные интересы молодежи: актуальный партийно-политический дискурс и гендерный анализ // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 1. С. 97—106.
- Милованова М. Ю. Женщины и мужчины о социально-экономической и общественно-политической жизни в период Специальной военной операции (СВО) / М. Ю. Милованова // Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти: Сборник докладов VII всероссийского социологического конгресса, Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, 12—14 ноября 2025 года. М.: Российское общество социологов, 2025. С. 3365—3373.
- Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: пер. с нем. / общ. ред. и предисл. Мансурова Н. С. М.: Прогресс-Академия: Весь мир, 1996. 352 с.
- Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая / ФНИСЦ РАН, Институт социологии; под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2025. 352 с.
- Омельченко Е. Л. Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3, № 1. С. 59—86.
- Омельченко Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. 2013. № 10 (354). С. 52—61.
- Омельченко Е. Л. Молодежь, Родина и государство — (не)взаимная любовь // Социодиггер. 2022. Т. 3, № 1—2 (16). С. 151—156.
- Омельченко Е. Л., Лисовская И. В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2 (168). С. 66—92.
- Попова О. В. Политическая онлайн-коммуникация молодежи российских мегаполисов // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. № 2. С. 28—54.
- Тоценко Ж. Т. Жизненный мир как базовое понятие социологии жизни // Социологические исследования. 2024. Т. 50, № 7. С. 10—22.
- Gethin A., Martínez-Toledano C., Piketty T. Brahmin Left vs Merchant Right: Changing Political Cleavages in 50 Democracies, 1948—2020 // The Quarterly Journal of Economics. 2022. Vol. 137. No. 1. P. 1—60.
- Milosav Đ., Dickson Z., Hobolt S. B., Klüver H., Kuhn T., Rodon T. The youth gender gap in support for the far right // Journal of European Public Policy. 2025. Vol. 33. Iss. 2. P. 444—468.
- Parsons T., Bales R. F., in collaboration with James Olds, Morris Zelditch, Jr., and Philip E. Slater. Family, Socialization and Interaction Process. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1955, 422 p.

References

- Basheva, O. A. (2020) Tsifrovoy aktivizm kak novyy metod grazhdanskoй mobilizatsii [Digital activism as a new method of civic mobilization], *Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravlenie*, vol. 6, no. 1, pp. 41—57.
- Benhabib, S. (2003) Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'noy ère [The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era]. Translated from English by V. I. Inozemtsev; in V. I. Inozemtsev (Ed.). Moscow: Logos, 350 p.
- Dombrovskaya, A. Yu. (2020) Grazhdanskii aktivizm molodezhi v sovremennoy Rossii: osobennosti proiavlenniya v onlain- i oflain-sredakh (po rezul'tatam empiricheskogo issledovaniya) [Civil activism of youth in modern Russia: features of its manifestation in online and offline environments (based on the results of an empirical study)], *Vlast'*, no. 2, pp. 51—58.
- Eagly, A. H. (1987) Sex Differences in Social Behavior: A Social-role Interpretation. Hillsdale, N.J.: L. Erlbaum Associates, 178 p.
- Gethin, A., Martínez-Toledano, C., Piketty, T. (2022) Brahmin Left vs Merchant Right: Changing Political Cleavages in 50 Democracies, 1948—2020, *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 137, no. 1, pp. 1—60.
- Gorshkov, M. K., Sheregi, F. E. (2010) *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret* [Youth of Russia: A Sociological Portrait]. Moscow: TsSPiM, 592 p.
- Gurko, T. A. (2019) Predstavleniya studentov v otnoshenii roditel'stva i sotsial'nykh rolei muzhchin i zhenshchin [Student's attitudes to parenthood and the social roles of men and women], *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, vol. 7, no. 2, pp. 65—80.
- Gurko, T. A., Mamikonyan, M. S., Biyzhanova, E. K. (2018) Issledovaniya gendernoy ideologii molodezhi: obzor zarubezhnykh rabot [The studies of gender ideology of the youth: the review of foreign publications], *Sotsiologiya meditsiny*, vol. 17, no. 2, pp. 104—113.
- Gromova, E. I., Terentyeva, V. I. (2021) Faktory formirovaniya motivatsionnogo repertuara sotsial'noy mobilnosti [Factors of the formation of the motivational repertoire of social mobility], *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*, no. 2, pp. 80—88.
- Kalugina, T. A. (2023) Molodezhnye obshchestvenno-politicheskie organizatsii: teoriya i sovremennye praktiki [Youth socio-political organizations: theory and modern practice], *X Dyl'novskie chteniya. Sotsiologiya i sovremennoe obshchestvo: mezhdisciplinarnye podkhody i issledovaniya*, pp. 124—127.
- Kuchmaeva, O. V. (2014) Tsennostnye orientatsii sovremennoy rossiyskoй molodezhi: osobennosti i perspektivy [Valuable orientation of modern russian youth: features and perspectives], *Sotsial'naya pedagogika*, no. 1, pp. 73—83.
- Levicheva, V. F. (2012) Sotsial'noe samoopredelenie molodezhi [Youth's social self-determination], *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 322—324.
- Likhanova, T. Yu. (2024) Zhiznennyye orientiry i tsennosti sovremennoy studencheskoй molodezhi v usloviyakh sotsiokul'turnoy transformatsii rossiyskogo obshchestva (po rezul'tatam sotsiologicheskogo oprosa) [Life guidelines and values of modern student youth in the context of socio-cultural transformation of Russian society (based on the results of a sociological survey)], *Sotsial'no-politicheskie nauki*, no. 6, pp. 39—45.
- Lukov, V. A. (ed.) (2013) Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: rossiyskaya i mirovaya praktika realizatsii v obshchestve innovatsionnogo potentsiala novykh pokolenii [State youth policy: Russian and world practice of realizing the innovative potential of new generations in society]. Moscow: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 718 p.
- Mannheim, K. (1994) Diagnostika nashego vremeni [Diagnosis of our time: Wartime essays of a sociologist]. Translated from German and English by Ya. M. Berger et al; in Ya. M. Berger et al. (Eds.). Moscow: Yurist, 700 p.

- Milovanova, M. Yu. (2017) Molodezhnaia politika kak osnova razvitiia sotsial'nogo kapitala [Youth policy as basis for social capital's development], *Sotsial'naia politika i sotsiologiia*, vol. 16, no. 6 (125), pp. 74—82.
- Milovanova, M. Yu. (2022) Sotsial'nye interesy molodezhi: aktual'nyi partiino-politicheskii diskurs i gendernyi analiz [Social interests of young people: current party-political discourse and gender analysis], *Vestnik RGGU*, no. 1, pp. 97—106.
- Milovanova, M. Yu. (2025) Zhenshchiny i muzhchiny o sotsial'no-ekonomicheskoi i obshchestvenno-politicheskoi zhizni v period Spetsial'noi voennoi operatsii (SVO) [Women and men on the socio-economic and socio-political life during the Special Military Operation (SMO)], *Sotsiologiia i obshchestvo: formirovanie i funktsionirovanie obshchestvennoi pamiati: Sbornik dokladov VII vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa*. Moscow, Saint Petersburg, Rostov-on-Don, November 12—14, 2025. Moscow: Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov, pp. 3365—3373.
- Milosav, Đ., Dickson, Z., Hobolt, S. B., Klüver, H., Kuhn, T., Rodon, T. (2025) The youth gender gap in support for the far right, *Journal of European Public Policy*, vol. 33, iss. 2, pp. 444—468.
- Noelle-Neumann, E. (1996) Obshchestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchaniiia [Öffentliche Meinung — Die Theorie der Schweigespirale]. Translated from German by Mansurov N. S.; in Mansurov N. S. (Ed.). Moscow: Progress-Akademiya: Ves' mir, 352 p.
- Omelchenko, E. L. (2005) Molodezhnyi aktivizm v Rossii i global'nye transformatsii ego smysla [Youth activism in Russia in context of global transformation], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 3, no. 1, pp. 59—86.
- Omelchenko, E. L. (2013) Solidarnosti i kul'turnye praktiki rossiiskoi molodezhi nachala XXI veka: teoreticheskii kontekst [Solidarities and cultural practices of early 21-st century youth: theoretical context], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10 (354), pp. 52—61.
- Omelchenko, E. L. (2022) Molodezh', Rodina i gosudarstvo — (ne)vzaimnaia liubov' [Youth, Homeland and the State — (Non)Mutual Love], *Sotsiodigger*, vol. 3, no. 1—2, pp. 151—156.
- Omelchenko, E. L., Lisovskaya, I. V. (2022) Molodezh' kak barometr budushchego? Molodezhnaia povestka v sovremennoi Rossii skvoz' mneniia ekspertov po molodezhnoi politike [Youth as a barometer of the future? The youth agenda in contemporary Russia as viewed by youth policy experts], *Monitoring obshchestvennogo mneniia*, no. 2 (168), pp. 66—92.
- Parsons, T., Bales, R. F., in collaboration with James Olds, Morris Zelditch, Jr., and Philip E. Slater (1955) *Family, Socialization and Interaction Process*. Glencoe, Illinois: The Free Press, 422 p.
- Popova, O. V. (2021) Politicheskaiia onlain-kommunikatsiia molodezhi rossiiskikh megapolisov [Online political communication of youth from Russian megapolises], *Galactica Media*, no. 2, pp. 28—54.
- Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vos'maia (2025) [Russian society and challenges of the time. Book Eight] / FNISTS RAN, Institut sotsiologii. In M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Izdatel'stvo «Ves' mir», 352 p.
- Toshchenko, Zh. T. (2024) Zhiznennyĭ mir kak bazovoe poniatie sotsiologii zhizni [Life world as a basic concept of the sociology of life], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, vol. 50, no. 7, pp. 10—22.
- Velikaya, N. M., Knyazkova, E. A. (2021) Reproktivnye prava zhenshchin v politicheskom diskurse sovremennoi Rossii [Reproductive women rights in political discourse of modern Russia], *Zhenschhina v rossiiskom obshchestve*, special issue, pp. 25—37.
- Velikaya, N. M., Shushpanova, I. S. (2021) Rossiiskaia molodezh' o perspektivakh i obrazakh budushchego sotsial'no-politicheskogo razvitiia strany [Russian youth about prospects and images of the future socio-political development of the country], *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriia: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, vol. 14, no. 2, pp. 29—40.

- Weber, M. (2003) *Politicheskie raboty: 1895—1919* [Political Writings: 1895—1919]. Moscow: Praxis, 422 p.
- Zubok, Yu. A. (2020) Molodezh': zhiznennye strategii v novoï real'nosti [Youth: life strategies in a new reality], *Monitoring obshchestvennogo mneniia*, no. 3, pp. 4—12.
- Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I., Sorokin, A. V. (2021) Smyslovaia samoregulyatsiia zhiznedeyatel'nosti molodëzhi: gendernye razlichii v sfere truda [Meanings in self-regulation of young people's life: gender differences in the labor sphere], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 5, pp. 38—59.

Статья поступила в редакцию 08.07.2026; одобрена после рецензирования 25.07.2026; принята к публикации 30.07.2026.

The article was submitted 08.07.2026; approved after reviewing 25.07.2026; accepted for publication 30.07.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Милованова Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры политической социологии и социальных технологий, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, m_milovanova@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of Political Sociology and Social Technologies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).

Колесник Владислав Вадимович — магистрант социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, vlkoles10@yandex.ru (Master's student, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 62—82.

Woman in Russian Society. 2026. No. 3. P. 62—82.

Научная статья

УДК 316.346.2-055.2:334(470)

EDN: <https://elibrary.ru/tqvbxx>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.3.5

**ЖЕНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СОЦИАЛЬНЫХ
НАУКАХ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ
(БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ МЕТАОБЗОР)**

*Павел Петрович Дерюгин¹,
Абдурашид Маджидович Кадыров²,
Алия Тохтаровна Ахмедиева²,
Линде Вэй³*

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия;
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ),
г. Санкт-Петербург, Россия, deriuginpav@yandex.ru

² Ташкентский государственный экономический университет,
г. Ташкент, Республика Узбекистан

³ Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В последние десятилетия наблюдается значительный рост интереса к феномену женского предпринимательства во всем мире. Этот процесс сопровождается увеличением числа научных публикаций, посвященных данной тематике. Библиометрический метаобзор российских научных исследований имел целью выявление и систематизацию основных *тенденций в изучении* женского предпринимательства. Сделаны обобщающие выводы. *Во-первых*, женское предпринимательство в России активно рассматривается в публикациях как растущая часть предпринимательства, которая характеризуется многообразием подходов и методов исследования. *Во-вторых*, рассматриваются подходы к исследованиям барьеров, с которыми сталкиваются женщины-предприниматели, включая социально-ролевые стереотипы, недостаток знаний и опыта, а также ограниченные возможности для сетевого взаимодействия. *В-третьих*, показаны два этапа становления исследований («тихая революция» и «взрыв» исследований). *В-четвертых*, охарактеризованы проблемы формирования междисциплинарного подхода к исследованию женского предпринимательства. Сформулировано резюме: женское предпринимательство обладает значительным потенциалом для экономического роста и развития, однако для его реализации необходимо дальнейшее совершенствование научных исследований, государственной политики и институциональной поддержки.

Ключевые слова: предпринимательство, женское предпринимательство, направления исследований, специфика и отличие, цифровые технологии

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности», <https://rscf.ru/project/24-18-00261>.

Для цитирования: Дерюгин П. П., Кадыров А. М., Ахмедиева А. Т., Вэй Л. Женское предпринимательство в социальных науках: взгляд из России (библиометрический метаобзор) // Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 62—82.

Original article

WOMEN'S ENTREPRENEURSHIP IN SOCIAL SCIENCES: A PERSPECTIVE FROM RUSSIA (A BIBLIOMETRIC META-REVIEW)

*Pavel P. Deryugin*¹,
*Abdurashid M. Kadyrov*²,
*Aliya T. Akhmedieva*²,
*Linde Wei*³

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation;
Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI", Saint Petersburg,
Russian Federation, deriuginpav@yandex.ru

² Tashkent State University of Economics, Tashkent, Republic of Uzbekistan

³ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. In recent decades, there has been a significant increase in interest in the phenomenon of women's entrepreneurship worldwide. This trend has been accompanied by a rise in the number of scholarly publications on this topic. The bibliometric meta-review of Russian scientific research aimed to identify and systematize the main trends in the study of women's entrepreneurship. The article presents general conclusions. First, women's entrepreneurship in Russia is increasingly viewed in publications as a dynamic and growing segment of the entrepreneurial sector, characterized by a diversity of research approaches and methods (including the study of socioeconomic conditions, the analysis of psychological and motivational factors, and the evaluation of the effectiveness of government support and initiatives for women entrepreneurs). Second, the research examines approaches to researching the barriers faced by women entrepreneurs, including social and role-based stereotypes, a lack of knowledge and experience, and limited opportunities for networking. Third, the article outlines two stages in the development of research on this topic ("the quiet revolution" and "the explosion" of research). And, fourth, it describes the challenges involved in developing an interdisciplinary approach to the study of women's entrepreneurship. The authors formulated a general conclusion: women's entrepreneurship has significant potential for economic growth and development; however, to realize this potential, further improvements are needed in scientific research, government policy, and institutional support.

Key words: entrepreneurship, women's entrepreneurship, research areas, specific characteristics and differences, digital technologies

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 24-18-00261 «The sociostructural model of the transition of Russian society to the mode of augmented modernity», available from <https://rscf.ru/project/24-18-00261/>.

For citation: Deryugin, P. P., Kadyrov, A. M., Akhmedieva, A. T., Wei, L. (2026) Zhenskoe predprinimatel'stvo v sotsial'nykh naukakh: vzgliad iz Rossii (bibliometricheskii metaobzor) [Women's Entrepreneurship in Social Sciences: A Perspective from Russia (A Bibliometric Meta-Review)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 62—82.

Введение, обзор литературы

Актуальность исследований женского предпринимательства обусловлена значительным расширением сфер деятельности женщин, традиционно ассоциируемых с мужским доминированием [Ingalagi et al., 2021]. Сегодня в российском предпринимательстве участвует около 7 миллионов женщин и прогнозируется дальнейший рост их предпринимательской активности [ФНС ..., 2025]. По некоторым направлениям предпринимательства количество предпринимателей-женщин становится даже больше, чем предпринимателей-мужчин, в частности, индивидуальных предпринимателей. Женщины возглавляют 71,7 % организаций в образовании, 66,4 % в здравоохранении, 58,7 % в научной и технической деятельности, 57,2 % в финансовом и страховом секторе [СберАналитика ..., 2026]. Женщин-предпринимателей больше в области дошкольного и дополнительного образования, спорта, в сфере услуг [Аргументова и др., 2020]. Растет интерес к женскому предпринимательству среди девушек в возрасте 18—24 лет: практически каждая вторая планирует открыть собственное дело в ближайшие годы [Успех ..., 2024]. По итогам 2024 года доля получателей мер государственной поддержки в России среди женщин-предпринимателей впервые превысила долю мужчин (50,3 %).

Одновременно наблюдается экспоненциальный рост исследований, связанных с изучением женского предпринимательства в социальных науках, как в России, так и на постсоветском пространстве: темпы роста научных разработок в этой области превышают другие направления исследований предпринимательства в два с лишним раза. За десятилетний период, начиная с 2015 по 2025 год, количество публикаций по данной теме увеличилось в 5,3 раза по сравнению с предыдущим двадцатилетним периодом, начиная с 1995 по 2015 г. Кардинально меняется направленность исследований. В современных публикациях субъективные факторы — мотивация, образование и стремление к самореализации, определяются основными факторами участия женщин в предпринимательстве, а не только вынужденные экономические обстоятельства, как это было совсем недавно. Предпринимательство оценивается важным социальным институтом и инструментом социальной мобильности, позволяющим женщинам достигать новых высот в социальной иерархии [Ломая стереотипы ..., 2025].

Методологическая платформа данного исследования — синтетическая, объединяющая институциональный, междисциплинарный и системный подходы. *Во-первых*, анализ статистических данных базируется на институциональной парадигме Т. Веблена, Д. Р. Коммонса, У. К. Митчелла, Х. Ахла, М. Тилмара и К. Берглунда. В основу исследования положен анализ динамических характеристик различных этапов жизненного цикла женского предпринимательства, с акцентом на его дифференциацию от других форм предпринимательской деятельности [Prabha et al., 2025]. Особое внимание уделяется вопросам расширения и масштабирования женского предпринимательства, что позволяет выявить ключевые закономерности и особенности его функционирования [Schmoller, 2019; Пиньковецкая, 2019; Gomes et al., 2014]. В рамках исследования проводится тщательный учет социальных и экономических различий, а также специфики

положения женщин в обществе [Грицаюк, 2008], что позволяет анализировать актуальные направления для дальнейшего анализа их предпринимательской активности и определить потенциальные точки роста. Во-вторых, исследование опирается на междисциплинарный подход в изучении женского предпринимательства, интегрирующий знания из области экономики и психологии, что обеспечивает всестороннее социологическое осмысление феномена [Войцеховский, 2022]. В-третьих, применение системного подхода позволяет рассматривать женское предпринимательство как неотъемлемую часть более широкой системы предпринимательства, что способствует глубокому пониманию его роли и значимости в экономике [Уткина, 2017; Тарануха, 2024; Social ..., 2016]. Ключевым аспектом синтетической методологии является признание важности рыночных факторов и институциональных структур, включая различные формы собственности как важных факторов женского предпринимательства [Hasan, Almubarak, 2016; Ilie et al., 2021; Алгада, 2021].

Исследование опирается на научные труды таких авторитетных исследователей, как Г. Шмоллер, Ю. С. Пиньковецкая, З. А. Грицаюк, С. Н. Войцеховский, Н. Ю. Уткина и Х. Алгада. Их работы внесли значительный вклад в теоретическое осмысление женского предпринимательства, его социальных, экономических и институциональных аспектов.

Постановка задачи, выдвижение гипотезы

Проблема. В глобальном масштабе наблюдается феноменальный рост женского предпринимательства, что подтверждается не только количественными показателями увеличения научного интереса к данной теме, но и качественными изменениями в методологии исследований [Donthu et al., 2021]. В частности, наблюдается углубление аналитического подхода к изучению источников, эволюции и перспектив женского предпринимательства. И все же в абсолютных значениях количество публикаций по теме женского предпринимательства оказывается в десятки раз меньше, чем исследования по другим видам предпринимательской деятельности.

Цель исследования — выявление и систематизация основных тенденций в изучении женского предпринимательства, а также определение перспективных направлений дальнейших научных разработок. В ходе работы были поставлены следующие задачи: сравнительный анализ публикационной активности в изучении женского предпринимательства в сравнении с другими видами предпринимательской деятельности; анализ динамики и характерных этапов публикационной активности по теме женского предпринимательства. Объект исследования — публикации по проблематике женского предпринимательства в российском научном сообществе. Предмет исследования — динамика и ориентации публикаций о женском предпринимательстве в российском сегменте научных исследований.

Исходная гипотеза. В российском научном сообществе существует определенный разрыв между реальным уровнем экономической активности женщин, с одной стороны, и определенной локализованностью методологических и тематических направлений изучения данной проблематики — с другой. Этот разрыв проявляется в некоторой односторонности разработок как концептуальных основ, так и стратегий анализа эмпирических данных, что затрудняет формирование целостного представления о специфике и возможностях женского предпринимательства в российской экономике.

Методы исследования

Методика исследования включала вторичный анализ метаданных публикаций — названий, аннотаций, ключевых слов и других характеристик публикаций по женскому предпринимательству, — статей, книг, материалов конференций, диссертаций и отчетов, сконцентрированных в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU [Донту и др., 2021]. Непосредственную выборку для исследования составили 756 научных публикаций, охватывающих временной период с 1992 года. Этот временной интервал выбран как точка отсчета начала активного внедрения информационно-коммуникационных технологий в российское общество [Анисимов и др., 2024]. Статистический анализ дополнялся выборочным изучением значимых публикаций, в которых обзор публикаций по проблеме женского предпринимательства определялся основной целью работы, а также данными о диссертациях в disserCat. Исследование проведено в 2025 г. Информация собрана из первичных источников и дополнена данными из рецензируемых публикаций, что гарантирует её достоверность. Анализ охватывает все ключевые аспекты проблемы, что свидетельствует о полноте исследования.

Результаты исследования

Результат 1. Исследования по женскому предпринимательству в обширном массиве научных публикаций занимают периферийное положение.

В таблице 1 представлены ключевые статистические показатели, характеризующие динамику и тенденции исследований в сфере женского предпринимательства за период с 1990 по 2020 годы.

Эти данные позволяют оценить внимание к проблеме в контексте исследований предпринимательства как минимальное, в целом — как периферийное. Доля публикаций, непосредственно фокусирующихся на этом аспекте, составляет лишь 0,3 % от общего массива материалов по предпринимательству, доступных в электронной библиотеке. Этот показатель свидетельствует о существенной диспропорции в освещении данного вопроса по сравнению с другими аспектами предпринимательства. Даже при условии расширения исследовательской выборки, включающей работы, косвенно затрагивающие проблематику женского предпринимательства с учетом морфологии текста, доля соответствующих публикаций возрастает до 0,54 %. Этот факт указывает на то, что проблема женского предпринимательства хотя и получает некоторое внимание, но все еще остается малопривлекательной для изучения.

Таблица 1

Количественные характеристики публикационной активности по теме женского предпринимательства

Предпринимательская деятельность	Публикаций (кол-во, %)
Женское предпринимательство	756 (0,54 %)
Молодежное предпринимательство	2640 (1,78 %)
Малое предпринимательство	50557 (35,81 %)
Общие вопросы предпринимательства	87225 (61,78 %)
Итого	141 178 (100 %)

Минимальные данные характеризуют не только опубликованные статьи, но в том числе книжную продукцию и защиты диссертаций. Всего в рамках детального анализа книжной продукции по предпринимательству было выявлено 12 520 монографий и брошюр. Однако лишь 53 из них непосредственно фокусируются на женском предпринимательстве. Аналогичная тенденция наблюдается и в области диссертационных исследований. Всего насчитывается 25 диссертационных работ по различным специальностям, непосредственно посвященных женскому предпринимательству: 9 — социологические, 5 — психологические, 3 — экономические, 1 — исторические, 1 — филологические и 1 — философские науки.

Результат 2. В исследованиях женского предпринимательства выделяются два этапа, характеризующие различную степень публикационной активности.

Фактическое начало предпринимательской деятельности женщин в постсоветской России относят к концу 1980-х годов, когда первые женщины-предприниматели начинали свою деятельность в кооперативном движении. К моменту 1990 г. количество российских женщин, рискнувших начать свое дело, составило 15 % от общего числа предпринимателей. [Ломая стереотипы, 2025]. Еще через пять-шесть лет по данным Госкомстата России в 1996 году они составляли по-прежнему 12—15 %. В 2000 г., по информации Е. А. Кипевар и М. А. Севеловой, этот показатель увеличился почти вдвое, до 25—30 % от общего числа предпринимателей [Кипервар, Севелова, 2009] и примерно на таком уровне количество женщин-предпринимателей оставалось до 2015 г. Увеличение числа женщин-предпринимателей в реальном секторе произошло в 2015—2016 г.: в некоторых отраслях представленность женщин-предпринимателей составляла 47 %, а уровень предпринимательской активности российских женщин превышал аналогичные показатели Италии, Германии, Франции [Пиньковецкая, 2019]. Как показали исследования, доля женщин в предпринимательстве в последние годы колеблется на уровне от 32 % до 41 %. Устойчивый положительный тренд реального роста женского предпринимательства в этот период фиксируется не только в России, но и на международном уровне, как в западных, так и в восточных странах, в том числе, в некоторых странах шариата [Faisal et al., 2017; Ghani et al., 2013]. В частности, сегодня ОАЭ занимает одно из лидирующих мест в мире по поддержке женского бизнеса. С 2021 по 2024 г. количество женщин в советах директоров компаний там увеличилось на 200 %, а число занимаемых ими мест возросло с 47 до 141 [ОАЭ ..., 2025]. Таким образом, начиная с 2000 гг. фактический рост женского предпринимательства фиксировался повсеместно.

Результат 3. Несмотря на сформировавшуюся в последние десятилетия тенденцию к фактическому увеличению численности женщин-предпринимателей, интенсивность научной разработанности данной проблематики складывается своеобразно. Можно говорить о двух периодах, когда интенсивность исследований осуществлялась с различной активностью (рис. 1).

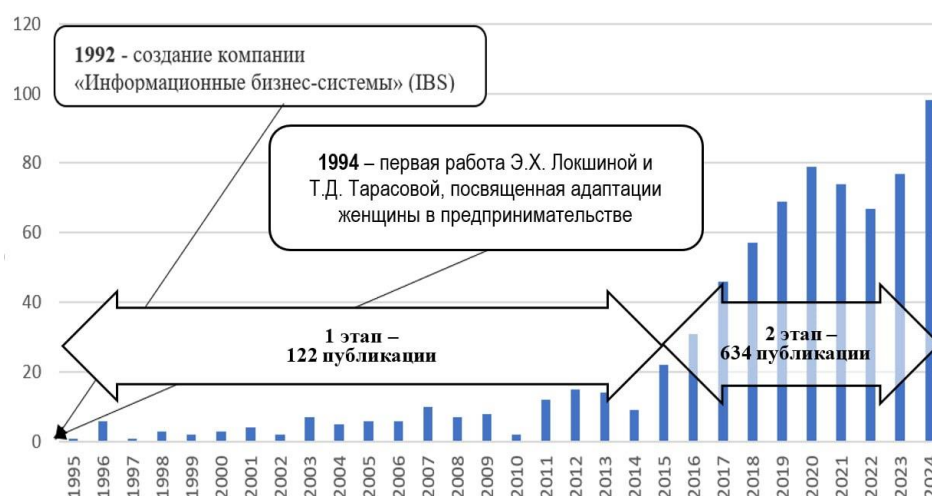

Рис. 1. Два этапа активности исследований женского предпринимательства

Динамика российских исследований в определенной степени коррелирует с аналогичными тенденциями, наблюдаемыми в сфере женского предпринимательства на Западе. В западной социологической литературе сложились два основных подхода к исследованию процесса становления женского предпринимательства в европейском обществе. Первый подход базируется на концепции «тихой революции», которая описывает процесс постепенного и относительно незаметного вовлечения женщин в предпринимательскую деятельность в период с 1950-х по 1970-е годы [Нурбекова, 2013]. Второй подход характеризуется «взрывом открывшихся возможностей» [Нейсбит, 2003]. Что касается российской ситуации, показанные этапы включают как период «тихой революции», так и взрывной этап активного расширения потенциалов женского предпринимательства.

Первый этап. В контексте анализа развития женского предпринимательства в России первые научные публикации на эту тему датируются 1994 годом. Одной из таких работ того периода стала публикация Э. Х. Локшиной и Т. Д. Часовой под названием «Социально-экономические проблемы предпринимательства: адаптация женщин, организационное обеспечение». В данной работе авторы предприняли попытку всесторонне охарактеризовать экономические, социальные и психологические аспекты процесса адаптации женщин к предпринимательской деятельности, рассматривая её как специфическую форму реакции на кризисные экономические условия [Локшина, Часова, 1994]. В 1995 году С. Рошин и Я. Рошина публикуют работу «Предпринимательство — новая сфера женской занятости» [Рошин С., Рошина, 1995]. В работе фиксируется появление «новой» сферы занятости женщин, т.е. сферы, которая традиционно женской не считается. В последующих работах этого периода [Бабаева, Чирикова, 1995; Былов, 1996; Чирикова, 1997] и ряде других были сформулированы первые направления анализа женского предпринимательства. За двадцать последующих лет этого периода интенсивность исследований остается невысокой, от 2 до 15 работ в год. Всего за этот период было опубликовано

144 работы, из них: 74 статьи в журналах, 24 книги, 26 тезисов конференций, 7 отчетов, 12 диссертации, получен 1 грант.

Наиболее важными темами первых публикаций о женском предпринимательстве становятся вопросы *выявления специфики* этой деятельности [Барсукова, 1999; Барсукова, 2008]; *комплексное исследования* различных сторон деятельности женщин-предпринимателей [Бабаева, Чирикова, 1995; Семенова, 2014]; углубленный анализ *стиля работы женщин* как руководителей [Чирикова, 2000]; изучение женского предпринимательства как *разновидности малого предпринимательства* [Морозов, 2003; Rasskazov et al., 2016] и его *региональная специфика* [Гильманова, 2007]; *влияние экономических трансформаций* на женское предпринимательство [Мельников, 2012]; *социально-психологические особенности* социальной группы женщин-предпринимательниц [Мальшевская, 2013; Чирикова, Кричевская, 1996]; женское предпринимательство как *фактор обеспечения занятости* [Похвощев, 2015; Ильиных, 2015; Рошин, 1996]; особенности женского предпринимательства в *постиндустриальный период* [Полутова, 2015]. Большинство исследований проводились учеными социологами и экономистами. Кроме показанных ранее, в этот период свои первые работы опубликовали О. А. Колесникова, Е. А. Кипервар, М. А. Севелова, некоторые другие, кто еще не раз обращался к тематике исследований женского предпринимательства и сформировал основные направления исследований этого феномена.

Второй этап. Наиболее значимый ежегодный объем исследований по женскому предпринимательству сформировался к 2016 году. С этого времени начинается постоянный рост числа публикаций, от 22 до 98 в год, а за девять лет этого периода опубликовано 615 работ. Начиная с 2017 г. фиксируется рост публикаций по теме женского предпринимательства, который одновременно характеризуется снижением числа публикаций по общим вопросам предпринимательства и в особенности по проблемам малого предпринимательства (см. рис. 2). А. В. Данилов-Данильян детально проанализировал причины, повлиявшие на снижение предпринимательской активности в этот период. Помимо санкций, а в последующем и пандемии, к таким причинам отнесены: снижение доходов населения, неопределенность экономической политики и плохо продуманная налоговая система, расширение госсектора в экономике, что особенно важно, сокращение численности малых и средних предприятий [Данилов-Данильян, 2020]. Под влиянием этих факторов структура предпринимательских организаций изменялась. В частности, увеличивается число крупных предприятий, численность которых в 3,5—4 раза превышала число средних, малых и в особенности микропредприятий, где зарождалось женское предпринимательство. Одновременно фиксировалось увеличение числа индивидуальных предприятий, где учредителями все чаще становились женщины. К 2023 году доля руководителей-женщин индивидуальных предприятий составила 51,1 % [Женщины ..., 2025].

Рис. 2. Количественные характеристики объемов публикаций по различным направлениям предпринимательской деятельности

Такая ситуация — рост женского предпринимательства в форме индивидуальных предприятий — повсеместно фиксировалась в исследованиях тех лет как основная форма участия женщин в предпринимательстве. К 2019 году публикации увеличились кратно по отношению к 2015 г. К объективным причинам увеличения внимания к женскому предпринимательству добавились такие, которые носили методологический и методический характер. Во-первых, к данному периоду был накоплен значительный эмпирический опыт исследований в сфере предпринимательства, а доля женского предпринимательства в общем числе предпринимательских структур составляла около трети [Лебединцева, Дерюгин, 2021]. Во-вторых, с данного временного отрезка женское предпринимательство начинает восприниматься как приоритетная сфера для инвестирования как со стороны государственных структур, так и частного капитала. Это, в свою очередь, инициировало необходимость проведения аналитических исследований, направленных на оценку эффективности данных инвестиций и выявление факторов, способствующих успешной реализации предпринимательских инициатив среди женщин.

В-третьих, была сформирована система обучения женщин-предпринимателей, а обучение все больше становилось одним из основных стимулов к предпринимательской деятельности женщин. Другими словами, активность научных исследований в данной области была синхронизирована с изменениями в среде реальной экономической политики изучения женского предпринимательства как сложившейся естественным образом специфической формы предпринимательства.

Примечательно, что наблюдается корреляция между динамикой исследований женского предпринимательства и трендами в изучении молодежного предпринимательства, что позволяет рассматривать эти два направления как взаимосвязанные в контексте современных экономических и социальных изменений.

Несмотря на то что публикации по молодежному предпринимательству значительно превосходят по объему и демонстрируют более значительный прирост по сравнению с исследованиями женского предпринимательства, оба этих феномена остаются на периферии академического дискурса. На данном этапе ни женское, ни молодежное предпринимательство не могут претендовать на полное признание в социальных науках в качестве автономных, полноценных и комплексных исследовательских направлений.

Результат 4. Анализ существующих публикаций позволяет выявить определенные закономерности и тенденции, которые могут быть полезны для дальнейшего развития этих направлений. В частности, исследования женского предпринимательства часто фокусируются на таких аспектах, как барьеры и препятствия, с которыми сталкиваются женщины в процессе ведения бизнеса, а также на их стратегиях преодоления этих барьеров [Дыльнова, Семенова, 2004]. В то же время, исследования молодежного предпринимательства акцентируют внимание на инновационных подходах и моделях ведения бизнеса, которые характерны для молодого поколения предпринимателей. Наряду с этим, не будучи классическими формами предпринимательства, женское и молодежное предпринимательство объективно становятся развитием рыночных форм ведения предпринимательства в современных российских условиях. На рисунке 3 представлены обобщенные данные, характеризующие основные направления исследований женского предпринимательства на втором этапе.

Рис. 3. Активность исследований основных направлений женского предпринимательства (второй этап)

На втором этапе исследования женского предпринимательства методологическая база была значительно расширена и обогащена, что позволило провести более глубокий и всесторонний анализ данного феномена. В рамках этого этапа были определены и детально проработаны ключевые направления исследований, которые

обеспечили комплексное изучение женского предпринимательства как важного компонента малого и среднего бизнеса. Основные векторы поиска включали:

— изучение женского предпринимательства как составного элемента малого и среднего бизнеса, что позволило охарактеризовать его роль и специфику в данной экономической сфере (241 работа);

— систематизацию и анализ сущностных аспектов женского предпринимательства, к которым отнесены: методологические и методические подходы к изучению данного феномена (29 работ); изучение экономических, социальных и иных факторов успеха женского предпринимательства (31 работа); мотивация, ценностные ориентации и смыслы предпринимательской деятельности женщин (36 работ); более всего — исследование особенностей управления и руководства женской предпринимательской организацией (44 работы). Данный подход позволяет формировать целостное представление о специфике женского предпринимательства и его ключевых характеристиках;

— выявление отличительных черт женского предпринимательства по сравнению с мужским, что включало анализ 87 работ, направленных на определение различий в данной сфере;

— формирование круга исследований, посвященных анализу женского предпринимательства в регионах Российской Федерации, включая различные административные локации, такие как республики, края, города, моногорода и сельские местности. В рамках данного направления было проанализировано 86 работ, что позволило выявить региональные особенности и специфику женского предпринимательства;

— изучение зарубежного опыта женского предпринимательства с особым акцентом на страны СНГ (103 работы), а также на такие регионы, как Европа, США и Канада (15 работ), Азиатско-Тихоокеанский регион (8 работ), Африка (5 работ) и Китай (1 работа). Данный подход позволил провести сравнительный анализ и выявить общие тенденции и уникальные особенности российского женского предпринимательства в международном контексте.

Таким образом, второй этап исследования характеризуется не только взрывным ростом числа публикаций, но также углубленным анализом и систематизацией данных, что позволяет более полно и комплексно оценить роль и особенности женского предпринимательства. Наряду с этим обобщенный анализ показывает три важных проблемы сложившихся направлений исследований. Во-первых, статичный круг изучаемых проблем женского предпринимательства. Во-вторых, стандартные подходы в исследованиях отличий женского предпринимательства от мужского, его особенностей и специфики. В-третьих, узость спектра исследований мирового опыта предпринимательской деятельности женщин.

Обсуждение результатов

Несмотря на наблюдаемый рост исследовательского интереса, феномен женского предпринимательства по масштабам исследований продолжает оставаться на периферии научного дискурса и характеризуется небольшим исследовательским интересом. Согласно данным С. А. Давыдова и А. А. Юдиной, полученным на основе специально проведенного исследования, по настоящее время женское предпринимательство остается на априорном и эмпирическом уровнях, что подтверждает практически все признаки маргинальности, как с точки зрения

его *переходного*, так и *периферийного* положения в социальной системе российского общества [Давыдов, Юдина, 2011]. С чем сложно не согласиться. Какие выводы важно сделать в этой связи?

Специфика женского предпринимательства проявляется в нескольких аспектах: в диверсификации понимания предпринимательской деятельности, где женщины активно участвуют в создании и развитии бизнес-проектов; в отраслевой специализации женского предпринимательства, которая преимущественно сосредоточена в таких секторах, как услуги, образование, здравоохранение и другие социально ориентированные сферы; в особом подходе к ведению бизнеса, который ориентирован не только на получение прибыли (часто в условиях экономической необходимости, что было характерно для начальных этапов в конце 1990-х годов), но и на реализацию личностного потенциала женщин, что отражает их стремление к социальной и профессиональной самостоятельности; в преобладании малых организационных форм женского предпринимательства, таких как индивидуальные предприятия, микро- и малый бизнес, что делает его гибким и адаптивным в условиях рыночной экономики. В таком смысле женское предпринимательство представляет собой уникальный феномен, требующий нового уровня комплексности анализа и всестороннего его междисциплинарного изучения, более глубокого объяснения его природы и роли в социологическом, экономическом и правовом аспектах.

Во-первых, социология. Следует подчеркнуть, что акцентированное внимание на женском предпринимательстве в социологической науке раскрывает признание *незавершенности этапа институционализации этой социально-профессиональной группы*, хотя здесь концентрируются максимальные усилия исследователей в изучении российского женского предпринимательства. Однако, как демонстрирует проведенный анализ социологических публикаций, самые существенные характеристики данного феномена, такие как социальная природа, структура, функции и другие, часто фиксируются на поверхностном уровне и не всегда адекватно отражаются в терминологическом и понятийном аппарате теоретической социологии. Например, в социологии существует множество взаимоисключающих определений базового понятия — женского предпринимательства, — что это такое? По мнению Ю. Ю. Малышевской в социологии «не дано четкого определения понятия «женщины-предприниматели» [Малышевская, 2013]. Автор справедливо подчеркивает, что женщины-предприниматели — это объективно складывающаяся социально-профессиональная группа, объединенная общими условиями формирования и функционирования, с определенными социально-психологическими и сходными духовными ценностями, образом жизни, им присущ одинаковый статус предпринимателя, то есть наличие какой-либо организационно-правовой формы деятельности. В таком же направлении выстраивают свои рассуждения и другие исследователи-социологи, например, Ю. Ю. Лыгденова [Лыгденова, 2009]. Тем не менее, объективное положение данной социально-профессиональной группы остается недостаточно изученным на уровне глубинных характеристик, связей внутренних и внешних процессов в рамках развивающихся составляющих конфигурации современного социума (Д. В. Иванов). На данный момент исследования в основном сосредоточены на анализе внешних признаков и поверхностных проявлений феномена, что не позволяет в полной мере раскрыть специфику и особенности функционирования данной группы в различных составляющих социума. Для более

глубокого понимания роли и места женского предпринимательства в социальной структуре необходимо проведение дальнейших исследований, направленных на изучение внутренних механизмов и структурных особенностей данной профессиональной категории. В частности, может быть интересен опыт феноменологического исследования [Cateira et al., 2015], проводимого в некоторых зарубежных исследованиях.

Во-вторых, экономика, где маргинальное положение женского предпринимательства характеризуется двойственностью и противоречивостью. С одной стороны, *женское предпринимательство постепенно становится одним из значимых рыночных факторов экономического развития*, оказывая существенное влияние на рост ВВП, создавая рабочие места и влияя на диверсификацию экономической структуры. С другой стороны, несмотря на значительный потенциал, исследование и оценка этого феномена остаются проблематичными. Исследование феномена женского предпринимательства в экономической науке сталкивается с рядом сложных проблем, обусловленных многофакторностью данного явления, связи экономического и психологического, этического и культурного контекстов. Среди ключевых факторов, влияющих на развитие женского предпринимательства, следует выделить комплекс производственных, управленческих и организационных стереотипов, которые существенно ограничивают доступ женщин-предпринимателей к финансовым и материальным ресурсам. В частности, наблюдается значительное различие в уровне поддержки и возможностях для женщин-предпринимателей по сравнению с представителями других форм предпринимательства, таких как производственное, среднее и крупное. Эти аспекты требуют углубленного анализа и разработки комплексных стратегий, направленных на стимулирование и поддержку женского предпринимательства на всех уровнях экономической подсистемы.

В-третьих, *еще более отчетливо очерчен маргинальный статус женского предпринимательства в нормативно-правовом отношении*. Юридическое ограничение прав женщин в сфере предпринимательства является значимым фактором. Согласно докладу Всемирного банка за 2016 год, в 155 из 173 стран мира сохранялись правовые барьеры, препятствующие доступу женщин к экономическим возможностям, хотя для мужчин таких барьеров нет. К настоящему времени ситуация изменилась, перечень таких стран включает не более 100 [Табу ..., 2025]. Наибольшее количество правовых различий между мужчинами и женщинами наблюдался в развивающихся странах, таких как Саудовская Аравия, Иордания и Иран, в то время как наименьшее — во Вьетнаме, Узбекистане и Фиджи [ОАЭ ..., 2025; Женщины ..., 2025]. В современной российской ситуации нет юридически определенного понятия «женское предпринимательство», есть бизнес — бизнес без учёта мужских или женских особенностей [Семенова, 2014]. Самое убедительное законодательное осознание факта существования женского предпринимательства заключено в лучшем случае в признании ассоциаций женщин-предпринимателей, комитетов и образовательных организаций по развитию женского предпринимательства и пр. в качестве юридических лиц [Нельсон, 2023]. Поэтому можно констатировать, что юридическая доктринальная основа женского предпринимательства едва ли может быть признана как сложившаяся [Ершова, 2022].

Заключение

Анализ публикационной активности показал, что феномен женского предпринимательства продолжает оставаться предметом дискуссий и исследований в теории и на практике. В рамках существующей научной классификации предпринимательской деятельности, включающей производственное, финансовое и коммерческое

направления, в которых разработаны и обоснованы сущностные признаки, женское предпринимательство характеризуется недостаточной категориальной определенностью и концептуальной проработкой, что создает существенные препятствия для его интеграции в междисциплинарное научное поле. В свою очередь, это ограничивает потенциал реализации социально-экономических возможностей женского предпринимательства и препятствует его всестороннему развитию на практике. Согласно результатам опроса, проведенного ВЦИОМ в 2023 году, лишь 5 % женщин в России занимаются предпринимательской деятельностью. В то же время экспертные оценки потенциала женского предпринимательства варьируются в диапазоне от 10 % до 13 %, что свидетельствует о значительном расхождении между фактическим уровнем и потенциальными возможностями данного сектора экономики [Журавлева, 2024]. Эти статистические данные свидетельствуют о существенном разрыве между реальным уровнем вовлеченности женщин в предпринимательскую деятельность и их потенциальными возможностями в этой сфере.

Таким образом, следует согласиться с утверждением Ю. А. Семеновой о том, что к настоящему времени в публикационных материалах женское предпринимательство представляет собой современный тренд *как разновидность социально-трудовых отношений*, активно поддерживаемых обществом [Семенова, 2018]. На перспективу такого явно недостаточно. Дальнейшее осознание предпринимательских потенциалов женщин сопряжено с рядом трудностей, требующих не только системной научной, но и социальной поддержки на всех уровнях, а также учета множества других факторов, обеспечивающих успешность реализации его возможностей. Насущной остается проблема интеграции женского предпринимательства в общую систему предпринимательства и разработка на этой основе эффективных стратегий его поддержки, что предполагает междисциплинарный подход и глубокое научное осмысление роли женщин в предпринимательстве. Исследовательской группой начато проведение сравнительного анализа женского предпринимательства в странах Востока (Узбекистан, Китай), что актуально и позволит выявить новые перспективы изучения данного вопроса.

Список источников

- Алгада Х. Женское предпринимательство как предмет научных исследований // Вестник ВУиТ. 2021. № 1 (47). С. 5—12.
- Анисимов А. Ю., Шумейко В. А., Шошин М. А. Цифровое предпринимательство: проблемы и перспективы в экономике // Вестник Академии знаний. 2024. № 4 (63). С. 42—45.
- Аргунова В. Н., Нурутдинова А. Н., Чупина А. О. Женский взгляд на социальное предпринимательство: опыт регионального социологического исследования // ВЭПС. 2020. № 2. С. 124—127.
- Бабаева Л. В., Чирикова А. Е. Женщина в бизнесе // Человек и труд. 1995. № 12. С. 89—93.
- Барсукова С. Ю. Женское предпринимательство: специфика и перспективы // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 75—84.
- Барсукова С. Ю. И снова о женском предпринимательстве // Социологические исследования. 2008. № 5 (289). С. 148—153.
- Былов В. Г. Женское предпринимательство в США (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. 1996. № 4. С. 175—180.
- Войцеховский С. Н. Очерк интеграции социологических знаний // Молодой ученый. 2022. № 31 (426). С. 65—71.

- Гильманова Г. Х. Региональные особенности развития женского предпринимательства в российском обществе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 9 (73). С. 31—36.
- Грицаюк З. А. Женщина-предприниматель: изменение в иерархии социальных ролей в семье // Вестник ТОГУ. 2008. № 3. С. 27—38.
- Давыдов С. А., Юдина А. А. Малое женское предпринимательство в свете концепций маргинальности // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2011. № 4 (10). С. 29—37.
- Данилов-Данильян А. В. О негативных экономических процессах 2019 года в России и их сохранении на ближайшее время // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. № 2. С. 118—125.
- Демичева А. Ломая стереотипы // Коммерсантъ Санкт-Петербург. 30.11.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4585415> (дата обращения: 08.07.2026).
- Дыльнова З. М., Семенова Ю. А. Проблемы развития регионального предпринимательства в современном российском обществе (на примере Саратовской области) // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 3 (31). С. 96—102.
- Ершова И. В. Женское предпринимательство: от эмпирики и доктрины к правовому регулированию // Lex Russica. 2022. № 8 (189). С. 9—21.
- Женщины, бизнес и закон 2016: Доклад Всемирного банка // World Bank Group. URL: <http://wbl.worldbank.org/~media/WBG/WBL/Documents/Reports/2016/WBL2016-KeyFindings-Russian.pdf> (дата обращения: 08.07.2026).
- Журавлева М. Как женщины стали важной частью бизнес-сообщества // РБК. 08.08.2024. URL: <https://www.rbc.ru/business/08/08/2024/66acb85f9a79478bed4464f5> (дата обращения: 08.07.2026).
- Ильины С. А. Предпринимательство в России: анализ факторов влияния // Проблемы современной экономики. 2015. № 2 (54). С. 153—156.
- Кипервар Е. А., Севелова М. А. Женское предпринимательство: особенности и перспективы развития в регионах (на примере Омской области) // ОНВ. 2009. № 2 (76). С. 96—99.
- Лебединцева Л. А., Дерюгин П. П. Бизнес и социальное предпринимательство: обзор основных теоретических моделей // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 1. С. 155—165.
- Локишина, Э. Х., Часова Т. Д. Социально-экономические проблемы предпринимательства: адаптация женщин, организационное обеспечение / Санкт-Петербург. ун-т экономики и финансов, Лаб. соц.-экон. пробл. предпринимательства. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов, 1994. 81 с.
- Лыгденова Ю. Ю. Женщины предприниматели: нравственные основы жизнедеятельности: диссер. кан. соц. наук. Улан-Удэ, 2009. 173 с.
- Малышевская Ю. Ю. Особенности формирования социальной группы "женщины-предприниматели" (на материалах Республики Бурятия) // Социально-политические науки. 2013. № 4. С. 26—32.
- Мельников М. В. Женское предпринимательство в период социально-экономических трансформаций: опыт второй половины XIX — начала XX в. // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2012. № 3. С. 46—51.
- Морозов В. А. С надеждой на женщин. Женское предпринимательство как основа развития малого бизнеса // Российское предпринимательство. 2003. № 3. С. 3—10.
- Нейсбит Д. Мегатренды / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ: Ермак, 2003. 380 с.
- Нельсон А. Леди в деле. Женское ли дело — женское предпринимательство? // АиФ Волгоград. 18.11.2023. URL: https://vlg.aif.ru/society/details/ledi_v_dele_zhenskoe_li_de_lo_zhenskoe_predprinimatelstvo (дата обращения: 08.07.2026).
- Нурбекова Ж. А. Теоретические предпосылки социологического анализа женского предпринимательства // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2013. № 4 (51). С. 101—106.

- ОАЭ вошли в пятерку стран с наилучшей поддержкой женского бизнеса: ключевые достижения и тренды 2024 года | Переезд и бизнес за границей | Визы, ВНЖ, иммиграция | Nomad Solutions // Дзен. 12 июня 2025. URL: <https://dzen.ru/a/aEqEuWSZYHY8Vj22> (дата обращения: 08.07.2026).
- Пиньковецкая Ю. С. Развитие женского предпринимательства в России: управленческий анализ // Вопросы управления. 2019. № 2 (38). С. 122—131.
- Полутова М. А. Специфика генезиса женского предпринимательства в постиндустриальный период // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2015. № 12—4. С. 53—55.
- Похвоцев В. А., Колесникова О. А. Развитие женского предпринимательства как фактор обеспечения эффективной занятости // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. № 21. С. 103—107.
- Роцин С. Ю., Роцина Я. М. Предпринимательство — новая сфера женской занятости // Женщины в реформируемой экономике / отв. ред. Т. Я. Четверина. М.: Институт экономики РАН, 1995. С. 93—111.
- Роцин С. Ю. Занятость женщин в переходной экономике России. М.: ТЕИС, 1996. 134 с.
- СберАналитика: наибольшая доля женщин среди ИП зафиксирована в образовании // ТАСС. 8 марта 2026. URL: <https://finance.mail.ru/article/sberanalitika-naibolshaya-dolya-zhenschinsredi-ip-zafiksirovana-v-obrazovanii-69200744/> (дата обращения: 05.04.2026).
- Семенова Ю. А. Женское предпринимательство в современном российском обществе: особенности и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2014. Т. 14, № 2. С. 17—19.
- Семенова Ю. А. Деловые стратегии и новые модели женского предпринимательства в условиях цифровой экономики // Дискурс. 2018. № 5. С. 114—120.
- Табу на профессию: кем не могут работать современные женщины в разных странах мира — Белорусский профсоюз работников торговли, потребительской кооперации и предпринимательства города Брест // Брестская областная организация Белорусского профсоюза работников торговли, потребительской кооперации и предпринимательства. 08 сентября 2023. URL: <https://www.proftorg-brest.by/news/tabu-na-professiyu-kem-ne-mogut-rabotat-sovremennye-zhenshhiny-v-raznyx-stranax-mira/> (дата обращения: 08.07.2026).
- Тарануха Ю. В. Женское предпринимательство в России: состояние и тенденции // Женщина в российском обществе. 2024. № 3. С. 39—63.
- Успех в женских руках: истории 2024. URL: <https://epoxy-elements.ru/blog/zhenskoe-predprinimatelstvo-vdohnovlyayushhie-istorii-uspeha-2024/> (дата обращения: 08.07.2026).
- Уткина Н. Ю. Объективные и субъективные факторы развития женского предпринимательства в России // Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 17—27.
- ФНС: доля женщин в предпринимательстве выросла до 41 % // Вести.Ру. 12 марта 2025. URL: <https://www.vesti.ru/article/4400153> (дата обращения: 08.07.2026).
- Чирикова А. Е. Женщина во главе фирмы (проблемы становления женского предпринимательства в России) // Вопросы экономики. 2000. № 3. С. 94—102.
- Чирикова А. Е. Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности. М.: Институт социологии Российской академии наук, 1997. 201 с.
- Чирикова А. Е., Кричевская О. Н. Социально-психологические проблемы становления женского предпринимательства. М.: Институт психологии РАН, 1996. 94 с.
- Яковлев А. Женщины в России открывают бизнес чаще мужчин // СКБ Контур. 11 марта 2024. URL: https://kontur.ru/press/news/49020-zhenshchiny_rf_otkryvayut_biznes_chashche_muzhchin (дата обращения: 08.07.2026).
- Ghani S. E., Mani A., O'Connell S. D. Can political empowerment help economic empowerment? Women leaders and female labor force participation in India // Policy Research working paper; no. WPS 6675. Washington, DC: World Bank. 2013. 31 p. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/655271468284122309/pdf/WPS6675.pdf> (дата обращения: 25.03.2026).
- Gomes A. F., Santana W. G. P., Araújo U. P., Martins C. M. F. Empreendedorismo feminino como sujeito de pesquisa // Revista Brasileira de Gestão de Negócios. 2014. Vol. 16. No. 51. P. 319—342.

- Donthu N., Kumar S., Mukherjee D., Pandey N., Lim W. M. How to conduct a bibliometric analysis: an overview and guidelines // *Journal of Business Research*. 2021. Vol. 133. No. C. P. 285—296.
- Faisal M. N., Jabeen F., Katsioloudes M. Strategic interventions to improve women entrepreneurship in GCC countries: a relationship modeling approach // *Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies*. 2017. Vol. 9. No. 2. P. 161—180.
- Ingalagi S. S., Nawaz N., Rahiman H. U., Hariharasudan A., Hundekar V. Unveiling the crucial factors of women entrepreneurship in the 21st century // *Social Sciences*. 2021. Vol. 10. No. 5. Article number 153. 12 p.
- Carreira S., Franzoni A. B., Esper A. J. F., Pacheco D. C., Gramkow F. B., Carreira M. F. Empreendedorismo feminino: um estudo fenomenológico // *Navus - Revista de Gestão e Tecnologia*. 2015. Vol. 5. No. 2. P. 6—13.
- Ilie C., Monfort A., Fornes G., Cardoza G. Promoting female entrepreneurship: the impact of gender gap beliefs and perceptions // *SAGE Open* 2021. Vol. 11. No. 2. P. 1—11.
- Prabha S. A., Palanichamy N. V., Muruganathi D., Shivakumar K. M., Kalpana M., Balakrishnan M. Research trends and dynamics in women entrepreneurship: a comprehensive bibliometric review // *Future Business Journal*. 2025. Vol. 11. No. 1. 46 p.
- Hasan F. S., Almubarak M. M. S. Factors influencing women entrepreneurs' performance in SMEs // *World Journal of Entrepreneurship Management and Sustainable Development*. 2016. Vol. 12. No. 2. P. 82—101.
- Rasskazov S., Rubtcova M., Derugin P., Pruel N., Malychiev V. Social network analysis as an organizational diagnostic tool: The case of small business in Russia // *International Review of Management and Marketing*. 2016. Vol. 6, No. 1. P. 170—176.
- Schmoller G. von. *Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre*. Munich; Leipzig: Duncker: Humblot, 1900. Vol. I. 392 p.

References

- Algada, H. (2021) Zhenskoe predprinimatel'stvo kak predmet nauchnykh issledovaniy [Women's entrepreneurship as a subject of scientific research], *Vestnik VUiT*, no. 1 (47), pp. 5—12.
- Anisimov, A. Yu., Shumeyko, V. A., Shoshin, M. A. (2024) Tsifrovoye predprinimatel'stvo: problemy i perspektivy v ekonomike [Digital entrepreneurship: problems and prospects in economics], *Vestnik Akademii znaniy*, no. 4 (63), pp. 42—45.
- Argunova, V. N., Nurutdinova, A. N., Chupina, A. O. (2020) Zhenskiy vzglad na sotsial'noye predprinimatel'stvo: opyt regional'nogo sotsiologicheskogo issledovaniya [Women's perspective on social entrepreneurship: the experience of regional sociological research], *VEPS*, no. 2, p. 124—127.
- Babaeva, L. V., Chirikova, A. E. (1995) Zhenshchina v biznese [A woman in business], *Chelovek i trud*, no. 12, pp. 89—93.
- Barsukova, S. Y. (1999) Zhenskoe predprinimatel'stvo: spetsifika i perspektivy [Women's entrepreneurship: specifics and prospects], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 9, pp. 75—84.
- Barsukova, S. Y. (2008) I snova o zhenskom predprinimatel'stve [And again about women's entrepreneurship], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 5 (289), pp. 148—153.
- Bylov, V. G. (1996) Zhenskoe predprinimatel'stvo v SSHA (svodnyy referat) [Women's entrepreneurship in the USA (summary summary)], *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 2: Ekonomika. Referativnyy zhurnal*, no. 4, pp. 175—180.
- Carreira, S., Franzoni, A. B., Esper, A. J. F., Pacheco, D. C., Gramkow, F. B., Carreira, M. F. (2015) Empreendedorismo feminino: um estudo fenomenológico, *Navus—Revista de Gestão e Tecnologia*, vol. 5, no. 2, pp. 6—13.
- Chirikova, A. E. (1997) Lidery rossiyskogo predprinimatel'stva: Mentalitet, smysly, tsennosti [Leaders of Russian entrepreneurship: Mentality, meanings, values]. Moscow: Institut sotsiologii Rossiyskoy akademii nauk, 201 p.

- Chirikova, A. E. (2000) Zhenshchina vo glave firmy (problemy stanovleniia zhenskogo predprinimatel'stva v Rossii) [A woman at the head of a company (problems of the formation of women's entrepreneurship in Russia)], *Voprosy ekonomiki*, no. 3, pp. 94—102.
- Chirikova, A. E., Krichevskaya, O. N. (1996) Sotsial'no-psihologicheskie problemy stanovleniia zhenskogo predprinimatel'stva [Socio-psychological problems of the formation of women's entrepreneurship]. Moscow: Izdatel'stvo "Institut psikhologii RAN", 94 p.
- Danilov-Danilyan, A. V. (2020) O negativnykh ékonomicheskikh processakh 2019 goda v Rossii i ikh sokhraneniі na blizhaishее vremia [On the negative economic processes of 2019 in Russia and their preservation in the near future], *Nauchnye trudy Vol'nogo ékonomicheskogo obshchestva Rossii*, no. 2, pp. 118—125.
- Davydov, S. A., Yudina, A. A. (2011) Maloe zhenskoe predprinimatel'stvo v svete kontsepcij marginal'nosti [Small women's entrepreneurship in the light of marginality concepts], *Teoriia i praktika servisa: ékonomika, sotsial'naiia sfera, tekhnologii*, no. 4 (10), pp. 29—37.
- Demicheva, A. (2020) Lomaia stereotipy [Breaking Stereotypes], *Kommersant Sankt-Peterburg*, 30.11.2020, available from <https://www.kommersant.ru/doc/4585415> (accessed 08.07.2026).
- Donthu, N., Kumar, S., Mukherjee, D., Pandey, N., Lim, W. M. (2021) How to conduct a bibliometric analysis: an overview and guidelines, *Journal of Business Research*, vol. 133, no. C, pp. 285—296.
- Dyl'nova, Z. M., Semenova, Yu. A. (2014) Problemy razvitiia regional'nogo predprinimatel'stva v sovremennom rossiiskom obshchestve (na primere Saratovskoi oblasti) [Problems of regional entrepreneurship development in modern Russian society (on the example of the Saratov region)], *Izvestiia VUZov. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*, no. 3 (31), pp. 96—102.
- Faisal, M. N., Jabeen, F., Katsioloudes, M. (2017) Strategic interventions to improve women entrepreneurship in GCC countries: a relationship modeling approach, *Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies*, vol. 9, no. 2, pp. 161—180.
- FNS: dolia zhenshchin v predprinimatel'stve vyrosła do 41 % (2025) [Federal Tax Service: the share of women in entrepreneurship has grown to 41 %], *Vesti.Ru*, March 12, 2025, available from <https://www.vesti.ru/article/4400153> (accessed 08.07.2026).
- Gilmanova, G. H. (2007) Regional'nye osobennosti razvitiia zhenskogo predprinimatel'stva v rossiiskom obshchestve [Regional features of the development of women's entrepreneurship in Russian society], *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 9 (73), pp. 31—36.
- Ghani, S. E., Mani, A., O'Connell, S. D. (2013) Can political empowerment help economic empowerment? Women leaders and female labor force participation in India, Policy Research working paper; no. WPS 6675. Washington, DC: World Bank, 31 p., available from <https://documents1.worldbank.org/curated/en/655271468284122309/pdf/WPS6675.pdf> (accessed 25.03.2026).
- Gomes, A. F., Santana, W. G. P., Araújo, U. P., Martins, C. M. F. (2014) Empreendedorismo feminino como sujeito de pesquisa, *Revista Brasileira de Gestão de Negócios*, vol. 16, no. 51, pp. 319—342.
- Gritsayuk, Z. A. (2008) Zhenshchina-predprinimatel': izmenenie v ierarkhii social'nykh rolei v sem'e [A woman entrepreneur: a change in the hierarchy of social roles in the family], *Vestnik TOGU*, no. 3, pp. 27—38.
- Hasan, F. S., Almubarak, M. M. S. (2016) Factors influencing women entrepreneurs' performance in SMEs, *World Journal of Entrepreneurship Management and Sustainable Development*, vol. 12, no. 2, pp. 82—101.
- Ilie, C., Monfort, A., Fornes, G., Cardoza, G. (2021) Promoting female entrepreneurship: the impact of gender gap beliefs and perceptions, *SAGE Open*, vol. 11, no. 2, pp. 2158—2440 (11 p.)
- Il'nykh, S. A. (2015) Predprinimatel'stvo v Rossii: analiz faktorov vliianiia [Entrepreneurship in Russia: analysis of influencing factors], *Problemy sovremennoi ekonomiki*, no. 2 (54), pp. 153—156.

- Ingalagi, S. S., Nawaz, N., Rahiman, H. U., Hariharasudan, A., Hundekar, V. (2021) Unveiling the crucial factors of women entrepreneurship in the 21st century, *Social Sciences*, vol. 10, no. 5, article number 153, 12 p.
- Kipervar, E. A., Sevelova, M. A. (2009) Zhenskoe predprinimatel'stvo: osobennosti i perspektivy razvitiia v regionakh (na primere Omskoï oblasti) [Women's entrepreneurship: features and prospects of development in the regions (on the example of the Omsk region)], *ONV*, no. 2 (76), pp. 96—99.
- Lebedintseva, L. A., Deryugin, P. P. (2021) Biznes i social'noe predprinimatel'stvo: obzor osnovnykh teoreticheskikh modelei [Business and social entrepreneurship: a review of basic theoretical models], *Zhurnal issledovaniï sotsial'noï politiki*, vol. 19, no. 1, pp. 155—165.
- Lokshina, E. H., Chasova, T. D. (1994) Sotsial'no-ekonomicheskie problemy predprinimatel'stva: adaptatsiia zhenshchin, organizatsionnoe obespechenie [Socio-economic problems of entrepreneurship: adaptation of women, organizational support]. In E. H. Lokshina, T. D. Chasova; Sankt-Peterburg. un-t ekonomiki i finansov, Lab. soc.-ekon. probl. predprinimatel'stva (Eds.). Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta ekonomiki i finansov, 81 p.
- Lygdenova, Yu. Y. (2009) Zhenshchiny predprinimateli: нравственные основы жизнедеятельности: disser. kan. soc. nauk [Women Entrepreneurs: Moral Foundations of Life: Dissertation of Cand. of Social Sciences]. Ulan-Ude, 173 p.
- Naisbitt, J. (2003) Megatrendy [Megatrends]. Translated from English by M. B. Levina. Moscow: AST: Ermak, 380 p.
- Nelson, A. (2023) Ledi v dele. Zhenskoe li delo — zhenskoe predprinimatel'stvo? [Lady in Action. Is women's business a woman's business?], *AiF Volgograd*. 18.11.2023, available from, https://vlg.aif.ru/society/details/ledi_v_dele_zhenskoe_li_delo_zhenskoe_predprinimatelstvo (accessed 08.07.2026).
- Nurbekova, Zh. A. (2013) Teoreticheskie predposylki sotsiologicheskogo analiza zhenskogo predprinimatel'stva [Theoretical prerequisites for the sociological analysis of women's entrepreneurship], *Uchënye zapiski ZabGU. Seriya: Filosofii, sotsiologii, kul'turologiia, sotsial'naia rabota*, no. 4 (51), pp. 101—106.
- Malyshevskaya, Yu. Y. (2013) Osobennosti formirovaniia sotsial'noï gruppy «zhenshchiny-predprinimateli» (na materialah Respubliki Buriatii) [Features of the formation of the social group "women entrepreneurs" (based on the materials of the Republic of Buryatia)], *Sotsial'no-politicheskie nauki*, no. 4, pp. 26—32.
- Melnikov, M. V. (2012) Zhenskoe predprinimatel'stvo v period sotsial'no-ekonomicheskikh transformatsii: opyt vtoroi poloviny XIX — nachala XX vv. [Women's entrepreneurship in the period of socio-economic transformations: the experience of the second half of the XIX — early XX centuries], *Vestnik NGTU im. R. E. Alekseeva. Seriya: Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii*, no. 3, pp. 46—51.
- Morozov, V. A. (2003) S nadezhdoï na zhenshchin. Zhenskoe predprinimatel'stvo kak osnova razvitiia malogo biznesa [With hope for women. Women's entrepreneurship as a basis for small business development], *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*, no. 3, pp. 3—10.
- OAE voshli v piaterku stran s nailuchshei podderzhkoï zhenskogo biznesa: kliuchevye dostizheniia i trendy 2024 goda (2025) [The UAE is among the top five countries with the best support for women's businesses: key achievements and trends in 2024] | Pereezd i biznes za granitseï | Vizy, VNZH, immigratsiia | Nomad Solutions, *Dzen*. 12.06.2025, available from <https://dzen.ru/a/aEqEuWSZYHY8Vj22> (accessed 08.07.2026).
- Pinkovetskaya, Y. S. (2019) Razvitie zhenskogo predprinimatel'stva v Rossii: upravlencheskii analiz [Development of women's entrepreneurship in Russia: managerial analysis], *Vo-prosy upravleniia*, no. 2 (38), pp. 122—131.
- Pokhvoshech, V. A., Kolesnikova, O. A. (2015) Razvitie zhenskogo predprinimatel'stva kak faktor obespecheniia effektivnoï zaniatosti [Development of women's entrepreneurship as a factor of ensuring effective employment], *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie)*, no. 21, pp. 103—107.

- Polutova, M. A. (2015) Spetsifika genezisa zhenskogo predprinimatel'stva v postindustrial'nyĭ period [The specifics of the genesis of women's entrepreneurship in the post-industrial period, *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniia v sovremennom mire*, no. 12-4, pp. 53—55.
- Prabha, S. A., Palanichamy, N. V., Muruganathi, D., Shivakumar, K. M., Kalpana, M., Balakrishnan, M. (2025) Research trends and dynamics in women entrepreneurship: a comprehensive bibliometric review, *Future Business Journal*, vol. 11, no. 1, 46 p.
- Rasskazov, S., Rubtcova, M., Derugin, P., Pruel, N., Malychev, V. (2016) Social network analysis as an organizational diagnostic tool: The case of small business in Russia, *International Review of Management and Marketing*, vol. 6, no. 1, pp. 170—176.
- Roshchin, S. Yu. (1996) Zaniatost' zhenshchin v perekhodnoĭ ekonomike [Employment of women in the transitional economy of Russia]. Moscow: TEIS, 134 p.
- Roshchin, S. Yu., Roshchina, Ya. M. (1995) Predprinimatel'stvo — novaia sfera zhenskoi zaniatosti [Entrepreneurship is a new area of women's employment], *Zhenshchiny v reformiruemoĭ ekonomike*. In T. Ya. Chetverina (Ed.). Moscow: Institut ekonomiki RAN, pp. 93—111.
- Semenova, Yu. A. (2014) Zhenskoe predprinimatel'stvo v sovremennom rossiiskom obshchestve: osobennosti i perspektivy [Women's entrepreneurship in modern Russian society: features and prospects], *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Serii: Sotsiologiia. Politologiia*, vol. 14, no. 2, pp. 17—19.
- Semenova, Yu. A. (2018) Delovye strategii i novye modeli zhenskogo predprinimatel'stva v usloviakh tsifrovoi ekonomiki [Business strategies and new models of women's entrepreneurship in the digital economy], *Diskurs*, no. 5, pp. 114—120.
- Schmoller, G. von. (1900) Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Munich; Leipzig: Duncker: Humblot, vol. I, 392 p.
- Tabu na professiiu: kem ne mogut rabotat' sovremennye zhenshchiny v raznykh stranakh mira — Belorusskii profsoiuz rabotnikov torgovli, potrebitel'skoi kooperatsii i predprinimatel'stva goroda Brest (2023) [Taboo on the profession: what modern women cannot work in around the world — Belarusian Trade Union of Trade, Consumer Cooperation and Entrepreneurship Workers of the city of Brest], *Brestskaia oblastnaia organizatsiia Belorusskogo profsoiuza rabotnikov torgovli, potrebitel'skoi kooperatsii i predprinimatel'stva*. September 08, 2023, available from <https://www.proftorg-brest.by/news/tabu-na-professiyu-kem-ne-mogut-rabotat-sovremennye-zhenshchiny-v-raznykh-stranakh-mira/> (accessed 08.07.2026).
- Taranukha, Yu. V. (2024) Zhenskoe predprinimatel'stvo v Rossii: sostoianie i tendentsii [Women's entrepreneurship in Russia: status and trends], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 39—63.
- Uspekh v zhenskikh rukakh: istorii 2024 [Success in Women's Hands: Stories of 2024] (2024), available from <https://epoxy-elements.ru/blog/zhenskoe-predprinimatelstvo-vdohnovlyayushhie-istorii-uspeha-2024/> (accessed 08.07.2026).
- Utkina, N. Yu. (2017) Ob'ektivnye i sub'ektivnye faktory razvitiia zhenskogo predprinimatel'stva v Rossii [Objective and subjective factors of the development of women's entrepreneurship in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no.1 (82), pp. 17—27.
- Wojciechowski, S. N. (2022) Ocherk integratsii sotsiologicheskikh znaniĭ. Chast' 2 [An essay on the integration of sociological knowledge. Part 2], *Molodoĭ uchenyiĭ*, no. 31 (426), pp. 65—71.
- Yakovlev, A. (2024) Zhenshchiny v Rossii otkryvaiut biznes chashche muzhchin [Women in Russia open businesses more often than men], *SKB Kontur*. March 11, 2024, available from https://kontur.ru/press/news/49020-zhenshchiny_rf_otkryvayut_biznes_chashche_muzhchin (accessed 08.07.2026).
- Yershova, I. V. (2022) Zhenskoe predprinimatel'stvo: ot empiriki i doktriny k pravovomu regulirovaniu [Women's entrepreneurship: from empiricism and doctrine to legal regulation], *Lex Russica*, no. 8 (189), pp. 9—21.
- Zhenshchiny, biznes i zakon 2016: Doklad Vsemirnogo banka* (2016) [Women, business and law 2016: World Bank Report], *World Bank Group*, available from <http://wbl.worldbank.org/~media/WBG/WBL/Documents/Reports/2016/WBL2016-KeyFindings-Russian.pdf> (accessed 08.07.2026).
- Zhuravleva, M. (2024) Kak zhenshchiny stali vazhnoi chast'iu biznes-soobshchestva [How women became an important part of the business community], RBC, 08.08.2024, available from <https://www.rbc.ru/business/08/08/2024/66acb85f9a79478bed4464f5> (accessed 08.07.2026).

Статья поступила в редакцию 17.08.2026; одобрена после рецензирования 29.08.2026; принята к публикации 03.09.2026.

The article was submitted 17.08.2026; approved after reviewing 29.08.2026; accepted for publication 03.09.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Дерюгин Павел Петрович — доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии, и.о. заведующего кафедрой экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры социологии и политологии (совместитель), Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ), г. Санкт-Петербург, Россия, deriuginpav@yandex.ru (Dr.Sc. (Sociology), Professor, Department of Applied and Sectoral Sociology, Acting Chair of the Department of Economic Sociology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; Professor, Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI», Saint Petersburg, Russian Federation).

Кадыров Абдурашид Маджидович — доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором: «Размещение производительных сил» Научно-исследовательского центра «Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана», Ташкентский государственный экономический университет, г. Ташкент, Республика Узбекистан, kadirov_a_m@mail.ru (Dr. Sc. (Economics), Professor, Head of the «Allocation of Productive Forces» Section at the Scientific Research Center «Scientific Bases and Problems of the Economy Development of Uzbekistan», Tashkent State University of Economics, Tashkent, Republic of Uzbekistan).

Ахмедиева Алия Тохтаровна — доктор экономических наук, профессор кафедры макроэкономического анализа и прогнозирования, Ташкентский государственный экономический университет, г. Ташкент, Республика Узбекистан, aliya.axmedova1974@gmail.com (Dr. Sc. (Economics), Professor, Department of Macroeconomic Analysis and Forecasting, Tashkent State University of Economics, Tashkent, Republic of Uzbekistan).

Вэй Линде — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, weilingdie214@163.com (Graduate Student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 83—93.

Woman in Russian Society. 2026. No. 3. P. 83—93.

Научная статья

УДК 316.752:316.356.2-053.6

EDN: <https://elibrary.ru/qnxmeo>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.3.6

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ К СЕМЕЙНЫМ ЦЕННОСТЯМ

Ирина Леонидовна Первова,

Вячеслав Николаевич Келасьев

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, pervovai@mail.ru

Аннотация. Семья выполняет ряд ключевых для общества функций, одними из основных являются: репродуктивная, воспитательная, регулятивная и сексуальная. В настоящее время они трансформируются. Экономические трудности, миграция и культурные сдвиги начали угрожать семейным связям, в особенности среди молодых людей. Проведенное исследование посвящено тенденциям российской молодежи по отношению к семье, браку, деторождению, взаимоотношениям и ответственности. Исследование показало, что имеются тенденции смещения значимости семьи как непреложной ценности из представлений современной молодежи, увеличение возраста для создания семьи и некоторый сдвиг ориентации с малосемейности на многосемейность.

Ключевые слова: семья, брак, традиционные ценности, молодежь

Для цитирования: Первова И. Л., Келасьев В. Н. Отношение современной молодежи к семейным ценностям // Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 83—93.

Original article

ATTITUDES OF TODAY'S YOUTH TOWARD FAMILY VALUES

Irina L. Pervova,

Vyacheslav N. Kelasyev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg,
Russian Federation, pervovai@mail.ru

Abstract. The importance of family ties is reflected in many cultures. Modernization, urbanization, and changing intra-family roles in the modern world are influencing socialization processes and traditional support systems. The family performs a number of functions that are key to society; among the most important are reproductive, educational, regulatory, and sexual functions, which are currently undergoing transformation. Economic difficulties, migration, and cultural shifts have recently begun to threaten family ties, particularly among young people. Marriage and parenthood are often viewed by young people as the result of achieving financial maturity. The study examined trends among Russian youth regarding family, marriage, childbearing, relationships, and responsibility. The study revealed trends indicating a shift in the importance of family as an unquestionable value among contemporary youth, an increase in the preferred age for starting a family, and a certain shift from a focus on small families toward large families. The Russian government is actively working to strengthen traditional family values and support young families. Nevertheless, to strengthen the modern family, it is necessary to implement educational programs aimed at preparing young people for family life. Such programs should be introduced in high school.

Keywords: family, marriage, traditional values, youth

For citation: Pervova, I. L., Kelasyev, V. N. (2026) Otnoshenie sovremennoy molodezhi k semeinym tsennostiam [Attitudes of Today's Youth Toward Family Values], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 83—93.

Введение

Институт семьи имеет достаточно давнюю историю. Еще в таких древних цивилизациях как Греция и Рим большое значение придавалось семейным ценностям. На долге, чести, уважении к старшим строился социальный порядок в цивилизационных обществах. Семья, брак, семейные ценности являлись неотъемлемой частью общественной морали в средние века и были закодированы во многих религиозных учениях того времени. Важность крепких семейных связей отражена во многих культурах Европы, Азии, Африки, Латинской Америки.

Из теории систем известно, что сильные семейные структуры влияют на управление, экономическую производительность и гражданскую ответственность общества. Однако модернизация, урбанизация и изменение внутрисемейных ролей в современном мире привели к изменению динамики семьи, влияя на процессы социализации и традиционные системы поддержки. Упадок расширенных семейных связей ослабил неформальные системы социальной защиты, усилив зависимость членов общества от государственных программ социального обеспечения. Экономические трудности, миграция и культурные сдвиги начали угрожать семейным узам, что требует реформации социальной политики, укрепляющей сплоченность и устойчивость семьи.

С точки зрения социологии семья представляет собой малую социальную группу, члены которой связаны брачными и/или родственными узами, общностью

быта, жизни и взаимной ответственностью. Семья выполняет ряд ключевых для общества функций, которые в современных условиях трансформируются, в частности, меняются репродуктивная, воспитательная, регулятивная и даже сексуальная функции.

Социальный институт семьи в настоящее время подвергается различным нападкам и экспериментам, но пока сохраняет самодостаточность и устойчивость. Семья — это фундамент для будущих поколений, определяющий их знакомство с окружающим миром и взаимодействие с ним. Многочисленные исследования показывают, что структура семьи, в которой растут молодые люди, оказывает влияние на их дальнейшую жизнь, обеспечивая широкий спектр воздействий на образовательную, социальную, когнитивную и поведенческую сферы [Stoddard-Bennette et al., 2023]. Изменения в структуре семьи могут привести к нестабильности, стрессу и повлиять на психическое здоровье, социализацию и будущую успешность ребенка. Молодые люди, у которых есть дети вне официальных отношений или при сожительстве, в среднем имеют более низкий уровень образования и менее оплачиваемые предложения на рынке занятости, чем те, у которых есть дети в браке [Western, Pettit, 2010; Stoddard-Bennett и др., 2023]. Кроме того, недостаточное внимание к тому, чем заняты дети, может приводить к отсутствию навыков контроля эмоций, что может способствовать ранней сексуальности и даже распущенности [Edobor, Ebiye, 2017]. Распущенность в молодом возрасте, в свою очередь, ведет к ряду неблагоприятных последствий для образа жизни [Faiza, 2022 и др.], таких как частая смена партнеров, небезопасный секс, излишняя терпимость в отношениях, выбор плохих партнеров, злостность от своих нынешних партнеров и/или по отношению к ним, нежелательная беременность, экономические, психологические трудности и проблемы со здоровьем [Jones, 2011; Faiza, 2022]. В некоторых странах, включая Индонезию, молодые люди имеют крайне низкий уровень знаний о репродуктивном здоровье, поскольку на эту информацию до сих пор действует запрет из-за боязни спровоцировать сексуальное поведение в юном возрасте [Motsomi et al., 2016; Putri, 2025, Thaha, 2021]. Проведенное в Великобритании исследование о представлениях студентов, переживших размещение в приемных семьях, относительно их будущих семейных отношений [Ellis, 2025] показало, что, несмотря на идеализацию имиджа семьи в стране, отсутствие практического опыта положительных впечатлений и моделирования приводит к страхам, в особенности относительно родительства и в большей мере у девушек. В России традиционные семейные ценности всегда имели большую значимость, однако в современных условиях наблюдается определенная эволюция.

Постановка задачи

Российская молодежь, выросшая в условиях рыночной экономики, стала поздно создавать семьи и заводить детей, что во многом обусловлено экономической нестабильностью, отсутствием собственного жилья, озабоченностью карьерным ростом и изменением ценностных установок, при которых брак и родительство рассматриваются как результат достижения финансовой зрелости. В сознании большого числа молодежи господствует одержимая ориентация на карьеру. Получение образования, построение карьеры и самореализация становятся сверхценными идеями, а бездетность, малодетность и позднее материнство становятся нормой. Уровень рождаемости в стране в 2025 году упал до 1,41 %, а средний возраст рожениц составляет почти 30 лет (29,8). Преобразование основных семейных функций отражается на деятельности общественных институтов.

Воспитательная среда подвергается существенному воздействию цифровых технологий. Семья как традиционный институт воспитания трансформируется под действием субкультур, сетевых групп, виртуальных сообществ, в связи с чем дети и подростки социализируются в новых, не всегда просоциальных, форматах.

Регулятивная функция семьи также претерпевает значительные изменения, сместив акцент на диалог, моральную оценку и индивидуальное развитие. Семьи теперь чаще придерживаются равенства супругов, уходит принуждение, а ключевую роль в формировании базовых норм поведения играют пример, обсуждение и эмоциональная поддержка.

Сексуальная функция семьи становится всё больше связанной с удовлетворённостью в отношениях, направленной на эмоциональное и эротическое удовлетворение партнёров, причем сексуальная удовлетворённость является не просто следствием, но и условием устойчивости брака. Семья всё реже рассматривается как единственный легитимный контекст для сексуальных отношений.

Тем не менее в современном российском обществе семья сохраняет ключевое значение, по-прежнему воспринимается как опора и условие успешной социализации, формируя моральные ценности, поведенческие нормы и эмоциональную устойчивость личности.

Российское государство активно работает над укреплением традиционных семейных ценностей и поддержкой молодых семей. Причем именно государственная поддержка семей вызывает наибольший интерес у современной молодежи при создании семьи.

Методы исследования

Для того чтобы определить тенденции российской молодежи в отношении к семье, браку, деторождению, взаимоотношениям и ответственности, было предпринято пилотажное эмпирическое социологическое исследование молодых людей ($n = 55$ чел.) в возрасте от 19 до 25 лет (м. — 25, ж. — 30) с различным уровнем образования (среднее — 9, неоконченное высшее — 19, высшее — 28) и разным составом родительской семьи (полная — 35, неполная — 15, отсутствие родителей — 2, нет данных — 3). Выборка респондентов была неслучайной и осуществлялась по критериям возраста и возможности длительного интервьюирования. Качественный метод исследования использовался для выявления ценности семьи для молодежи, трансформации ее моделей, мотивов, возрастной динамики создания, идеалов, условий и препятствий, а также отношения к деторождению. Непосредственным методом исследования являлось углубленное полуструктурированное интервью. Исследование было осуществлено с помощью магистрантов направления Социальная работа СПбГУ (март—апрель, октябрь 2025 г.). Логика анализа носила индуктивный характер. Основным способом анализа являлось обобщение выявленных оценок и описание высказываний без их отождествления. Валидность достигалась повторяемостью выявленных суждений и мнений. В статистической обработке использовался критерий χ^2 Пирсона. В данной статье рассматривается часть полученных в исследовании результатов, касающихся оценки значимости семьи в жизни человека, возраста для создания семьи и желаемого числа детей.

Результаты исследования

При определении места семьи в системе жизненных приоритетов молодежи в процессе исследования было выделено три категории восприятия значимости семьи респондентами: семья как главная жизненная ценность; семья важная, но не определяющая ценность; семья теряет/утратила значение.

Семья как главная жизненная ценность ($n = 19$). Респонденты рассматривают семью как центральную, основополагающую ценность, без которой невозможно полноценно построить жизнь и обеспечить психологический комфорт (семья как первооснова, обеспечивающая эмоциональную стабильность и чувство защищенности; место, куда хочется возвращаться, где можно почувствовать себя нужным; базовая структура, обеспечивающая социализацию и формирование личности; основа человеческого счастья, дающая близость, ощущение значимости; ключевой элемент, формирующий удовлетворенность жизнью; фундамент ценностной системы, заложенной с детства, что укрепляет ее главенствующую роль. *«Без семьи человек несчастен, даже если у него куча друзей или успешная работа... хочется просто прийти домой, где тебя ждут»*; *«Никакой альтернативы семье еще не придумали, а человек — существо социальное, немыслимо представить, что в один момент все люди станут одиночками»*; *«Семья — это поддержка и ощущение, что ты кому-то нужен»* и т. п.

Семья важная, но не определяющая ценность ($n = 23$). Семейные отношения занимают важное место, однако уступают приоритет другим жизненным ценностям, в частности образованию, профессиональной реализации и личностному развитию (саморефлексия, акцент на осознанность, равноправие, личностный рост; конкуренция семьи с карьерой, саморазвитием, свободой. *«Семья воспринимается как определенное ограничение для реализации своих желаний и мечтаний»*; *«Раньше казалось, что без семьи ты как будто “не состоялся”, а сейчас все более индивидуально»*; *«Сейчас у людей больше свободы выбирать: хочешь — строишь семью, хочешь — живешь для себя, путешествуешь, занимаешься саморазвитием, карьерой»* и т. п.

Семья теряет / утратила значение ($n = 13$). Тенденция на снижение роли семьи как жизненного ориентира: отмечается частичная или полная утрата ее значения в современном обществе (семья как социальный институт, утративший обязательность, переставший быть необходимым содержанием жизненного пути, воспринимающийся как социальное давление или формальность, а не как естественная потребность; преобладание материальных и личных интересов; потеря эмоциональной привязанности к семье; рост одиночества, нестабильных и нестандартных форм внебрачных и брачных отношений; человек может реализоваться и без семьи. *«Безразличие к семье стало обычным. Раньше к ней относились с трепетом»*; *«Сейчас важнее карьера, деньги, личные интересы. Институт семьи сильно пострадал»*; *«Все больше одиночек, гостевых браков. Люди боятся нестабильности»*.

Как показал статистический анализ (χ^2 Пирсона), значимых взаимосвязей между категориальными (номинальными) переменными (возраст — $\chi^2 = 6.5380$; пол — $\chi^2 = 1.9611$; уровень образования — $\chi^2 = 3.8445$; структура родительской семьи — $\chi^2 = 3.6953$) и отношением респондентов к семейным ценностям обнаружено не было (во всех случаях $p > 0.05$). Тем не менее в возрастной группе 19—21 год, где более половины респондентов рассматривает семью как ключевую жизненную ценность, молодые люди еще достаточно тесно связаны с родительской семьей; к 22—23 годам

увеличивается число респондентов, для которых семья — не главное, и возрастает количество тех, для кого семья утратила значимость, повышается роль друзей, коллег, партнеров; а к 24—25 годам семью как главную ценность признает уже менее трети респондентов, и в этой группе относительно выше удельный вес мнений об утрате значимости семьи (рис. 1).

Таким образом, по данным исследования в процессе взросления происходит смещение приоритетов, но ценность семьи, так или иначе, остается значимой для подавляющего большинства респондентов.

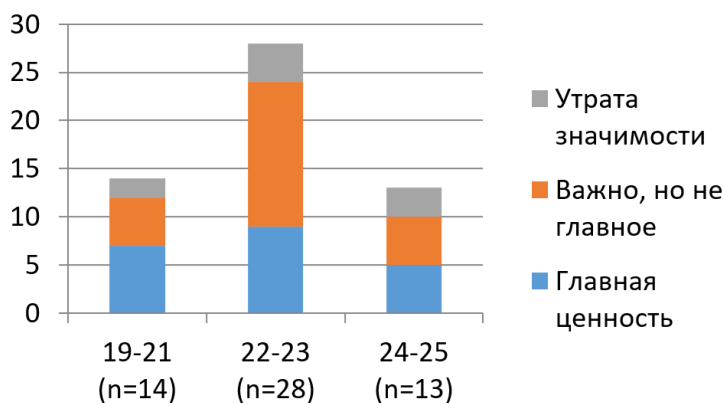

Рис. 1. Ценность семьи в жизни человека (возрастной аспект)

Что касается половых различий по номинальным значениям, то женщины чаще, чем мужчины, определяли семью как «главную и не главную, но ценность» и в меньшей мере, чем мужчины, отмечали утрату ее значимости (рис. 2).

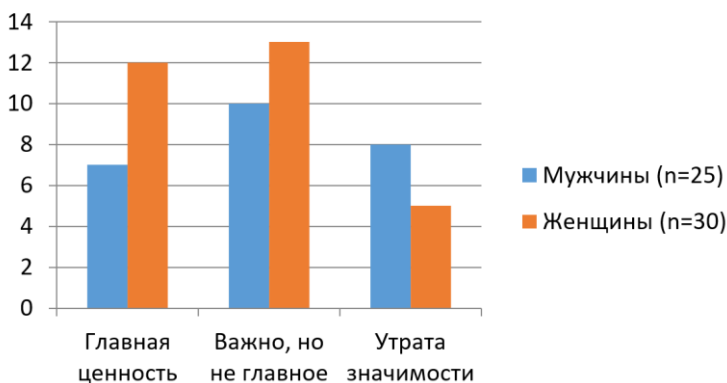

Рис. 2. Ценность семьи в жизни человека (по полу)

По данным исследования ни уровень образования ($\chi^2 = 3.8445$ при $p > 0.05$; коэффициент сопряженности Пирсона $C = 0.2556$; коэффициент Крамера $V = 0.1869$), ни структура родительской семьи ($\chi^2 = 3.6953$ при $p > 0.05$; коэффициент сопряженности Пирсона $C = 0.2553$; коэффициент Крамера $V = 0.1867$) не оказывают прямого влияния на ценность семьи для респондентов (рис. 3, 4). Вместе с тем респонденты с высшим и неполным высшим образованием в большинстве случаев (38 чел.)

рассматривают семью как главную ценность или важную, но не главную, тогда как у лиц со средним профессиональным образованием удельный вес утраты значимости семьи (1/2) существенно выше (рис. 3).

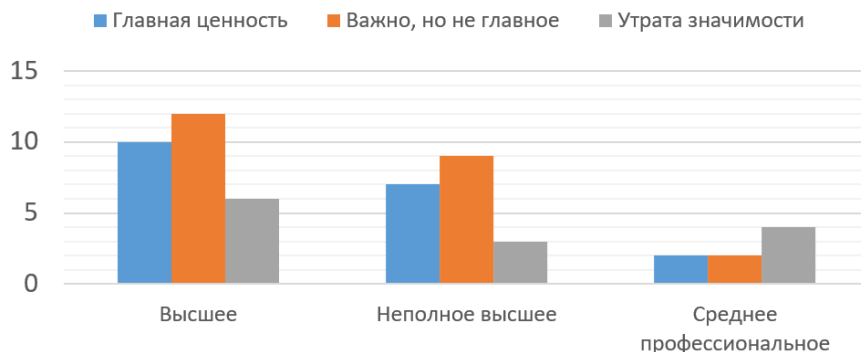

Рис. 3. Ценность семьи в жизни человека (по образованию респондентов)

Для респондентов, выросших в полных семьях, семья в равной мере считается либо главной ценностью (14 чел.), либо важной, но не главной (14 чел.), менее четверти считают ее утратившей значение (7 чел.), тогда как для выходцев из неполных семей преобладает значение ее важности, но не главенства (8 чел.), и возрастает показатель утраты значимости семьи (5 чел.). Респонденты, которые не воспитывались родителями, в равной мере придерживаются всех трех значений (рис. 4). Прямой зависимости значимости семьи для респондентов и ее структуры не выявлено ($\chi^2 = 3.6953$ при $p > 0.05$; коэффициент сопряженности Пирсона $C = 0.2553$; коэффициент Крамера $V = 0.1867$).

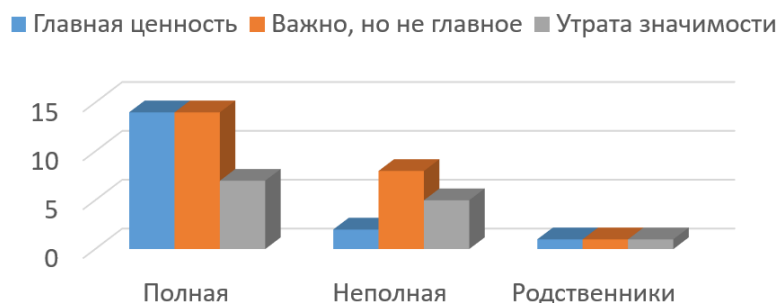

Рис. 4. Ценность семьи в жизни человека по структуре семьи

Полученные данные по наиболее предпочтительному возрасту для создания семьи свидетельствуют о смещении значений в сторону взрослости — 26—29 лет, что соответствует периоду после получения образования и начала карьеры (рис. 5) и совпадает с результатами других социологических исследований [Бабышева, 2022; Гончарова, 2023; Попова, 2023; Репродуктивный потенциал, 2025; Шерстнева, 2023 и др.].

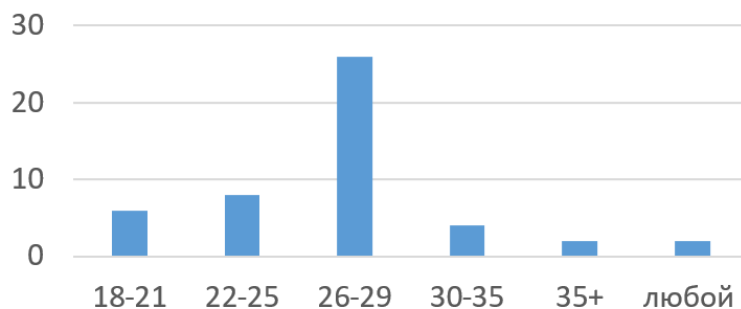

Рис. 5. Наиболее благоприятный возраст для создания семьи

Несмотря на то, что прямой зависимости от пола, возраста, образования и структуры родительской семьи по данному показателю ($p > 0.05$) и по желаемому количеству детей ($p > 0.05$) выявлено не было, женщины в большей мере не склонны очень затягивать с созданием семьи и рождением детей «...в связи с возможными негативными последствиями поздних родов», а мужчины не стремятся к ранним бракам из-за «...необходимости построить карьеру и “нагуляться”».

По желаемому количеству детей значимое количество респондентов склоняются как к 1—2 детям (23 чел.), так и к 3—4 (20 чел.), среди мужчин наблюдается большее смещение репродуктивных установок в пользу 1—2 детей (м. — 12; ж. — 11 чел.) по отношению к 3—4 детям (м. — 8; ж. — 12), в то время как у женщин значимых различий в этом отношении не выявлено.

Положительная тенденция в сторону увеличения числа детей в молодежной семье хотя и слабо выражена, но все-таки проявляется, что дает надежду в дальнейшем если не на существенный прирост, то на воспроизводство населения страны.

Таким образом, изучение ценности семьи в жизни молодых людей, предпочитаемого возраста для создания семьи и желаемого числа детей показало, что имеется некоторая тенденция к смещению значимости семьи как непреложной ценности из представлений молодежи, к увеличению предпочитаемого возраста для создания семьи и ориентации на 1—2 или даже 3—4 детей у молодых людей и девушек, причем такие факторы как конкретный возраст, пол, образование и структура родительской семьи не имеют прямой зависимости от рассматриваемых параметров.

Представленное исследование носит пилотажный характер и требует увеличения выборки, тем не менее оно подтверждает и уточняет имеющиеся данные в отношении молодежи к семье и продлению рода, что предполагает незамедлительные меры по сохранению и увеличению численности населения в стране.

Заключение

Национальное развитие выходит за рамки экономического роста и направлено на социальную сплоченность, культурную преемственность и индивидуальное благополучие. Семья как социальный институт служит основополагающим звеном общества, прививая традиционные ценности, способствуя социальной стабильности и тем самым стимулируя национальный прогресс.

Укрепление семьи как единого целого посредством политических мер, сохранения культуры и взаимодействия с обществом имеет решающее значение для устойчивого национального развития. Создавая среду, способствующую развитию

традиционных ценностей, дисциплины и коллективной ответственности, семья служит основой общественного прогресса. Национальное возрождение и устойчивое развитие начинаются именно в семье, в связи с чем необходимость социальной политики, ориентированной на семью, в национальном планировании видится непреложной. Признание роли семьи как движущей силы социальной гармонии, экономической устойчивости и политической стабильности имеет решающее значение для построения процветающего и сплочённого общества.

В 2025 году выработана новая Стратегия по реализации семейной и демографической политики до 2036 года. Российское государство создает условия для роста рождаемости, улучшения демографической ситуации, включая финансовую помощь, расширение медицинских услуг и социальную поддержку семей с детьми. Последние 5 лет дали определенные положительные результаты: сохранился суммарный коэффициент рождаемости на уровне 1,4, что не достигает уровня простого воспроизводства населения (2,1), но и не означает падения; в некоторых регионах (18), где был спад, отмечается небольшой рост рождаемости; число отказов от аборт в стране выросло (на 25 %). Ключевыми факторами семейной политики остаются экономическая стабильность, чувство безопасности, улучшение качества жизни и сохранение здоровья.

Для укрепления современной семьи необходимы также меры, направленные на поддержку семейных ценностей, в частности разработка образовательных программ по подготовке молодежи к ответственному супружеству и родительству. Готовность подрастающего поколения к созданию собственной семьи, повышение ее имиджа целесообразно уже в средней общеобразовательной школе. Соответствующие программы существуют, хотя их и не так много, но они способствуют укреплению гражданской идентичности, приобщают к традиционным духовно-нравственным ценностям, акцентируют значимость крепкой семьи, продолжения рода и устойчивости брачных союзов. Начинать подготовку к семейной жизни необходимо со средних классов школы¹. Без внедрения таких программ в образовательный процесс преодолеть молодежный индивидуализм и недооценку ценности семьи вряд ли возможно.

Список источников

- Бабышева С. А. Репродуктивные установки молодежи России // Социальная политика и социология. 2022. № 4. С. 55—67.
- Гончарова М. Н. Молодежь и брак: социальные ожидания // Молодежная политика. 2023. № 4. С. 70—83.
- Попова Л. А. Психологические барьеры материнства у молодежи // Психология семьи. 2023. № 3. С. 101—115.
- Шерстнева О. Н. Репродуктивные страхи молодежи // Личность. Общество. Государство. 2023. № 2. С. 61—74.
- Семья в системе ценностей россиян // ВЦИОМ Новости. 6 июня 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-cennostei-rossijan> (дата обращения: 05.01.2026).

¹ На кафедре Теории и практики социальной работы СПбГУ разработано учебное пособие по подготовке молодежи к семейной жизни, которое может быть использовано в общеобразовательных школах и средних специальных профессиональных учреждениях (В. Н. Келасьев, И. Л. Первова, Е. А. Шишкина. Подготовка подрастающего поколения к семейной жизни: учебное пособие. СПб.: Астерион, 2019. 182 с.).

- Репродуктивный потенциал молодой семьи: анализ социологического исследования // ДЕМ.ИНФОРМ. 26.03.2025. URL: <https://deminform.ru/analytics/reproduktivny-potentsial-molodoy-semyi-analiz-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 02.12.2025).
- Balogun S., Aruoture E. Healing the Nation from the Inside Out: The Role of Home and Family in National Development // *Caritas Journal of Psychology and Behavioral Science*. 2025. Vol. 3, № 1. P. 11—25.
- Edobor J. O., Ebiye M. D. Emotional Intelligence as Predictor of Delinquent Behaviors among Secondary School Students in Port Harcourt Metropolis Rivers State // *International Journal of Research and Innovation*. 2017. Vol. 5, № 2. P. 1—10.
- Ellis K. Imagining a Future Family: Students with Care Experience // *Journal of Youth Studies*. 2025, July. P. 1—15. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13676261.2025.2531781#d1e120> (дата обращения: 02.12.2025).
- Faiza A. Emotional Promiscuity and Emotional Intelligence: An Empirical Study. *Ugdimas // Special Education*. 2022. Vol. 2, № 43. P. 3456—3466.
- Motsomi K., Makanjee C., Basera T., Nyasulu P. Factors Affecting Effective Communication about Sexual and Reproductive Health Issues between Parents and Adolescents in Zandspruit Informal Settlement, Johannesburg, South Africa // *Pan African Medical Journal*. 2016. Vol. 25. 7 p. DOI:10.11604/pamj.2016.25.120.9208.
- Putri Y. H. S., Maryati I., Solehati T. Interventions to Improve Sexual and Reproductive Health Related Knowledge and Attitudes among the Adolescents: Scoping Review // *Risk Management and Healthcare Policy*. 2025. Vol. 18. P. 105—116.
- Stoddard-Bennett N. A., Coburn J., Dufur M. J., Jarvis J. A., Pribesh S. L. Family Structure and Child Behavior Problems in Australia, the United Kingdom, and the United States // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023. Vol. 20, № 3. 24 p. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph20031780>.
- Thaha R. Y., Riswan Y. R. Factors Affecting Adolescent Knowledge About Reproductive Health at SMPN 1 Buntao, North Toraja Regency // *Jurnal Komunitas Kesehatan Masyarakat*. 2021. Vol. 3, № 2. P. 15—20. DOI:10.36090/jkkm.v3i2.1129.
- Western B., Pettit B. Incarceration and Social Inequality // *Daedalus*. 2010. Vol. 139, № 3. P. 8—19.

References

- Babysheva, S. A. (2022) Reproduktivnye ustanovki molodezhi Rossii [Reproductive attitudes of young people in Russia], *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*, no. 4, pp. 55—67.
- Balogun, S., Aruoture, E. (2025) Healing the Nation from the Inside Out: The Role of Home and Family in National Development, *Caritas Journal of Psychology and Behavioral Science*, vol. 3, no. 1, pp. 11—25.
- Edobor, J. O., Ebiye, M. D. (2017) Emotional Intelligence as Predictor of Delinquent Behaviors among Secondary School Students in Port Harcourt Metropolis Rivers State, *International Journal of Research and Innovation*, vol. 5, no. 2., pp. 1—10.
- Ellis, K. (2025) Imagining a Future Family: Students with Care Experience, *Journal of Youth Studies*, July, pp. 1—15, available from <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13676261.2025.2531781#d1e120> (accessed 02.12.2025).
- Faiza, A. (2022) Emotional Promiscuity and Emotional Intelligence: An Empirical Study. *Ugdimas, Special Education*, vol. 2, no. 43, pp. 3456—3466.
- Goncharova, M. N. (2023) Molodezh' i brak: sotsial'nye ozhidaniia [Youth and marriage: social expectations], *Molodezhnaya politika*, no. 4, pp. 70—83.
- Motsomi, K., Makanjee, C., Basera, T., Nyasulu, P. (2016) Factors Affecting Effective Communication about Sexual and Reproductive Health Issues between Parents and Adolescents in Zandspruit Informal Settlement, Johannesburg, South Africa, *Pan African Medical Journal*, vol. 25, 7 p.

- Popova, L. A. (2023) Psihologicheskie bar'ery materinstva u molodezhi [Psychological barriers to motherhood among young people], *Psihologiya sem'i*, no. 3, pp. 101—115.
- Putri, Y. H. S., Maryati, I., Solehati, T. (2025) Interventions to Improve Sexual and Reproductive Health Related Knowledge and Attitudes among the Adolescents: Scoping Review, *Risk Management and Healthcare Policy*, vol. 18, pp. 105—116.
- Reproduktivnyi potentsial molodoi sem'i: analiz sociologicheskogo issledovaniia (2025) [Reproductive potential of a young family: an analysis of a sociological study], *DEM.INFORM.* 26.03.2025, available from <https://deminform.ru/analytics/reproduktivny-potentsial-molodoy-semyi-analiz-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (accessed 02.12.2025).
- Sem'ia v sisteme tsennostei rossiian* (2024) [Family in the system of values of Russians], *VCIOM Novosti*. June 6, 2024, available from <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor-semja-v-sisteme-cennostei-rossijan> (accessed 05.01.2026).
- Sherstneva, O. N. (2023) Reproductivnye strakhi molodezhi [Reproductive fears of young people], *Lichnost'. Obshchestvo. Gosudarstvo*, no. 2, pp. 61—74.
- Stoddard-Bennett, N. A., Coburn, J., Dufur, M. J., Jarvis, J. A., Pribesh, S. L. (2023) Family Structure and Child Behavior Problems in Australia, the United Kingdom, and the United States, *International Journal of Environmental Research and Public health*, vol. 20, no. 3, 24 p.
- Thaha, R. Y., Riswan, Y. R. (2021) Factors Affecting Adolescent Knowledge About Reproductive Health at SMPN 1 Buntao, North Toraja Regency, *Jurnal Komunitas Kesehatan Masyarakat*, vol. 3, no. 2, pp. 15—20.
- Western, B., Pettit, B. (2010) Incarceration and Social Inequality, *Daedalus*, vol. 139, no. 3, pp. 8—19.

Статья поступила в редакцию 10.06.2026; одобрена после рецензирования 20.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 10.06.2026; approved after reviewing 20.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Первова Ирина Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, pervovai@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Professor in the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation).

Келасьев Вячеслав Николаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, v.kelasev@spbu.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Head of the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 94—107.

Woman in Russian Society. 2026. No. 3. P. 94—107.

Научная статья

УДК 327.82(470)"18" : 94(470)"181/183"

EDN: <https://elibrary.ru/etltoo>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.3.7

САЛОННАЯ И ЖЕНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: РОЛЬ Д. Х. ЛИВЕН В ДОСТИЖЕНИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Ирина Ивановна Стамова,

Вартан Арсенович Эйриян

Московский государственный институт международных отношений (университет),
Министерство иностранных дел Российской Федерации (МГИМО), г. Москва, Россия,
stamirina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению феномена салонной и женской дипломатии как проявления «мягкой силы» на примере деятельности Д. Х. Ливен. Международно-политические реалии 1810—1830-х гг. исследуются на основе переписки Д. Х. Ливен с ее братом А. Х. Бенкендорфом и другими государственными деятелями Российской империи. Рассматривается вклад княгини в формирование российского внешнеполитического курса в первой половине XIX в. Делается вывод, что направляемая Д. Х. Ливен из Лондона информация являлась уникальным источником, благодаря которому МИД Российской империи имел детальное представление о позиции Великобритании по всем пунктам международной повестки. Подчеркивается, что женщины, не имея возможности стать кадровыми дипломатами, играли весомую роль в осуществлении дипломатической деятельности и оказывали значительное влияние на развитие международно-политических процессов.

Ключевые слова: женская дипломатия, салонная дипломатия, мягкая сила, Венская система, Д. Х. Ливен

Для цитирования: Стамова И. И., Эйриян В. А. Салонная и женская дипломатия в первой половине XIX века: роль Д. Х. Ливен в достижении внешнеполитических задач российского правительства // Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 94—107.

Original article

SALON AND FEMALE DIPLOMACY IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY: THE ROLE OF D. LIEVEN IN ACHIEVEMENT OF THE FOREIGN POLICY GOALS OF THE RUSSIAN GOVERNMENT

Irina I. Stamova, Vartan A. Eiriyani

Moscow State Institute of International Relations (University),
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow,
Russian Federation, stamirina@mail.ru

Abstract. The article explores the phenomenon of salon and female diplomacy as the manifestation of soft power providing the example of the activities of Dorothea (Darya) Lieven. The international political realities of the 1810—1830's are analyzed on the basis of correspondence of D. Lieven's with her brother Alexander Benckendorff and other statesmen of the Russian Empire. The article examines the princess's contribution to the formation of Russian foreign policy in the first half of the 19th century and comes to the conclusion that the information sent by D. Lieven from London was a unique source, thanks to which the Foreign Ministry of the Russian Empire had a detailed understanding of the Britain's position on all items on the international agenda. The article emphasizes that women, not having the opportunity to become career diplomats, played a significant role in diplomatic activities and had a considerable impact on the development of international political processes. The state, in its turn, using women's and salon diplomacy as a form of soft power, constructed the necessary socio-cultural image by attracting the attention of the foreign public.

Keywords: female diplomacy, salon diplomacy, soft power, Vienna system, D. Lieven

For citation: Stamova, I. I., Eiriyani, V. A. (2026) *Salonnaia i zhenskaia diplomatiia v pervoi polovine XIX veka: rol' D. Kh. Liven v dostizhenii vneshnepoliticheskikh zadach rossiiskogo pravitel'stva* [Salon and Female Diplomacy in the First Half of the 19th Century: the role of D. Lieven in achievement of the foreign policy goals of the Russian government], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 94—107.

Введение

В XVIII—XIX вв. одним из важнейших инструментов [Дипломатия новых сфер..., 2024: 32—33] публичной и культурной дипломатии становятся светские салоны, завсегдатаями которых являлись представители европейского бомонда, желавшие быть в курсе всех модных веяний. Именно в это время своего пика достигает «салонная дипломатия». В отечественных реалиях салонная традиция, во многом ассоциирующаяся с женской дипломатией, по нашему мнению, ярче всего раскрылась в политической практике Дарьи Христофоровны Ливен, специфике деятельности которой посвящена представленная статья. Характеризация данного феномена представляется тем значимее, что позволяет пересмотреть устоявшийся концепт дипломатической деятельности как исключительно мужского занятия применительно не только к конкретно-историческим условиям, но и с точки зрения теории дипломатии вообще. Обращение к отечественному опыту видится особо показательным на фоне того, что в Соединенных Штатах, как отмечают современные специалисты, первая женщина-дипломат смогла достичь карьерных высот лишь в первой половине XX в. (см., напр.: [Мицюк, Шульга, 2022]), в то время как в российских реалиях раскрытие потенциала женской дипломатии в рамках салонной началось, по меньшей мере, на век раньше.

Интерес к рассмотрению сюжетов, связанных с «салонной дипломатией», обусловлен несколькими факторами. Во-первых, стоит признать, что в теории и истории международных отношений гендерные концепции позволяют иначе взглянуть на феномены, обсуждаемые в рамках истории дипломатии. Так, сквозь призму подхода Дж. Энн Тикнер об ошибочности сужения категории безопасности, принципиальной для Венской системы международных отношений, деятельность салонов и представительниц женского пола, вокруг которых эти салоны формировались, может быть рассмотрена в качестве дополнительного инструмента обеспечения государственных интересов [Лошкарев, 2021: 246—247].

Во-вторых, развивая эту мысль, обозначим, что среди классических трудов, посвященных истории внешней политики и дипломатии в первой половине XIX в., проблематика вклада салонов и отдельных представительниц высшего света в реализацию внешнеполитических стратегий зачастую оттенялась более институционализированными феноменами: фокус был направлен на изучение событийной и процессуальной сторон международных реалий, но не на персональный вклад лиц, в т. ч. и женщин, за исключением ответственных за принятие ключевых внешнеполитических решений. Так, в работах Е. В. Тарле [Тарле, 1927], Н. С. Киняпиной [Киняпина, 1963], В. В. Дегоева [Дегоев, 2004], О. Р. Айрапетова [Айрапетов, 2006] и В. М. Безотосного [Безотосный, 2012] акцент сделан на взаимодействии государственных акторов, деятельности внешнеполитических ведомств и дипломатических представительств, природе и сущности Венской системы. За последнее десятилетие в трудах специалистов стал все чаще превалировать системный подход к изучению Венской эпохи, следствием чего явилось определение места целого ряда феноменов в общей картине истории дипломатии первой половины XIX в. (к примеру, см.: [Василенко, 2019; Колосова, 2024; Кудрявцева, 2014; Романова, 2016]). Однако проблематика вклада женщин и формировавшихся вокруг их персон салонов в реализацию внешнеполитических стратегий все еще требует досконального изучения.

На наш взгляд, сегодня продолжает сохраняться потребность в системном рассмотрении истории дипломатии первой половины XIX столетия, в связи с чем полезным представляется расширение представлений о месте «салонной дипломатии» во внешнеполитическом инструментарии европейских держав. Оговоримся, что сама по себе салонная тематика не нова, ей посвящены, в частности, работы С. Г. Айвазовой [Айвазова, 1991], М. И. Аронсона и С. А. Рейсера [Аронсон, Рейсер, 2001], С. В. Гапич [Гапич, 2000], Т. Е. Смольяниновой [Смольянинова, 1994], П. П. Щербинина [Щербинин, 2004]. Авторы обращали внимание на деятельность литературных салонов и их влияние на становление женского движения, процесс эмансипации, эволюцию повседневности русской женщины. Тем не менее сопряжения предметных полей женской истории и истории дипломатии практически не наблюдалось, вследствие чего в обеих дисциплинах сохранялись и продолжают сохраняться лакуны, требующие применения междисциплинарного подхода. Упомянутая конвергенция двух направлений исследований актуальна и с практической точки зрения: обращение к тематике с позиций ретроспективного анализа могло бы способствовать расширению внешнеполитического инструментария государств, обновление которого происходит на фоне повышения значимости женского фактора в международных отношениях.

Одним из самых показательных примеров, посредством которых может быть осуществлено погружение в тематику «салонной дипломатии», является, как было замечено, политическая биография Д. Х. Ливен. Несмотря на то, что к отдельным ее

эпизодам обращались как отечественные, так и зарубежные авторы (к примеру, см.: [Шаховская-Глебова-Стрешнева, 1904; Temperley, 1925]), в российской традиции основной вклад в изучение феномена Д. Х. Ливен внесла Н. П. Танышина (см., напр.: [Танышина, 2007а, 2007б, 2009, 2018, 2021]). В ее трудах была досконально рассмотрена деятельность представительницы высшего света, однако упор во многом был сделан на освещение событийной стороны вопроса, в то время как с точки зрения концептуализации имеющихся у нас данных в контексте теории дипломатии и женской дипломатии, в частности, проблематика все еще представляет интерес.

Парадигмально данная работа апеллирует к постулатам как реализма, так и идеализма. С одной стороны, в условиях Венской системы международных отношений ключевой категорией выступала безопасность, на обеспечение которой во многом были направлены усилия европейских столиц в первой половине XIX в. С другой — концепт «салонной дипломатии», строящейся на неформальности и отсутствии прямой аффилиации задействованных институтов с государственными структурами, ближе парадигме идеализма. Включение негосударственных акторов в число ответственных за реализацию внешнеполитического курса де-факто не является критерием, определяющим парадигмальные установки, однако в данном случае уместно, на наш взгляд, говорить о релевантности обращения к обеим основополагающим теориям международных отношений наравне с гендерным подходом к проблематике.

Источниковой базой исследования послужили статьи, размещенные в четырех выпусках 1903 г. издания «Русская старина» и представляющие сведения о жизни и деятельности Д. Х. Ливен. Ранее представители исторической науки уже обращались к данным материалам, однако преимущественно с позитивистских и неопозитивистских позиций. С учетом отсутствия у авторов работы цели уточнить детали деятельности Д. Х. Ливен и провести нюансировку событийных аспектов апеллирование к уже поднимавшемуся в исследовательской среде источнику видится допустимым. Научная проблема, таким образом, состоит в определении места феномена Д. Х. Ливен как частного проявления «салонной дипломатии» во внешнеполитическом инструментарии России в первой половине XIX в. В качестве базовой гипотезы выдвинуто предположение, что среди методов достижения внешнеполитических целей за женской дипломатией в рамках салонной могла быть закреплена роль неформальной практики, отвечающей за выполнение прежде всего задач деликатного характера. Кроме того, данные формы дипломатии в силу своей специфики должны были быть направлены в первую очередь на расширение круга информаторов российских дипломатических агентов и конструирование позитивного образа Петербурга. Раскрывается поставленная научная проблема при помощи метода структурно-функционального анализа, использование которого позволяет рассмотреть историю дипломатии и международные процессы первой половины XIX в. с системных позиций.

Салонная и женская дипломатия как проявление «мягкой силы»

Расцвет женской дипломатии в конце XVIII — первой половине XIX в. был обусловлен целым рядом факторов, не последним из которых следовало бы считать общее повышение значимости женщины в культурном пространстве [Воронина, 2022: 104]. Социальная роль хранительницы домашнего очага постепенно эволюционировала в образ главы салона, в зависимости от направленности которого его посетители погружались в обсуждение либо литературных новинок, либо наиболее актуальных

внутри- и внешнеполитических новостей. Салон выполнял множество функций — от вторичной социализации до фрагментации общественно-политического поля, однако с точки зрения дипломатии гораздо принципиальнее то, что лица, чьи салоны обладали большой популярностью, на постоянной основе вели диалоги со множеством высокопоставленных государственных деятелей, от которых можно было получить информацию самого разного характера. Неудивительно, что со временем специалисты стали говорить о «салонной дипломатии» [Григорьев, 2010: 436], чьей отличительной чертой являлся кулуарный характер, позволявший вести переговоры в неформальной обстановке.

«Салонная дипломатия», с которой будет напрямую связана дипломатия женская, на ассоциативном уровне апеллирует в первую очередь к Венской системе международных отношений: «тетрархи-победители», определившие облик Европы на «танцующем конгрессе» [Дегоев, 2002: 119], нуждались в самых разных инструментах воздействия друг на друга, чтобы не допустить повторения международного сценария рубежа XVIII—XIX вв. Эпоха наполеоновских войн уходила в прошлое; ей на смену должен был прийти период дипломатии, способной обеспечить реализацию принципа баланса сил, вследствие чего интерес всех членов т. н. «концерта держав» к средствам и методам опосредованного влияния лишь возрастал.

На фоне того, что общественно-политический образ державы определялся не только проводимым ею курсом, но и ее культурным богатством, обсуждение в салонах литературных новинок и социальных реалий порой способствовало укреплению имиджа государства не меньше классической дипломатической работы. «Салонную дипломатию» можно воспринимать в качестве инструмента «мягкой силы» XIX в., что во многом следует из конструирования ею общественно-культурного продукта, в силу привлекательности которого объект сам становился заинтересован в его изучении, а не сталкивался с навязыванием конструкта, что выгодно отличало салонную традицию от пропаганды [Лебедева, 2017: 215]. Более того, даже классические примеры, известные как из художественной литературы (салон А. П. Шерер), так и из истории (кружок-салон М. В. Буташевича-Петрашевского, в котором с большим интересом обращались к модному тогда фурыеризму), указывают на то, что салоны воспринимались в качестве специфического ресурса, обеспечивающего его обладателю притягательность [Паршин, 2014: 16], а также уникального микромира, нормы поведения в котором определялись субъектом-основателем этого пространства.

Одну из ключевых ролей в «салонной дипломатии» играли популярные в обществе женщины (см., напр.: [Пивоварова, 2015]), вокруг которых формировались малые социальные группы и за внимание которых боролись высокопоставленные деятели. Отдельно отметим, что необходимо дифференцировать феномены женской дипломатии в рамках салонной и фаворитизма: последний зачастую указывает на слабость государственных институтов и зависимость номинально ответственного за принятие решений лица от чужой воли, в то время как женская дипломатия, субъектами которой могут использоваться те же инструменты, что и фаворитами-царедворцами, напрямую не связана с состоянием институциональной подсистемы и не является индикатором стабильности государственного образования. Возможно, именно по этой причине женская дипломатия более релевантна для мирного трека и внешнеполитического измерения: женщина как политик и переговорщик чаще ассоциируется с «голубем», нежели с «ястребом», в силу чего

сопоставимость женского образа с агрессивным политическим курсом гораздо ниже, чем с миролюбивым либо поступательным (см., напр.: [Тодуа, 2022]).

Пускай женская дипломатия и не была изобретением Венской системы (см., напр.: [Быстрова, 2022]), однако именно в первой половине XIX в. от нее могло зависеть немалое количество серьезных политических решений. К примеру, начало XIX столетия отмечено влиянием на европейскую политику семейства Саган: Вильгельмина Саган славилась своей связью с австрийским канцлером К. Меттернихом, в то время как ее сестра Доротея Саган, судя по всему, на протяжении долгого времени являлась значимым информатором великого французского дипломата Ш. М. Талейрана [Таньшина, 2015]. Не меньшей известностью пользовались и отечественные представительницы высшего света: к фигуре М. Д. Нессельроде, составившей партию главе российского внешнеполитического ведомства, на сегодняшний день обращаются как пушкиноведы, так и специалисты по второй четверти XIX в. [Таньшина, 2022], а княгиня Е. П. Багратион (Скавронская), выданная за знаменитого военачальника, держала на протяжении жизни несколько статусных салонов, стремилась оказывать влияние на К. Меттерниха, возможно, добиваясь внимания и со стороны Александра I.

Неформальное участие представительниц женского пола в политике не было новинкой: незадолго до рассматриваемого нами периода получила известность С. К. Потоцкая (София де Челиче), после наполеоновских войн приобрела популярность К. Собаньская, а в контексте истории дипломатии 1812 г. нередко вспоминают о полулегендарной Эмили Леймон. Тем не менее на фоне этих женщин, отличившихся в политической сфере, но не претендовавших на системный характер деятельности, сильно выделяется княгиня Дарья (Доротея) Ливен, благодаря которой категория женской дипломатии сегодня может быть выделена нами в качестве самостоятельной. И ранее женская дипломатическая деятельность, осуществляемая в рамках салонной, позволяла воздействовать на формирование общественного мнения (см., напр.: [Носко, 2023]), но лишь в XIX в. салоны стали позиционироваться в качестве формы властно-общественного взаимодействия [Завьялова, 2018], вследствие чего их влияние, в т. ч. и на международную политику, серьезно возросло.

Дарья Ливен: портрет на фоне эпохи

Биография Д. Х. Ливен, 240-летие со дня рождения которой отмечалось в 2025 г., по-своему уникальна. Будучи чистокровной немкой-лютеранкой (Katharina Alexandra Dorothea von Benckendorff), она являлась родной сестрой небезызвестного А. Х. Бенкендорфа, одного из лидеров охранительно-консервативного лагеря во второй четверти XIX в. и первого главы III отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии (С.Е.И.В.К.). Долгое время выступавшая в первую очередь в качестве супруги Х. А. Ливена, посла Российской империи в Пруссии, а затем и в Британской империи, она и сама обладала незаурядной харизмой, которая позволила ей выделиться из числа других обаятельных женщин эпохи.

Заслужившая прозвище «русская Сивилла» Д. Х. Ливен не раз предсказывала ход исторических событий или даже оказывала на него влияние. Достигалось это за счет того, что ее внимания жаждали король Англии Георг IV и уже упоминавшийся гранд австрийской политики К. Меттерних. Она находилась в дружеских

отношениях и постоянной переписке с ведущими английскими политиками, в число которых входили Ч. Грей и Дж. Г. Абердин, возглавлявшие британское правительство с разницей в два десятилетия. Заключительный период ее жизни был отмечен теплыми отношениями с министром иностранных дел Франции Ф. Гизо. Д. Х. Ливен стала прообразом героинь нескольких произведений О. де Бальзака: вероятно, на страницах его «Тайн княгини де Кадиньян» была изображена история именно ее жизни. Разнообразные титулы и прозвища, которых удостоилась Д. Х. Ливен от современников, вкупе с ее активной светской деятельностью позволяют назвать ее первой русской женщиной-дипломатом.

Если обратиться к этапу становления интереса Д. Х. Ливен к международной политике, можно заметить, что ее муж, «точный и исполнительный по службе, был по отзыву всех современников человек скучный, неинтересный, вполне ничтожный, он стоял во всех отношениях несравненно ниже своей жены и без сомнения обязан ей всей своей дипломатической карьерой» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903а: 188], а потому навыки, позволившие его жене преуспеть на дипломатическом поприще, вероятно, были развиты ей самостоятельно. Будучи вместе со своим супругом в Лондоне, она образовала салон, который вскоре стал «центром политической деятельности и интриги» [Там же: 190]. Добываемые благодаря ее такту и обаянию данные направлялись Марии Федоровне, императрице-матери, которой Д. Х. Ливен писала письма каждую неделю, а также К. В. Нессельроде, занимавшему пост министра иностранных дел Российской империи на протяжении большей части первой половины XIX в. В то время как европейские монархи, справившись с наполеоновской Францией и перейдя к конструированию нового международно-политического пространства на континенте, порой игнорировали положения подписанных ими же в рамках Священного Союза документов [Кудрявцева, 2014: 91], представительница России в Британской империи помнила о российских национальных интересах, вследствие чего сам К. В. Нессельроде после Веронского конгресса Священного Союза «следил по ее письмам за настроением общественного мнения в Англии и взглядами ее политических деятелей» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903а: 191]. Получаемая от княгини информация ложилась в основу разрабатываемого отечественным внешнеполитическим ведомством курса в непростых условиях балансирования между конъюнктурными альянсами и долгосрочными планами европейского концерта держав. Таким образом, кристаллизовалась одна из главных функций женской дипломатии — выяснение условий и событий в государстве пребывания, а также сообщение о них в центр.

Показательно, что очарование К. Меттерниха, внимания которого добивались уже упоминавшиеся нами ранее представительницы женской дипломатии первой половины XIX в., пленило и Д. Х. Ливен: лишь избавившись от романтических мечт, княгиня стала «беспоощадна в своих отзывах о нем» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903b: 419], хотя еще недавно жаловалась на то, что порой в ее персоне видят симпатизанта Вены, настолько часто она видится с австрийским политиком [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903а: 196]. Радикализация позиции Д. Х. Ливен была мотивирована отнюдь не только личными симпатиями: в 1820-е гг., когда, вероятно, важнейшим международно-политическим вопросом являлся греческий, николаевская Россия взяла курс на поддержку балканского народа, в то время как К. Меттерних, стремившийся направить принципы Священного Союза в выгодное для Австрии русло, стал одним из главных противников России в закулисной игре, которую разыгрывали между собой европейские столицы. В этих условиях внешняя политика Вены

стала максимально инертной в отношении практических действий российского двора [Кудрявцева, 2019: 44—45]: любой шаг России сопровождался попытками К. Меттерниха найти противовес ее влиянию на континенте, в результате чего интерес княгини к архитектору подобного курса угас. Симптоматично, что даже русско-турецкая война 1828—1829 гг. могла быть осложнена дипломатическим демаршем Австрии, склонявшей к коалиции Великобританию, Пруссию и Францию. Информация о сиюминутном союзе была получена МИД Российской империи благодаря докладу Д. Х. Ливен, предупреждавшей о готовности британского гранда А. Веллингтона поддержать линию Вены [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903b: 440—441]. Возможно, комбинация, задуманная К. Меттернихом, не реализовалась в т. ч. по причине того, что вовремя обработавшие необходимые сведения российские дипломаты успели воздействовать на Берлин и Париж, которые по итогу отказали Вене в согласовании общего подхода в отношении Петербурга. Соответственно, княгиня, не претендуя на дипломатический ранг, могла использовать собираемые ей данные для защиты интересов империи за рубежом, что роднит ее деятельность с функциями дипломатического представительства, которые были впоследствии зафиксированы в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. [Венская..., 1961].

Велико значение и личных качеств Д.Х. Ливен: в эпоху, когда от персоны дипломатического представителя полностью зависел спектр связей, посредством которых могли быть реализованы внешнеполитические замыслы государства, она смогла обеспечить целый ряд полезных знакомств на Аахенском конгрессе и после него [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903a: 194], а затем и среди британских правящих кругов. Так, недолгим смягчением курса Лондона в отношении России на рубеже 1820—1830-х гг. Петербург был обязан княгине, доказывавшей лорду Ч. Грею, которого она считала одним из самых опасных представителей британской политической элиты, необходимость учета интересов ее страны [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903b: 429]. Причину подобного успеха емко охарактеризовал Ш. М. Талейран, оставивший следующую характеристику Д. Х. Ливен: «Обладая ненасытной жаждой новостей, она весьма естественно не любила уединения, постоянного искала общества — она принимала у себя каждый вечер» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903a: 189]. Умение княгини заводить знакомства и подбирать значимых для российской внешнеполитической линии собеседников, готовых поделиться имеющимися данными, свидетельствует о причине, по которой в середине 1820-х гг. Певческий мост, как иносказательно в имперские времена обозначали МИД по месту его расположения в Петербурге, расценивал в качестве одного из ключевых дипломатических работников ее мужа, а значит, и ее саму.

Д. Х. Ливен обладала навыком оперативно приспосабливаться к быстро меняющейся международной повестке. Когда в 1820-е гг. актуализировался португальский вопрос, связанный с порядком престолонаследия среди представителей династии Браганса, княгиня стала сообщать в Россию о перспективах противостояния Педру I и Мигела IV: в условиях мигелистских войн она предупреждала о потенциальном столкновении Англии с Испанией, а в перспективе и Францией [Княгиня Д.Х. Ливен..., 1903b: 419—420], подчеркивая, что эта проблематика представляется британцам даже более значимой, нежели греческая. Восклицания княгини о том, что «мысль о Португалии преследует министров даже во сне, ... они боятся относительно ее какой-нибудь коварной проделки Меттерниха», должны были быть особо значимы для К. В. Нессельроде, чей отец в екатерининское время являлся первым послом России в Португалии [Там же: 427]. Непосредственно перед горячей фазой бельгийского

кризиса, привлечшего внимание Европы в начале 1830-х гг., Д. Х. Ливен, продолжавшая собирать данные в Лондоне, информировала Петербург о том, что война практически неизбежна и требуется она лишь для того, чтобы лорд Г. Пальмерстон, «жалкий и ограниченный человек», имел «возможность скрыть сделанные им ошибки» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903с: 699]. Наконец, именно от княгини поступила информация о том, что британцы ревностно следят за событиями русско-персидской войны 1826—1828 гг.: «...вы не можете себе представить, сколько страха она возбуждала здесь. Они (англичане) уже представляли себе, что мы дошли до Индии» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903b: 433].

Обратной стороной такой погруженности в дипломатическую практику, благодаря которой Петербург всегда получал актуальные вести из Лондона, стала невозможность Д. Х. Ливен адаптироваться к жизни за пределами политики. Несмотря на теплые отзывы об императоре Николае I, о котором она писала, что «он выказал себя действительно вторым Петром» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903а: 199], и помощь ему в вопросах приема иностранных визитеров особой важности, к числу которых можно отнести лорда Дургама, зятя Ч. Грея, от воли которого в начале 1830-х гг. во многом зависел политический курс Лондона [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903с: 697—698], со временем отношения княгини с российскими властями начали ухудшаться. Вернувшись в 1830-е гг. в Петербург, Д. Х. Ливен откровенно тяготилась жизнью, в которой не было места женской дипломатии: «Колебания термометра — вот все наши события! Выше он или ниже нуля? Вот ежедневно великий для нас вопрос» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903d: 423]. Пережив утрату двух сыновей и страдая от проблем со здоровьем, она покинула Россию и, столкнувшись с немилостью со стороны Николая I, просила о покровительстве своего старшего брата. Даже оставшись в одиночестве в Париже, где и развернулись ее отношения с Ф. Гизо, она, понимая, что Петербург подготавливает ее в содержании политического салона, в котором, по ее же словам, реальной политики уже не было, стремилась сохранить привычный ритм жизни: «...ее салон был открыт ежедневно еще более, чем в Лондоне; у нее бывали французские и иностранные знаменитости, и все они превозносили ум, аристократические манеры и увлекательную беседу хозяйки дома» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903d: 433].

Несмотря на потерю влияния, Д. Х. Ливен, не раз жаловавшаяся на то, что ее могут воспринимать в качестве предательницы национальных интересов, тем не менее всегда доказывала обратное. Еще в 1827 г., получая известия о том, как российская общественность ликует в связи с болезнью Дж. Каннинга, она предупредила А.Х. Бенкендорфа о том, что именно этот британский министр — «противник австрийской политики и враждебен Турции» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903b: 420], вследствие чего его смерть принесет России лишь проблемы. Лорду Ч. Грею, ставшему в начале 1830-х гг. премьер-министром, Д.Х. Ливен прямо высказала все, что она думает на тему британского отношения к польскому восстанию в России и закулисной поддержке выступления со стороны Лондона, после чего премьер был вынужден признать, что ни от какого другого представителя иностранной державы он бы никогда не потерпел подобного [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903с: 691—695]. В конце концов, даже прославленный герцог А. Веллингтон, о котором собеседники Д. Х. Ливен шутили, что Ватерлоо, принесшее полководцу мировую славу, и британский парламент — несопоставимые поля сражений, настороженно относился к княгине за то, что она «предпочла министра, дружески расположенного к грекам, министру, сочувствовавшего туркам» [Княгиня Д. Х. Ливен..., 1903b: 427]. В то же время и этот фельдмаршал «считал долгом появляться в ее салоне и даже иногда подолгу беседовал с нею наедине» [Там же: 435]. Действия Д. Х. Ливен отчасти

можно квалифицировать как «ведение переговоров с правительством государства пребывания» [Венская..., 1961], что подтверждает тезис о потенциале женской дипломатии и возможности использования данного инструмента в интересах «аккредитуемого государства».

Заключение

Еще до того, как в России у женщин появилась возможность становиться кадровыми дипломатами, представительницы женского пола выступали на страже национальных интересов, осуществляя дипломатическую деятельность в рамках тех парадигм, что на тот момент считались приемлемыми. В условиях повышенной значимости личностного фактора женская дипломатия, зачастую тесно связанная с салонной, позволяла расширить круг информаторов, сотрудничавших с российскими дипломатическими агентами. Используя женскую и салонную дипломатию в качестве формы «мягкой силы», государство не только конструировало необходимый общественно-культурный образ, привлекая внимание иностранной общественности, но и формировало сеть лиц, посредством диалога с которыми осуществлялась детализация наиболее актуальных международно-политических процессов.

Навыки сбора и актуализации информации Д. Х. Ливен вкупе с ее возможностью влиять на общественно-политические реалии в Европе не только пересекаются с зафиксированными в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. функциями дипломатического представительства, но и служат примером раскрытия потенциала женской дипломатии в рамках салонной в условиях Венской системы международных отношений. С точки зрения системного подхода стоит обозначить, что данная форма дипломатии являлась лишь одним из множества способов реализации внешнеполитических стратегий, дополняя, будучи неформальной практикой, официальные методы ведения межгосударственного диалога. Однако, не стремясь преувеличить значение рассмотренного феномена, признаем, что факт принятия МИД Российской империи решений на основе в т. ч. получаемых от Д. Х. Ливен сведений свидетельствует о разнообразии внешнеполитического инструментария держав в первой половине XIX в. и расширяет представления о методах обеспечения безопасности государствами-членами «европейского концерта».

Список источников

- Айвазова С. Г. Идеиные истоки женского движения в России // *Общественные науки и современность*. 1991. № 4. С. 125—133.
- Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801—1914). М.: Европа, 2006. 672 с. (Империи).
- Аронсон М. И., Рейсер С. А. Литературные кружки и салоны. М.: Аграф, 2001. 398 с. (Литературная мастерская).
- Безотосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия или геополитика. М.: Вече, 2012. 272 с.
- Быстрова В. С. Женская дипломатия во Франции XVI в.: пример Луизы Савойской // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, философия*. 2022. Т. 28, № 1. С. 24—34.
- Василенко С. А. Внешняя политика Александра I и Николая I: преемственность и различия (1814—1855) // *Общество: философия, история, культура*. 2019. № 11 (67). С. 81—85.
- Венская конвенция о дипломатических сношениях: принята 18 апреля 1961 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения: 05.11.2025).

- Воронина О. А. Роль женщин в русской культуре: позиции мыслителей XIX в. // *Женщина в российском обществе*. 2022. № 4. С. 102—118.
- Гапич С. В. Эмансипация в России на примере литературных салонов первой четверти XIX века // *Гендерная история. Pro et contra.: межвузовский сборник научных материалов и программ*. СПб.: Нестор, 2000. С. 117—120.
- Григорьев Б. Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М.: Молодая гвардия, 2010. 521 с. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
- Дегоев В. В. Александр I и проблема европейского согласия после Венского конгресса // *Вопросы истории*. 2002. № 2. С. 119—132.
- Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700—1918: учебное пособие. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 496 с.
- Дипломатия новых сфер: учебное пособие для вузов / под ред. О. В. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2024. 240 с.
- Завьялова О. О. Салоны и кружки в России в середине XIX в. как форма взаимодействия власти и общественности // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Т. 10, № 6—1. С. 19—28.
- Киняпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX века. М.: Высшая школа, 1963. 288 с.
- Тимощук В. В. Княгиня Д. Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // *Русская старина*. 1903. Т. 113, № 1. С. 193—200.
- Тимощук В. В. Княгиня Д. Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // *Русская старина*. 1903. Т. 114, № 6. С. 417—442.
- Тимощук В. В. Княгиня Д. Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // *Русская старина*. 1903. Т. 115, № 9. С. 691—705.
- Тимощук В. В. Княгиня Д. Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // *Русская старина*. 1903. Т. 116, № 12. С. 419—436.
- Колосова И. В. Особенности системной истории международных отношений и мировой политики // *Проблемы постсоветского пространства*. 2024. Т. 11, № 2. С. 168—180.
- Кудрявцева Е. П. Венская система международных отношений и ее крушение (1815—1854 годы) // *Вестник МГИМО-университета*. 2014. № 4. С. 88—106.
- Кудрявцева Е. П. Два канцлера: Меттерних и Нессельроде // *Вестник МГИМО-университета*. 2019. № 1 (64). С. 45—58.
- Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // *Вестник МГИМО-университета*. 2017. № 3 (54). С. 212—223.
- Лошкарев И. Д. Международно-политическая мысль: от истоков к современности: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект пресс, 2021. 288 с.
- Мицюк Н. А., Шульга М. М. Руфь Брайан Оуэн: политическая карьера первой женщины-дипломата в США // *Женщина в российском обществе*. 2022. № 4. С. 161—175.
- Носко К. Г. Роль салона мадам Дубле в формировании общественного мнения Франции в XVIII веке // *Журнал исторических, политологических и международных исследований*. 2023. № 1 (84). С. 54—58.
- Паришин П. Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // *Вестник МГИМО-университета*. 2014. № 2 (35). С. 14—21.
- Пивоварова Ю. И. Роль женщины в литературном салоне (на материале русской культуры начала XIX века) // *Ярославский педагогический вестник*. 2015. Т. 1, № 2. С. 127—130.
- Романова Е. В. Трактовки «европейского концерта» в британской и американской историографии // *Вестник МГИМО-университета*. 2016. № 1 (46). С. 7—17.
- Смольянинова Т. Е. Женщина и русский светский салон // *Российские женщины и европейская культура: тез. докл. II науч. конф.* СПб.: Б. и. 1994. С. 46—48.
- Таньшина Н. П. Герцогиня Доротея Дино — alter ego князя Талейрана // *Новая и новейшая история*. 2015. № 6. С. 177—196.
- Таньшина Н. П. Дарья Христофоровна Ливен // *Вопросы истории*. 2007. № 11. С. 35—51.

- Таньшина Н. П. Доротея, сестра Бенкендорфа она же Дарья Ливен, княгиня от дипломатии // Родина. 2007. № 10. С. 51—57.
- Таньшина Н. П. Княгиня Д. Х. Ливен и император Николай I // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 130—149.
- Таньшина Н. П. Княгиня Ливен. Нетитулованная королева европейской дипломатии. СПб.: Евразия, 2021. 384 с.
- Таньшина Н. П. Мария Дмитриевна Нессельроде: жена канцлера Российской империи // Новая и новейшая история. 2022. № 2. С. 180—189.
- Таньшина Н. П. При дворе трех императоров: княгиня Д.Х. Ливен // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 102—118.
- Тарле Е. В. Европа от Венского конгресса до Версальского мира. 1814—1919: 2-е изд. Л.: Прибой, 1927. 200 с.
- Тодуа Н. Мирная политика, дипломатия и женщины // Власть и общество (история, теория, практика). 2022. № 4 (64). С. 128—138.
- Шаховская-Глебова-Стрешнева Е. Ф. Княгиня Ливен. М.: Унив. тип., 1904. 16 с.
- Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. Тамбов: Юлис, 2004. 508 с.
- Temperley H. The unpublished diary and political sketches of princess Lieven together with some of her letters. London: Cape, 1925. 283 p.

References

- Aivazova, S. G. (1991) Ideiny'e istoki zhenskogo dvizheniia v Rossii [The ideological origins of the women's movement in Russia], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 125—133.
- Airapetov, O. R. (2006) Vneshniaia politika Rossiiskoi imperii (1801—1914) [The foreign policy of the Russian Empire (1801—1914)], Moscow: Izdatel'stvo «Evropa», 521 p. (Imperii).
- Aronson, M. I., Reiser, S. A. (2001) Literaturnye kruzhki i salony [Literary circles and salons], Moscow: Agraf, 398 p. (Literaturnaia masterskaia).
- Bezotosny, V. M. (2012) Rossiia i Evropa v epokhu 1812 goda. Strategii ili geopolitika [Russia and Europe in the era of 1812. Strategy or geopolitics], Moscow: Veche, 272 p.
- Bystrova, V. S. (2022) Zhenskaia diplomatiia vo Francii XVI v.: primer Luizy Savoiskoi [Women's diplomacy in France in the XVI century: the example of Louise of Savoy], *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filosofii*, vol. 28, no. 1, pp. 24—34.
- Degoev, V. V. (2002) Aleksandr I i problema evropeiskogo soglasiia posle Venskogo kongressa [Alexander I and the problem of European accord after the Vienna Congress], *Voprosy istorii*, no. 2, pp. 119—132.
- Degoev, V. V. (2004) Vneshniaia politika Rossii i mezhdunarodnye sistemy: 1700—1918: Uchebnoe posobie [Russian Foreign Policy and international systems: 1700—1918: Textbook.], Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii (Universitet); «Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia» (ROSSPEN), 496 p.
- Gapich, S. V. (2000) Ėmansipaciia v Rossii na primere literaturnykh salonov pervoi chetverti XIX veka [Emancipation in Russia on the example of literary salons of the first quarter of the XIX century], *Gendernaia istoriia. Pro et contra: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh materialov i programm*, Saint Petersburg: Nestor, pp. 117—120.
- Grigoriev, B. N. (2010) Povsednevnaia zhizn' tsarskikh diplomatov v XIX veke [The daily life of tsarist diplomats in the XIX century], Moscow: Molodaia gvardia, 521 p. (Zhivaia istoriia: Povsednevnaia zhizn' chelovechestva).
- Kinyapina, N. S. (1963) Vneshniaia politika Rossii pervoi poloviny XIX veka [The foreign policy of Russia in the first half of the XIX century], Moscow: Vysshaia shkola, 288 p.
- Kolosova, I. V. (2024) Osobennosti sistemnoi istorii mezhdunarodnykh otnoshenii i mirovoi politiki [Features of the systemic history of international relations and world politics], *Problemy postsovetского prostranstva*, vol. 11, no. 2, pp. 168—180.

- Kudryavtseva, E. P. (2014) Venskaia sistema mezhdunarodnykh otnoshenii i ee krushenie (1815—1854 gody) [The Vienna system of international relations and its collapse (1815—1854)], *Vestnik MGIMO-universiteta*, no. 4, pp. 88—106.
- Kudryavtseva, E. P. (2019) Dva kantslera: Metternix i Nessel'rode [Two chancellors: Metternich and Nesselrode], *Vestnik MGIMO-universiteta*, no. 1 (64), pp. 45—58.
- Lebedeva, M. M. (2017) «Miagkaia sila»: poniatie i podkhody [«Softpower»: the concept and approaches], *Vestnik MGIMO-universiteta*, no. 3 (54), pp. 212—223.
- Lebedeva, O. V. (Ed.) (2024) *Diplomatiia novykh sfer: Uchebnoe posobie dlia vuzov* [Diplomacy of new spheres: a textbook for high schools], Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 240 p.
- Loshkarev, I. D. (2021) *Mezhdunarodno-politicheskaia mysl': Ot istokov k sovremennosti: Ucheb. posobie dlia studentov vuzov* [International political thought: From the origins to the present: Textbook for university students], Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt press», 288 p.
- Mitsyuk, N. A., Shulga, M. M. (2022) Ruf' Braïan Ouën: politicheskaia kar'era pervoi zhenshhiny-diplomata v SSHA [Ruth Brian Owen: the political career of the first female diplomat in the United States], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 161—175.
- Nosko, K. G. (2023) Rol' salona madam Duble v formirovanii obshchestvennogo mneniia Frantsii v XVIII veke [The role of Madame Doublet's salon in shaping public opinion in France in the XVIII century], *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniï*, no. 1 (84), pp. 54—58.
- Parshin, P. B. (2014) Dva ponimaniia «myagkoi sily: predposylki, korreliaty i sledstviia [Two understandings of «softpower»: prerequisites, correlates and consequences], *Vestnik MGIMO-universiteta*, no. 2 (35), pp. 14—21.
- Pivovarova, Yu. I. (2015) Rol' zhenshchiny v literaturnom salone (na materiale rusскоi kul'tury nachala XIX veka) [The role of a woman in a literary salon (based on the material of Russian culture at the beginning of the XIX century)], *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, vol. 1, no. 2, pp. 127—130.
- Romanova, E. V. (2016) Traktovki «evropeiskogo kontserta» v britanskoï i amerikanskoï istoriografii [Interpretations of the "European concert" in British and American historiography], *Vestnik MGIMO-universiteta*, no. 1 (46), pp. 7—17.
- Shcherbinin, P. P. (2004) *Voennyi faktor v povsednevnoi zhizni rusскоi zhenshchiny v XVIII — nachale XX v.* [War Factor in Russian Woman Everyday Life, the 18th — early 20th cn.], Tambov: Yulla, 508 p.
- Shakhovskaya-Glebova-Streshneva, E. F. (1904) *Kniaginia Liven* [Princess Lieven], Moscow: Univ. tip., 16 p.
- Smolyaninova, T. E. (1994) Zhenshchina i russskii svetskii salon [Woman and the Russian secular salon], *Rossiiskie zhenshhiny i evropeiskaia kul'tura: Tez. dokl. II nauch. konf.*, Saint Petersburg: B. i., pp. 46—48.
- Tanyshina, N. P. (2007) Darya Khristoforovna Liven [Daria Khristoforovna Lieven], *Voprosy istorii*, no. 11, pp. 35—51.
- Tanyshina, N. P. (2007) Doroteia, sestra Benkendorfa ona zhe Dar'ia Liven, kniaginia ot diplomatii [Dorothea, Benkendorf's sister, or Daria Lieven, Princess of diplomacy], *Rodina*, no. 10, pp. 51—57.
- Tanyshina, N. P. (2009) Kniaginia D. Kh. Liven i imperator Nikolai I [Princess D. K. Lieven and Emperor Nicholas I], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 4, pp. 130—149.
- Tanyshina, N. P. (2015) Gerczoginia Doroteia Dino — alter ego kniazia Taleirana [Duchess Dorothea Dino — alter ego of Prince Talleyrand], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 6, pp. 177—196.
- Tanyshina, N. P. (2018) Pri dvore trekh imperatorov: kniaginia D. Kh. Liven [At the court of three emperors: Princess D. Kh. Lieven], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 3, pp. 102—118.
- Tanyshina, N. P. (2021) *Kniaginia Liven. Netitulovannaia koroleva evropeiskoi diplomatii* [Princess Lieven. The untitled queen of European diplomacy], Saint Petersburg: Evraziia, 384 p.
- Tanyshina, N. P. (2022) Mariia Dmitrievna Nessel'rode: zhena kantslera Rossiiskoi imperii [Maria Dmitrievna Nesselrode: the wife of the Chancellor of the Russian Empire], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 2, pp. 180—189.

- Tarle, E. V. (1927) Evropa ot Venskogo kongressa do Versal'skogo mira. 1814—1919. Izd. 2 [Europe from the Congress of Vienna to the Palace of Versailles. 1814—1919. Ed. 2], Leningrad: Priboi, 200 p.
- Temperley, H. (1925) The unpublished diary and political sketches of princess Lieven together with some of her letters, London: Cape, 283 p.
- Timoshchuk, V. V. (1903) Kniaginia D. Kh. Liven i ee perepiska s raznymi litsami [Princess D. K. Lieven and her correspondence with various persons], *Russkaia starina*, vol. 113, no. 1, pp. 193—200.
- Timoshchuk, V. V. (1903) Kniaginia D. Kh. Liven i ee perepiska s raznymi litsami [Princess D. K. Lieven and her correspondence with various persons], *Russkaia starina*, vol. 114, no. 6, pp. 417—442.
- Timoshchuk, V. V. (1903) Kniaginia D. Kh. Liven i ee perepiska s razny`mi litsami [Princess D.K. Lieven and her correspondence with various persons], *Russkaia starina*, vol. 115, no. 9, pp. 691—705.
- Timoshchuk V. V. (1903) Kniaginia D. Kh. Liven i ee perepiska s raznymi litsami [Princess D. K. Lieven and her correspondence with various persons], *Russkaia starina*, vol. 116, no. 12, pp. 419—436.
- Todua, N. (2022) Mirnaia politika, diplomatiia i zhenshchiny [Peaceful politics, diplomacy and women], *Vlast' i obshchestvo (istoriia, teoriia, praktika)*, no. 4 (64), pp. 128—138.
- Vasilenko, S. A. (2019) Vneshniaia politika Aleksandra I i Nikolaia I: preemstvennost' i razlichii (1814—1855) [The foreign policy of Alexander I and Nicholas I: continuity and differences (1814—1855)], *Obshchestvo: filosofii, istoriia, kul'tura*, no. 11 (67), pp. 81—85.
- Vienna Convention on Diplomatic Relations: adopted on April 18, 1961* [Venskaya konventsiiia o diplomatiicheskikh snosheniiakh: priniata 18 apreliia 1961 g.], *UN*, available from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (accessed 05.11.2025).
- Voronina, O. A. (2022) Rol' zhenshchin v russkoĭ kul'ture: pozitsii myslitelei XIX v. [The role of women in Russian culture: the positions of thinkers of the XIX century], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 102—118.
- Zavyalova, O. O. (2018) Salony i kruzhki v Rossii v seredine XIX v. kak forma vzaimodeĭstviia vlasti i obshchestvennosti [Salons and clubs in Russia in the middle of the XIX century as a form of interaction between the government and the public], *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'*, vol. 10, no. 6—1, pp. 19—28.

Статья поступила в редакцию 09.07.2026; одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 10.08.2026.

The article was submitted 09.07.2026; approved after reviewing 20.07.2026; accepted for publication 10.08.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Стамова Ирина Ивановна — старший преподаватель кафедры английского языка № 6, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), г. Москва, Россия, stamirina@mail.ru (Senior Lecturer at the English Language Department № 6, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russian Federation).

Эйриян Варган Арсенович — преподаватель кафедры международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), г. Москва, Россия, vargan_admg@mail.ru (Lecturer at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 108—119.

Woman in Russian Society. 2026. No. 3. P. 108—119.

Научная статья

УДК 314.146(470.315)

EDN: <https://elibrary.ru/jqcqmq>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.3.8

МОБИЛЬНОСТЬ ТАТАРСКОЙ ЖЕНЩИНЫ И СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВВ.

Лилия Рамилевна Габдрафикова

Институт истории имени Шигабутдина Марджани,

Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия, bahetem@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется географическая мобильность образованных татарских женщин и их влияние на социальную модернизацию страны. Традиционно широкая география брачных связей представителей татарской мусульманской элиты, обусловленная их родовыми и корпоративными интересами, усилила женскую мобильность к рубежу XIX—XX вв. Женщины соединяли татарские уголки Волго-Уральского региона и Центральной России, Сибири, Крыма и т. д. Несмотря на то что женские передвижения были ограничены мужским контролем, после 1905 г. растет число работающих незамужних женщин. Эмансипированное поведение приветствовалось некоторыми татарскими газетами, такие публикации в прессе служили ориентиром для молодых девушек. В статье приводится резонансный случай поэтессы З. Бурнашевой. Автор приходит к выводу о том, что татарские женщины становились агентами новых идей и стратегий. В одних случаях в этом им помогали капиталы отцов, в других — их повседневное поведение и публичная активность.

Ключевые слова: мобильность, татарские женщины, модернизация, начало XX века, Российская империя, история татар, социальная история

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Академии наук Республики Татарстан 2024 г. на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан.

Для цитирования: Габдрафикова Л. Р. Мобильность татарской женщины и социальная модернизация России на рубеже XIX—XX вв. // Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 108—119.

Original article

THE MOBILITY OF TATAR WOMEN AND RUSSIA'S SOCIAL
MODERNIZATION AT THE TURN
OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES*Liliya R. Gabdrāfikova*Marjani Institute of History, Academy of Sciences Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation, bahetem@mail.ru

Abstract. This article presents a study of the geographic mobility of Tatar women from the educated classes and their influence on Russia's social modernization. The study is based on the biographies of Fatykha Aitova, Zukhra Akchurina, Mukhlisa Bubi, Abruy Sayfi, Khadija Yamasheva, Fatima-Farida Nauruzova, Sarya Shakulova, Sahipdzhamal Gizatullina-Volzhskaya, and other Tatar women. The Tatar Muslim elite (merchants and clergy) engaged in a wide range of marital alliances, as they were guided by their own traditions as well as family and corporate interests. This influenced women's mobility, which increased at the turn of the 19th and 20th centuries. Tatar women connected the Tatar communities of the Volga-Ural region with Central Russia, Siberia, Crimea, and other regions. Of course, women's travel was limited by male influence, as dictated by the Russian passport system. However, following the 1905—1907 revolution, the number of working, unmarried women increased. Some Tatar newspapers supported the emancipated behavior of Tatar women, and their publications served as a guide for young women. The article recounts an episode involving the scandalous case of the poet Zahida Burnasheva. In 1915, she ran away from her parents and became an activist in the Tatar women's movement. The author concludes that Tatar women became champions of new ideas and strategies. Some of them had capital inherited from their fathers and the support of their families, which enabled them to launch various social projects (opening schools, shelters, charitable organizations, newspapers, etc.). The everyday behavior and social activities of Tatar women also served as an example for society.

Key words: mobility, Tatar women, modernization, early 20th century, Russian Empire, Tatar history, social history

Acknowledgments: This work was supported by a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (2024) for fundamental and applied scientific research in scientific and educational institutions, enterprises, and organizations in the real sector of the economy of the Republic of Tatarstan.

For citation: Gabdrāfikova, L. R. (2026) Mobil'nost' tatarskoï zhenshchiny i sotsial'naia modernizatsiia Rossii na rubezhe 19—20 vv. [The Mobility of Tatar Women and Russia's Social Modernization at the Turn of the 19th and 20th Centuries], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 108—119.

Введение

Развитие современного общества и научных знаний способствует тому, что женщина как субъект истории привлекает все больше внимания ученых [Энгель, 2023]. Учёт этнического разнообразия и исторического опыта народов России позволяют представить более рельефную картину прошлого. В истории татар особый интерес вызывает рубеж XIX—XX вв., когда на фоне мусульманских (джадидских) реформ в системе образования развивалось и женское просвещение, а социально-экономические перемены в Российской империи способствовали эмансипации

татарских женщин. В этом процессе важное место занимает мобильность. Именно через это понятие можно увидеть как масштабы женской активности (в том числе широкий географический охват), так и степень влияния самих татарских женщин на изменения в стране.

Самой первой работой, по которой можно проследить женскую мобильность XIX — начала XX в. является «Асар» — труд татарского просветителя Р. Фахреддина о мусульманских деятелях Оренбургского магометанского округа, где нередко упоминались их супруги или дочери. Продолжением этой идеи можно считать труд журналиста первой половины XX века И. Рами, в котором он собрал биографии ярких персон татарской культуры второй половины XIX — начала XX в., в их числе писательниц и общественных деятельниц¹. Его современница Захида Бурнашева (1895—1977) сделала попытку осмысления проблемы татарского женского движения начала XX в. [Бурнашева, 1971]. При этом в советские годы схожие проблемы рассматривались либо в общественно-политическом русле с привязкой к определенной территории (вклад женщин в борьбу за Советы), либо в контексте истории конфессионального образования. В татарстанской историографии можно подчеркнуть работы А. Х. Махмудовой и Т. А. Биктимировой, начавших научный путь в советские годы, а в постсоветское время внесших вклад в изучение биографий татарских деятельниц начала XX в. [Биктимирова, 2011], в том числе издавая отдельные сборники материалов². Результатом актуализации исламоведения в 1990-е гг. стала работа С. Фаизова, посвященная Всероссийскому мусульманскому женскому съезду, прошедшему в Казани в апреле 1917 г. [Фаизов, 2005]. Данное событие и сейчас находится в фокусе внимания как отечественных [Хабутдинов и др., 2023], так и зарубежных исследователей. Например, татарское женское движение интересно турецким историкам, и они делают упор на женском литературном сообществе [Adiloğlu, 2020]. В целом «женские голоса» являются одним из перспективных направлений исследований и сконцентрированы, главным образом, на изучении татарской прессы начала XX века [Брилева, 2018]. Недавно исследовательницами Л. Р. Муртазиной и А. А. Зиннатуллиной был подготовлен отдельный сборник материалов по этой теме³. «Женский вопрос» присутствует в работах по социальной истории, в исследованиях о повседневности [Габдрафикова, 2015; Человек в революции, 2017: 245—270; Габдрафикова, 2019]. Однако имеющийся материал нуждается в комплексном анализе.

Цель нашего исследования — изучение влияния географической мобильности образованных татарских женщин рубежа XIX—XX вв. на социальное пространство. Конечно, тезис о прогрессивном характере женского движения не является чем-то новым и раскрыт в разных исследованиях на общероссийском материале [Хасбулатова, 2017]. Но нас интересуют неформальные коммуникации. Например, Д. Росс изучила взаимодействие между татарами из разных регионов Российской империи и представила модель татарской сети. К сожалению, его женской составляющей не уделено никакого внимания [Ross, 2020].

¹ Әдәби сүзлек (элеке чор татар әдәбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәлек) / төз.-авт. Рәми И. Г., Даутов Р. Н. Казань: Татарстан китап нәшрияты, 2001. 399 б.

² Милләт аналары: тарихи-документаль һәм биографик жьентык / төз.-авт. А. Х. Мәхмүтова. Казан: Жыен, 2012. С. 210—211.

³ XX гасыр башы татар вакытлы матбугатында хатын-кыз мәгарифе мәсьәләләре (документлар жьентыгы) / төз.-авт. Муртазина Л.Р., Зиннатуллина А.Ә. Казан: ТР ФА Ш.Мәржани ис. Тарих институты, 2020. 380 б.

Между тем, опираясь на концепцию агентности, татарок Российской империи можно изучать и в качестве субъекта публичной деятельности, и как образец для общества [Ребрей, 2022]. Нам не хотелось ограничивать женское сообщество лишь рамками общественно-политического движения или литературного творчества. Поэтому были выбраны татарки, занятые в социокультурной сфере и отличавшиеся географической мобильностью. Они объединяли разные уголки страны и выступали своеобразными агентами модернизации. При этом условия и мотивы их мобильности были разными, так же как и результаты их труда.

География мобильности татарской женщины

Татары в Российской империи были расселены дисперсно. Наиболее компактные районы их проживания находились в Волго-Уральском регионе, отдельные островки — в Центральной России и Сибири. На карте России имелись разные точки притяжения, где были сконцентрированы татарские общины со своей социокультурной инфраструктурой.

Казань являлась культурным центром татарского мира. Особенно усилилась эта роль к началу XX в., когда экономический потенциал татарского предпринимательства стал базой для развития городской культуры модернистского типа. Так, именно в этом городе прошел Всероссийский мусульманский женский съезд в апреле 1917 года. Но маршруты женских передвижений включали и столичные города (особенно при получении высшего образования), и другие населенные пункты.

Например, уроженки Симбирской губернии, представительницы рода Акчуриных — Зухра и Марьям — в конце XIX в. оказались в Бахчисарае и Уфе. Три уроженки г. Чистополя и одноименного уезда Казанской губернии — Хадича Бадамшина (Ямашева), Фатима-Фарида Вагапова (Наурузова) и Накия Гильманова (Абруй Сайфи) — успели поработать в Оренбурге, Томске, Уфе, Астрахани, Тамбовской губернии и Казани. Уроженки г. Касимова Рязанской губернии Биби-Разия Кутлюярова (Сулейманова) и Сара Шакулова учились в Москве и Париже, а работали в Оренбурге, Казани, Уфе и др. городах. Показательно и то, что после февраля 1917 г. одна из татарских женщин — Абруй Сайфи — была избрана гласной городских дум сразу в двух городах — Уфе и Казани [Человек в революции, 2017: 261—262]. Раннесоветские годы еще более расширили географию женской мобильности: татарские женщины были мобилизованы для социокультурной работы в молодых республиках Средней Азии и Закавказья, а также в Крыму. Они участвовали в организации советских школ и больниц, культурных и научных учреждений.

Женская активность под мужским контролем

На рубеже XIX—XX вв. большинство татарских женщин жило в координатах мусульманской культуры, где их деятельность не выходила за рамки частной сферы, появление в публичном пространстве было редкостью. Способствовали этому и юридические нормы: передвижения женщин затруднялись из-за особенностей паспортной системы. Вид на жительство давался с разрешения родственников или опекунов мужского пола. Например, в 1886 г. оренбургский муфтий М. Султанов обратился в Министерство внутренних дел с просьбой строже проверять документы мусульманок и считать их действительными лишь в том случае, «если они выданы мужьями, отцами или опекунами». Так он пытался «принять меры к сокращению

числа магометанок, занятых проституцией» [Габдрафикова, 2015: 278]. Рост этого легального промысла компрометировал всех женщин — муж мог обвинить сбежавшую жену, даже если она трудилась в другой сфере [там же: 309].

Были и другие юридические сложности. Очень иллюстративен пример Мухлисы Нигмутуллиной-Буби (1869—1937). Уроженку с. Иж-Буби Сарапульского уезда Вятской губернии, дочь муллы, выдали замуж за такого же религиозного служителя из д. Мастеево Мензелинского уезда Уфимской губернии в 1887 г. Но в 1895 г. она сбежала от мужа с двумя дочками, сговорившись с братьями. Официальный развод с супругом был оформлен лишь в 1917 г., когда Мухлису Буби избрали мусульманской судьей ОМДС (Оренбургское магометанское духовное собрание). Для этого понадобилась специальная фетва⁴.

В конце XIX в. передвижения образованных татарок чаще всего были связаны с замужеством и делами супруга. В это время можно говорить не только о географической, но и о социальной мобильности. Женщины меняли не просто место жительства и семейное положение, а начали оказывать социокультурное влияние. Один из ярких примеров — переезд из Симбирской губернии в Бахчисарай купеческой дочери Зухры Акчуриной (1862—1903), супруги крымскотатарского дворянина И. Гаспринского. Их общим делом стала газета «Тарджеман», которая распространялась по всей Российской империи⁵. В 1887 г. уроженка города Троицка Оренбургской губернии, купеческая дочь Фатиха Яушева (1866—1942) вышла замуж за казанского купца С. Аитова. Семья Яушевых много внимания уделяла социокультурным вопросам в родном городе. Эти традиции продолжила в Казани и Фатиха Аитова — в 1897 г. открыла женскую школу, а в 1916 г. учебное заведение получило статус частной гимназии⁶.

Похожая история жизни у первой женщины-врача из татар Б.-Р. Кутлюяровой-Сулеймановой (1866—1923), которая сначала трудилась в сфере земской медицины в родном Касимовском уезде Рязанской губернии, а потом связала жизнь с Оренбургом, где проявила себя и как яркая общественная деятельница. Она была в числе организаторов Оренбургского мусульманского дамского общества⁷.

Учредительницей Уфимского мусульманского дамского общества в 1908 г. стала Марьям Акчурина-Султанова (1859—1928). Дочь симбирского промышленника и благотворителя оказалась в Уфе в результате замужества, она была невесткой муфтия М. Султанова. Капитал отца и авторитет свёкра помогли осуществить разные социальные идеи. Например, еще в конце XIX в. она открыла школу-приют для мусульманок⁸.

Широкая география брачных связей была характерна именно для женщин определенных социальных корпораций (купечества, религиозных служителей), что объяснялось их родовыми и корпоративными интересами.

⁴ Милләт аналары: тарихи-документаль һәм биографик җыентык. С. 210—211.

⁵ Там же. С. 81—83.

⁶ Там же. С. 362—368.

⁷ Әдәби сүзлек (элекке чор татар әдәбияты һәм мәдәнияте бунча кыскача белешмәлек). С. 145.

⁸ XX гасыр башы татар вакытлы матбугатында хатын-кыз мәгарифе мәсьәләләре (документлар җыентыгы). С. 99.

В начале XX в. росла мобильность других категорий татарского населения. Например, к этому времени была налажена система подготовки учителей (мугаллимов) для русско-татарских школ, выпускники которых могли получить назначения по всей России. Выпускник Казанской татарской учительской школы Х. Ямашев в 1902 г. женился на Х. Бадамшиной (1883—1950), дочери чистопольского купца. В 1905 г. супруги переехали из Казани в Уфу, потом были Оренбург и снова Казань. В Оренбурге Хадича Ямашева была редактором татарской газеты «Урал», а в Уфе участвовала в первых татарских театральных постановках. Как указание татарки редактором, так и её выход на сцену были серьезным вызовом обществу. После внезапной смерти супруга в 1912 г. Х. Ямашева не оставила публичную активность: получила образование в сфере медицины, участвовала в политических собраниях. Вероятно, оказал влияние и второй брак с юристом В. Таначевым. В 1917 г. она была в числе организаторов первого мусульманского женского съезда в Казани, также её избрали гласной Казанской городской думы [Человек в революции, 2017: 262].

Другая уроженка Чистополя Ф.-Ф. Вагапова (1889—1914), дочь торговца, вышла замуж за учителя В. Наурузова и в 1908 г. уехала вместе с ним в Томск, потом супруги переехали в Уфу. В обоих городах они издавали татарские газеты («Сибирия», «Тормыш»), где много внимания уделялось «женскому вопросу». Ф.-Ф. Вагапова-Наурузова была автором этих изданий, а современники считали её видной татарской журналисткой [Биктимирова, 2011: 33].

Новая женская мобильность: за знаниями и профессией

Внимание к «женскому вопросу» на страницах татарской прессы, открытие женских школ способствовали росту мобильности татарок. Можно выделить две профессии, взятые ими на вооружение в начале XX в., — это мугаллима (учительница) и актриса. В советское время представительницы этих профессий стали основой татарской интеллигенции и «культурного строительства».

Татарские театральные труппы начали активно развиваться после 1905 г., они стали источником дохода и для небольшой группы женщин. Наиболее успешной была труппа «Сайяр», организованная в Казани. С 1907 г. она гастролировала по всей стране, постепенно в её составе появились женщины. В отличие от участниц первых публичных татарских спектаклей (как, например, Х. Ямашева), это были женщины из мещанско-крестьянской среды. Если для первых разовое участие в татарских постановках было связано с идейно-корпоративными соображениями, то вторые постоянно служили театральному делу в составе трупп.

Одной из таких женщин была уроженка Казани, к тому времени сирота, Сахипжамал Гиззатуллина (1885—1974), взявшая псевдоним Волжская. В 1912 г., через несколько лет гастрольной жизни, актриса ушла из казанской труппы «Сайяр» и организовала труппу «Нур». Труппа выступала в разных городах, но накануне 1917 г. базировалась в Уфе⁹. Что касается «Сайяр», то в этот период там работало несколько семейных пар (Болгарские, Байкины, Иманские). Помимо романтического момента, брачные отношения упрощали вопросы юридического обеспечения женских передвижений, ведь актрисы были приписаны к паспортам супругов-актеров.

Интересно, что татарские актрисы не участвовали в женском движении начала XX в.: их не было среди участниц Всероссийского мусульманского женского съезда

⁹ Татар театры (1906—1926). 2 нче басма. Казан: Мәгариф, 2003. С. 148—153.

1917 г. и других политических собраний. Судя по всему, профессиональная занятость в развлекательной сфере вызывала мало доверия в мусульманской среде. Но мобильность этой профессиональной группы сыграла большую роль в эмансипации татарок в начале XX в.

Татарских учительниц (мугаллима) воспринимали в обществе с большим уважением, нежели актрис. Однако фигура работающей татарки (особенно незамужней), даже в сфере народного образования, оставалась не менее революционной. Неслучайно именно учительницы составили основу татарского женского движения в 1917 г., а позднее стали активистками женотделов. Одной из таких женщин была Абруй Сайфи. Она уехала из родного Чистопольского уезда Казанской губернии вместе с мужем-мугаллимом в Астрахань, где работала в женской школе Мусульманского благотворительного общества «Шураи ислам». После закрытия мектеба в 1914 г. она учительствовала в с. Азеево Тамбовской губернии [Бурнашева, 1971: 95, 126—127]. Накануне октября 1917 г. А. Сайфи жила в Уфе, избиралась даже гласной Уфимской городской думы. В целом число татарских учительниц выросло именно в годы Первой мировой войны, что объяснялось недостатком педагогических кадров и открытием новых школ.

На рост мобильности повлияла и либерализация паспортной системы в 1914 г.: российские женщины могли получить вид на жительство самостоятельно [Энгель, 2023: 163].

Еще накануне войны появилась практика частных летних учительских курсов для мугаллима. Позднее они приобрели официальный характер, открылись в Уфе и Оренбурге, а выпускницы получали свидетельства с правом на трудоустройство [Габдрафикова, 2019: 308—309]. Одним из первых начали готовить учительниц еще в с. Иж-Буби Вятской губернии, где выдавали официальные свидетельства. Туда съезжались девушки из разных уголков страны (привозили их отцы).

Но в тот период, помимо борьбы с хранением нелегальной литературы и революционной агитацией, в жандармской практике Российской империи появляется расследование о «панислализме». Все это было связано с растущей на рубеже XIX—XX вв. консолидацией татарского сообщества вокруг идей просвещения нового формата. Опасения властей, не понимавших этноконфессиональной специфики этих стремлений, использовались иногда и самими татарами-мусульманами, в том числе в ходе межличностных конфликтов. Все это создавало еще большую путаницу [Габдрафикова, 2024: 169—171]. На этом фоне, несмотря на то, что судебные разбирательства в итоге нигде не подтвердили обвинения, закрылось несколько татарских учебных заведений.

Эти события оказали влияние и на судьбы наших героинь. После закрытия женского мектеба уехала из Астрахани в Тамбовскую губернию А. Сайфи, то же самое случилось и с М. Буби. Из Вятской губернии она отправилась в Оренбургскую, где с 1913 г. преподавала в женской школе «Сююмбике» г. Троицка. Уже в 1915 г. в этом городе открылась Татарская женская учительская семинария и одной из преподавательниц стала М. Буби. Таким образом, учительницы были своеобразными агентами новых знаний и идей. В мае 1917 г. именно М. Буби избрали женщиной-судьей на Всероссийском мусульманском съезде в Москве. Это был уникальный случай для мусульман. Любопытно и то, что сама Мухлиса ханым не присутствовала на этом съезде, её избрали заочно [Фаизов, 2005: 42]. Обязанности судьи Центрального

духовного управления мусульман она выполняла и в советские годы, жила в Уфе до ареста в 1937 г.

Накануне 1917 г. женская мобильность охватила молодых, чаще незамужних девушек. Среди них были не только актрисы или учительницы, но и гимназистки и студентки. Например, в 1916 г. из Рязанской губернии переехала в Казань С. Шакулова — первая женщина-математик из татар. Она преподавала в гимназии Ф. Аитовой. После 1917 г. уже в Казани она была вовлечена в ряды работников партии. Через несколько лет С. Шакулова переехала в Уфу, где трудилась заместителем наркома народного образования БАССР¹⁰.

Роль татарской прессы в развитии женской мобильности

Такого рода мобильность татарских девушек поощрялась некоторыми татарскими периодическими изданиями. Они начали издаваться по всей России с 1905 г. До этого самой массовой газетой считалось издание «Тарджеман». Татарская периодическая печать стала одним из главных инструментов пропаганды нового женского образа: образованных девушек, «матерей нации». Почти в каждой газете была «женская страничка» [Биктимирова, 2011: 37; Брилева, 2018]. Пресса создавала определенную модель поведения.

Например, редактор оренбургской газеты «Вақыт» Ф. Карими в одной из статей в 1913 г. хвалил гимназистку Т. Актуганову за её поездку из Ташкента в Оренбург, где отмечал, что «самостоятельное путешествие наших девушек и женщин — большая редкость» [Габдрафикова, 2015: 289—290]. В 1912 г. в серии статей «Стамбульские письма» Ф. Карими рассказывал о четырех студентках-татарках из Петербурга, поехавших во время Балканской войны в Стамбул в качестве сестёр милосердия. О Г. Камаловой (Чистополь), Р. Юнусовой (Петербург), М. Якуповой (Ташкент) М. Паташевой (Ростов) писали и другие татарские газеты. Образованные, смелые и независимые в суждениях — они ставились в пример другим. Девушки и сами выступали на страницах прессы, в том числе с критикой ограничения женских передвижений¹¹. Одна из них — Марьям Паташева — летом 1917 г. стала кандидатом на должность женщины-судьи в ОМДС, но избрали М. Буби [Фаизов, 2005: 42].

Татарская пресса развивала и женскую мобильность в тексте. Если сравнить разные поколения татарских женщин, то видна существенная разница. Например, талантливая поэтесса из с. Каменный Яр Черноярского уезда Астраханской губернии Газиза Самитова (1862—1929) так и не посмела опубликовать свои тексты и писала их для себя [Габдрафикова, 2015: 284—285], а девушки следующего поколения были другими. Они отправляли в газеты и журналы стихи, письма, статьи, не боясь общественного осуждения.

Случай Захиды Бурнашевой

В 1917 г. участницей женского съезда в Казани была мугаллима Захида Бурнашева (1895—1977), приехавшая для этого из Москвы. В татарской культуре она была известна как поэтесса Гыйфат туташ, её стихи публиковались в разных газетах той

¹⁰ Милләт аналары: тарихи-документаль һәм биографик җыентык. С. 534—543.

¹¹ XX гасыр башы татар вакытлы матбугатында хатын-кыз мәгарифе мәсьәләләре (документлар җыентыгы). С. 337—338.

поры. Она выросла в татарском селе Азеево Тамбовской губернии (совр. Рязанская обл.), отец занимался предпринимательством. Её случай уникален тем, что географическая мобильность связана еще и с «виртуальной» активностью, а при получении ею личной свободы существенную роль сыграла пресса.

Зимой 1915 г. 20-летняя Захида написала письмо в редакцию газеты «Вақыт» с просьбой защитить её от родителей: они были против творчества дочери, запрещали публиковаться. На тот момент конфликт длился несколько месяцев, втянуты в него были разные люди. Скандальный характер семейный конфликт приобрел в августе 1914 г., когда девушка сбежала из дома. Она объясняла это тем, что узнав о её анонимных публикациях в газетах, родители закрыли дочь дома, запретили любое общение, лишили домашней библиотеки и т. д.

Письмо З. Бурнашевой перепечатали и другие газеты («Йолдыз», «Тормыш»). Начали приходить ответы на данное послание. Открытым письмом поэтесса раскрыла настоящее имя и пыталась «через печать объяснить нации» собственную правоту, надеясь «на защиту нации».

В Азеево проживало почти 5 тыс. жителей, это был практически небольшой город. Убежав от родителей, З. Бурнашева нашла приют в одном из местных домов. Родители пытались вернуть её через волостное правление. Они хотели помешать получению вида на жительство и предъявляли ей разные обвинения: украла какие-то вещи, хочет уехать в Турцию, устроиться в публичный дом и т. д. Но все обвинения оказались беспочвенными. Наконец, они подговорили жителей села, чтобы никто в Азеево не пускал её к себе. Однако этим ходом лишь ускорили отъезд дочери — Захида уехала в соседнюю деревню Богданово того же Елатомского уезда, в 12 верстах от села Азеево. Там находилось имение купца Х. Ширинского, именно в его семье проживала девушка, когда отправляла открытое письмо в редакцию газеты. Из-за родителей она не могла получить вид на жительство и выехать за пределы уезда¹².

В сентябре 1915 г. З. Бурнашева сообщала читателям газеты, что она «избавилась от обвинений и получила паспорт»¹³. Она уехала в Москву, устроилась домашней учительницей, в том же 1915 г. был издан сборник её стихов. Таким образом, путем широкой огласки проблемы девушка получила свободу от родительской опеки. В 1917 г. она активно включилась в татарское женское движение: была председателем благотворительного общества мусульманок г. Москвы¹⁴, участвовала в казанском женском съезде. После 1917 г. З. Бурнашева работала в женотделах и школах Средней Азии [Бурнашева, 1971].

Возможно, её случай вдохновил и других девушек. В 1915 г. она была не единственной сбежавшей из дома татаркой. Схожая история случилась в городе Елабуга Вятской губернии, откуда, вопреки воле родителей, уехала в Петербург выпускница местной гимназии Ашраф Синяева. Она поступила в частную театральную школу¹⁵. В 1917 г. А. Синяева начала работать в труппе «Сайяр» и стала первой татарской актрисой с профессиональным образованием.

¹² Там же. С. 346.

¹³ Там же. С. 347—348.

¹⁴ 100-летие образования Татарской АССР: сборник документов и материалов / под ред. Р. Р. Фахрутдинова. Т. 1. Казань: Заман, 2017. С. 40.

¹⁵ Әдәби сүзлек (элекке чор татар әдәбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәлек). С. 218.

Выводы

Изучение мобильности татарок рубежа XIX—XX вв. показало, что женщины выступали важным фактором социокультурных изменений в татарском обществе России. Географические рамки женской активности охватывали территорию практически всей империи. Комплексный анализ этих коммуникаций дал следующую картину развития положения татарской женщины в указанный период.

Мобильность образованных татарских женщин на рубеже XIX—XX вв. была отражением реалий того времени. Сначала они находились под контролем отца, супруга или других мужчин-родственников. На первых этапах передвижения и смена социального статуса были возможны лишь в качестве поддержки корпоративно-родственных связей татарского купечества и духовенства. Дочери купцов и мулл могли быть выданы замуж далеко от родных мест, если это отвечало семейно-корпоративным интересам. Такие женщины становились своеобразными агентами новых знаний, так как, являясь носителями традиций собственной семьи, внедряли их и на новом месте. Эти социальные проекты (школы, приюты, газеты и т.д.) осуществлялись на собственные средства наследниц состоятельных фамилий и, безусловно, способствовали социальной модернизации татарского общества и страны в целом. В начале XX в. вместе с мужьями начали выходить в публичное пространство женщины иного типа: супруги представителей интеллигентных профессий (учителей, журналистов и т. д.). Они влияли на общественное мнение не только с помощью капиталов и социальных проектов, а показывали собственным примером возможность женской эмансипации: получения образования, публикации в прессе, участия в общественных собраниях и т. д.

Если в 1900-е гг. публичная активность была больше свойственна замужним женщинам, то в 1910-е гг. передвижения, а вместе с ними и трудовая деятельность, стали характерны и для незамужних девушек. Все это было связано с изменениями паспортной системы, переменами в общественной жизни.

Географическая мобильность женщин, вкупе с необходимостью образования, пропагандировалась на страницах татарских газет, особенно после 1905 г. Эти публикации становились ориентиром для молодых девушек, которые даже убегали из дома, выбирая возможность получения образования и самостоятельной жизни. Они транслировали новый опыт не только в повседневной жизни, но и в текстах. Кульминацией пропаганды «женского вопроса» стало проведение в Казани в 1917 г. Всероссийского мусульманского женского съезда.

Опыт женской мобильности рубежа XIX—XX вв. стал опорой при формировании новых ценностей позднее. Большая часть образованных татарских женщин начала XX в. стала работниками советской системы просвещения и культуры.

Список источников

- Биктимирова Т. А. Ступени образования до Сорбонны. Казань: Татарское книжное издательство, 2011. 168 с.
- Брилева Д. С. О женщине и устами женщины: мусульманка в татарской периодической печати начала XX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. Т. 36, № 2. С. 17—36.

- Бурнашева З. Х. Татар хатын-кызлары хәрәкәте тарихыннан. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1971. 152 б.
- Габдрафикова Л. Р. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX — начало XX века). Казань: Татарское книжное издательство, 2015. 365 с.
- Габдрафикова Л. Р. Мугаллима: новая социально-профессиональная роль татарской женщины начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18, № 2. С. 302—319.
- Габдрафикова Л. Р. Татары-мусульмане и слухи во время Первой мировой войны: гендерные и религиозные стереотипы // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2024. № 32. С. 160—197.
- Ребрей С. М. Концепция агентности как новый подход к измерению гендерного неравенства // Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 108—117.
- Фаизов С. Ф. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. Н. Новгород: НИМ «Махинур», 2005. 106 с.
- Хабутдинов А. Ю., Имашева М. М., Хабутдинова М. М. Общественно-политическое движение женщин-мусульманок Волго-Уральского региона в 1917 г. // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 135—151.
- Хасбулатова О. А. Женское движение в России как фактор социального прогресса (1900—1917 гг.) // Женщина в российском обществе. 2017. Т. 83, № 2. С. 5—14.
- Человек в революции: Казанская губерния. Т. 2. 1917 г. / под ред. Л. Р. Габдрафиковой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 432 с.
- Энгель Б. А. Женщины в России. 1700—2000. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. 423 с.
- Adiloğlu A. Ceditcilik dönemi Kazan Tatar edebiyatında kadın hak ve hürriyetleri meselesi. Ankara: Gece kitaplığı, 2020. 452 p.
- Ross D. Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia. Bloomington: Indiana University Press, 2020. 276 p.

References

- Adiloğlu, A. (2020) *Ceditcilik dönemi Kazan Tatar edebiyatında kadın hak ve hürriyetleri meselesi* [The issue of women's rights and freedoms in the Kazan Tatar literature within the Jadidism period]. Ankara: Gece kitaplığı, 452 p.
- Biktimirova, T. A. (2011) *Stupeni obrazovaniia do Sorbonny* [Educational stages before the Sorbonne]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 168 p.
- Brileva, D. S. (2018) O zhenshchine i ustami zhenshchiny: musul'manka v tatarskoï periodicheskoi pečhati nachala XX v. [Women Talking About Women: A Muslim Woman in the Tatar Periodical Press of the Early 20th Century], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 36, no. 2, pp. 17—36.
- Burnasheva, Z. Kh. (1971) *Tatar hatyn-kyzlary hərəkəte tarihynnan* [From the history of the Tatar women's movement]. Kazan: Tatarstan kitap nāshriyaty, 152 p.
- Chelovek v revoliutsii: Kazanskaia guberniia (2017) [Man in the Revolution: Kazan Province]. Vol. 2. 1917. In: L. R. Gabdrāfikova (Ed.). Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 432 p.
- Engel, B. A. (2004) *Women in Russia, 1700—2000*. New York: Cambridge University Press, 275 p.
- Faizov, S. F. (2005) *Dvizhenie musul'manok Rossii za prava zhenshchin v 1917 g.: stranitsy istorii* [The Muslim Women's Movement in Russia for Women's Rights in 1917: Pages of History]. Nizhniĭ Novgorod: NIM «Mahinur», 106 p.
- Gabdrāfikova, L. R. (2015) *Tatarskoe burzhuaznoe obshchestvo: stil' zhizni v epokhu peremen (vtoraia polovina XIX — nachalo XX veka)* [Tatar bourgeois society: lifestyle in an era of change (second half of the 19th — early 20th centuries)]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 365 p.

- Gabdrāfikova, L. R. (2019) Mugallima: novaia sotsial'no-professional'naia rol' tatarskoï zhenshhiny nachala XX v. [Mugallima: Tatar women's new social and professional role in the early 20th century], *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriia: Istoriiia Rossii*, vol. 18, no. 2, pp. 302—319.
- Gabdrāfikova, L. R. (2024) Tatory-musul'mane i slukhi vo vremia Pervoï mirovoï voïny: gendernye i religioznye stereotipy [Muslim Tatars and rumors during World War I: gender and religious stereotypes], *Adam&Eva. Al'manakh gendernoï istorii*. Moscow: IVI RAN, no. 32, pp. 160—197.
- Khabutdinov, A. Yu., Imasheva, M. M., Khabutdinova, M. M. (2023) Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie zhenshchin-musul'manok Volgo-Ural'skogo regiona v 1917 g. [The sotsio-political movement of Muslim women in the Volga-Ural region in 1917], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 135—151.
- Khasbulatova, O. A. (2017) Zhenskoe dvizhenie v Rossii kak faktor social'nogo progressa (1900—1917 gg.) [Women's movement in Russia as a factor of social progress (1900—1917)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, vol. 83, no. 2, pp. 5—14.
- Rebrey, S. M. (2022) Kontseptsii agentnosti kak novyi podkhod k izmereniiu gendernogo neravenstva [The concept of agency as a new approach to measuring gender inequality], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 108—117.
- Ross, D. (2020) *Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 267 p.

Статья поступила в редакцию 07.06.2026; одобрена после рецензирования 17.06.2026; принята к публикации 10.08.2026.

The article was submitted 07.06.2026; approved after reviewing 17.06.2026; accepted for publication 10.08.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Габдрафикова Лилия Рамилевна — доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, главный научный сотрудник, Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия, bahetem@mail.ru (Dr. Sc. (History), Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Principal Researcher, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 120—131.

Woman in Russian Society. 2026. No. 3. P. 120—131.

Научная статья

УДК 314.146(470.315)

EDN: <https://elibrary.ru/ncxovr>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.3.9

ЖЕНЩИНЫ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА (1941—1944 гг.)

*Елена Евгеньевна Красноженова,
Анастасия Павловна Грибачева*

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Россия, eleena@inbox.ru

Аннотация. На основе комплекса архивных материалов рассматривается процесс массовой замены мужских рабочих кадров. В статье анализируются масштабы и отраслевая специфика этого процесса, рассматриваются механизмы ускоренной профессиональной подготовки, а также изменения в возрастном и квалификационном составе рабочих. Освещены трудности, с которыми сталкивались женщины при освоении традиционно «мужских» профессий, а также их участие в рационализаторской и управленческой деятельности. Проанализированы положительные результаты кадровой замены (сохранение выпуска военной продукции) и проблемные аспекты (деформация квалификационной структуры, низкий средний разряд работниц). Сделан вывод о системном характере вовлечения женщин в промышленность, разрушении довоенных представлений о «мужских» и «женских» профессиях и создании предпосылок для закрепления женщин в индустриальном производстве в послевоенные десятилетия.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, промышленность, женский труд, рабочие кадры, гендерная история, профессиональная подготовка, квалификация

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00518 «Трудовой потенциал предприятий блокадного Ленинграда (1941—1944 гг.)», <https://rscf.ru/project/25-28-00518>.

Для цитирования: Красноженова Е. Е., Грибачева А. П. Женщины в промышленности блокадного Ленинграда (1941—1944 гг.) // Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 120—131.

Original article

WOMEN IN LENINGRAD'S INDUSTRY DURING THE SIEGE (1941—1944)

*Elena E. Krasnozhenova,
Anastasiya P. Gribacheva*

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University,
Saint Petersburg, Russian Federation, eleena@inbox.ru

Abstract. Based on a collection of archival materials, this article examines the process of the mass replacement of male workers. It analyzes the scale and sector-specific characteristics of this process, examines the mechanisms of accelerated vocational training, and discusses changes in the age and skill composition of the workforce. The article highlights the difficulties women faced in mastering traditionally “male” professions, as well as their participation in innovation and management activities. It analyzes the positive outcomes of this workforce replacement (maintaining military production) and the problematic aspects (distortion of the skill structure, low average skill level among female workers). The article concludes that the involvement of women in industry was systematic, that prewar notions of “male” and “female” professions were dismantled, and that the groundwork was laid for women to become firmly established in industrial production in the postwar decades.

Key words: Great Patriotic War, Siege of Leningrad, industry, women’s labor, workforce, gender history, vocational training, qualifications

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under a grant from № 25-28-00518), «Labor Potential of Enterprises in Besieged Leningrad (1941—1944)», <https://rscf.ru/project/25-28-00518>.

For citation: Krasnozhenova, E. E., Gribacheva, A. P. (2026) Zhenshchiny v promyshlennosti blokadnogo Leningrada (1941—1944 gg.), [Women in Leningrad's Industry During The Siege (1941—1944)] *Zhenshchina v Rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 120—131.

Введение

Проблема выживания Ленинграда в условиях изоляции остается одной из ключевых в историографии Великой Отечественной войны. Среди множества факторов, определивших судьбу города, важнейшее место занимала работа промышленности. Чтобы сохранить производство, пришлось массово заменять мужчин, ушедших на фронт, женщинами, подростками и пожилыми людьми. Женщины, пришедшие на заводы в 1941—1942 гг., составляли основную часть новых рабочих кадров. Им предстояло осваивать сложные профессии в условиях голода, холода и физического истощения. В результате этих процессов гендерная структура ленинградского рабочего класса претерпела изменения, сохранявшиеся на протяжении всего послевоенного периода.

В развитии историографии, посвященной женщинам в промышленности блокадного Ленинграда, выделяются несколько периодов. В военные и первые послевоенные годы господствовал героико-патриотический нарратив: подчёркивалась самоотверженность тружениц, но механизмы кадровой замены и гендерные аспекты не анализировались [Народное хозяйство..., 1957; Федосеев, 1962].

В 1960—1980-е гг. вышли работы А. Р. Дзенискевича [Дзенискевич, 1990, 1972], И. И. Шитова [Шитов, 1961], Д. В. Павлова [Павлов, 1969], которые ввели

в научный оборот статистику сокращения численности рабочих и притока женщин. Однако гендерная проблематика оставалась на периферии. Постсоветская историография существенно расширила круг исследований, посвящённых развитию промышленности блокадного Ленинграда [Зотова, 2014; Красноженова, 2025; Данилов, 2003; Ходяков, 2022; Грибачева, 2025], но вопросы кадровой политики, возрастного состава и профессиональной адаптации женщин всё ещё остаются на периферии исследовательского внимания. Определённый вклад в изучение гендерных аспектов блокадной повседневности вносит работа И. В. Синовой, в которой на основе мемуарных источников анализируются многогранные социальные роли женщин блокадного Ленинграда [Синова, 2025]. Однако остается открытым вопрос о том, как именно происходила замена мужских кадров женщинами и как протекала их профессиональная адаптация в промышленности. Восполнить этот пробел призвано настоящее исследование, основанное на архивных документах, позволяющих проанализировать механизмы кадровой замены и профессиональной адаптации женщин в промышленности блокадного Ленинграда.

Массовая убыль кадров и начало привлечения женщин в промышленность

С началом войны, а особенно после того, как в сентябре 1941 г. замкнулось блокадное кольцо, ленинградская промышленность потеряла огромное число квалифицированных рабочих. Уход мужчин на фронт, в народное ополчение и истребительные батальоны привел к значительным потерям квалифицированных рабочих кадров на предприятиях. По оценкам А. Р. Дзенискевича, до войны на предприятиях города насчитывалось 630—640 тыс. производственных рабочих [Дзенискевич, 1990: 87]. К концу 1941 г. их осталось меньше половины. На вагоностроительном заводе им. Егорова, где рабочих рук не хватало катастрофически, выступила с призывом работница Н. В. Булышева. Её обращение в заводской газете «Егоровец» прозвучало как манифест новой эпохи: «Жены, сестры, матери, в этот грозный час становитесь на место ушедших на фронт мужей, братьев, сыновей! Овладевайте вторыми специальностями!» [Федосеев, 1962: 87]. Женщина должна была не просто встать к станку, но и радикально поменять свою профессиональную идентичность.

Потери квалифицированных кадров на ленинградских предприятиях в начальный период войны приняли катастрофический характер. Рассмотрим для примера завод «Русский дизель»: из 2500 человек его довоенного штата в первые же дни ушли в армию 300—400, а ещё тысяча рабочих подала рапорты о зачислении в Ленинградскую армию народного ополчения (ЛАНО) [ЦГАИПД СПб, ф. р-4000, оп. 10, д. 794, л. 1—4 об.]. Почти столь же драматично выглядела ситуация на Октябрьском вагоноремонтном заводе — оттуда отправили на фронт около полутора тысяч человек. На «Севкабеле» после волны мобилизации осталось приблизительно 1000 работников [ЦГАИПД СПб, ф. р-4000, оп. 10, д. 743, л. 5 об.]. Ещё более наглядно соотношение потерь на Ленинградском заводе по обработке цветных металлов: при довоенной численности в 1500 человек к 1 июля 1941 года здесь насчитывалось только 800 [ЦГАИПД СПб, ф. р-25, оп. 13, д. 23, л. 16]. Коллектив «Электросилы» к концу того же года — с учётом мобилизации, добровольного ухода в ополчение и эвакуации — сократился примерно до 1000 человек [900 героических..., 1966: 131]. Но, пожалуй, самый разительный случай демонстрирует Сталепрокатный и проволочно-канатный

завод: если до войны на нём трудилось около 5 тысяч рабочих, то к январю 1942 года их осталось лишь 300 [Дзенискевич, 1990: 88].

Особенно тяжелой была ситуация в лёгкой промышленности. Число предприятий этой отрасли за годы блокады сократилось более чем в три раза, а численность занятых — более чем в 10 раз [Павлов, 1969: 237]. К лету 1942 г. в городе оставалось 175 частично действующих заводов. Весной 1942 г. нехватка рабочих рук стала острой проблемой предприятий лёгкой промышленности. 13 февраля 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» [ГА РФ, ф. р-7523, оп. 4, д. 50, л. 98—99]. Согласно указу, мобилизации подлежали неработающие мужчины 16—55 лет и женщины 16—45 лет. Однако на практике женщины привлекались на заводы уже с осени 1941 г.

Мобилизация женщин осуществлялась быстрыми темпами. На «Электросиле» из 1200 рабочих, выпускавших 120-мм мины, 800 были приняты вновь, и среди них 600 составляли женщины. На «Электроаппарате» из 148 рабочих, изготавливавших 50-мм мины, 130 чел. были новыми сотрудниками, 86 из них — женщины [ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 2в, д. 5683, л. 15]. Доля женщин среди вновь принятых работников достигала 65—75 %, то есть женский труд превращался в доминирующий ресурс на предприятиях. При этом большинство принятых на работу не имели опыта в металлообработке, не умели работать на токарных и фрезерных станках. Им предстояло в промерзших цехах, при копилках вместо света, овладевать навыками, на которые в мирное время уходили годы.

Массовый приём новых рабочих начался весной 1942 г. Тогда на Кировский завод приняли 1500 человек [ЦГАИПД СПб, ф. р-25, оп. 2—3, д. 4889, л. 17]. Учёт, проведённый 15 декабря 1942 г., показал, что численность производственных рабочих в Ленинграде достигла 100 тыс. человек [ЦГА СПб, ф. р-1629, оп. 4, д. 782, л. 6]. 21 февраля 1943 г. Ленинградский горисполком и горком ВКП(б) создали бюро по учёту и распределению рабочей силы [ЦГАИПД СПб, ф. р-25, оп. 2, д. 4767, л. 20]. В июне-июле 1943 г. провели частичную консервацию второстепенных заводов, что высвободило более 10 тыс. рабочих для оборонной промышленности [ЦГАИПД СПб, ф. р-25, оп. 2, д. 4767, л. 20]. Однако, как отмечал Дзенискевич, в 1943 г. завоз рабочей силы в город не превышал 4 700 человек [Дзенискевич, 1990: 91]. В апреле 1943 г. на «Электросилу» прислали около 300 мобилизованных из других областей [ГА РФ, ф. р-4965, оп. 1, д. 4744, л. 15, 23, 46, 74].

Таким образом, нехватку квалифицированных кадров в значительной степени компенсировали за счёт привлечения местного женского населения. Отраслевая статистика показывает следующую картину. На предприятиях резиновой промышленности доля женщин доходила до 88 %, в химической — до аналогичных показателей [ЦГАИПД СПб, ф. р-25, оп. 13 а, д. 57, л. 108—116]. На заводах металлоизделий 72 % новых рабочих пришли на производство впервые, среди них преобладали домохозяйки и девушки [ГА РФ, ф. р-7912, оп. 1, д. 73, л. 1, 1 об.]. На заводе им. Лепсе число женщин-рабочих выросло до 63 % [ЦГАИПД СПб, ф. р-25, оп. 2—3, д. 4884, л. 35]. В целом к концу 1942 г. женщины составляли 79,9 % производственных рабочих, в феврале 1943 г. — 83,7 % [ЦГАИПД СПб, ф. р-25, оп. 2-3, д. 4884, л. 38]. Только на оборонных предприятиях доля женщин была ниже из-за бронирования квалифицированных рабочих-мужчин.

Профессиональное обучение женщин-работниц на предприятиях блокадного Ленинграда

В историографии долго господствовало мнение, что в блокадном Ленинграде рабочий класс сильно омолодился. Однако анализ данных за декабрь 1942 г., проведённый А. Р. Дзенискевичем, показывает: подростков до 16 лет среди производственных рабочих было всего 2 %, а всей молодёжи до 18 лет — 7,3 %. Приток младших возрастов оказался незначительным. Мобилизация сильно сократила число мужчин 18—49 лет, зато выросла доля старших групп (старше 50 лет) — до 13,7 %, и главное — женщин 18—49 лет, которые и стали основной рабочей силой [Дзенискевич, 1990: 97].

Ещё более серьёзные изменения затронули квалификационную структуру. На «Электросиле» новые кадры к концу войны составляли около 90 % всех рабочих. На Кировском заводе к концу 1943 г. оставалось лишь около 10 % довоенного состава [ГА РФ, ф. р-9023, оп. 1, д. 153, л. 53]. Подавляющее большинство вновь пришедших женщин имели низкие разряды или не имели их вовсе [ЦГАИПД СПб, ф. р-25, оп. 2—3, д. 4883, л. 161; д. 5138, л. 112].

Освоение новых профессий давалось с огромным трудом. Женщины становились шихельницами, слесарями, фрезеровщицами, термистками, литейщицами — овладевали специальностями, которые до войны считались сугубо мужскими. Зимой 1941—1942 гг. разразился энергетический кризис и пришлось искать нестандартные решения проблемы электроснабжения. Так, в условиях отсутствия электроэнергии на заводе «Большевик» к токарному станку смонтировали ножную педаль, а на Государственном оптико-механическом заводе — велосипедную передачу [Дзенискевич, 1972: 111—112, 117]. Весьма характерен и опыт Прядильно-ниточного комбината им. Кирова. В 1942 г., когда прекратилась подача электроэнергии, комбинат переключился на ручное изготовление маскировочных сетей и ваты. С помощью внутренней системы обучения к концу года удалось подготовить девять формовщиков, двух шихельниц и шесть токарей [ЦГАИПД СПб, ф. р-25, оп. 136, д. 18, л. 32]. Технологическая культура менялась на глазах: женщины, раньше работавшие за прядильными машинами, осваивали литейное дело и металлообработку. Самым тяжёлым участком была металлургия. Показателен в этом отношении завод им. Карла Маркса, где женщины-литейщицы работали на вагранках, отливая детали из сталистого чугуна. Традиционно считавшаяся сугубо мужской, эта профессия в условиях блокады была освоена женщинами, что свидетельствовало о разрушении довоенных гендерных стереотипов.

Новых работниц обучали непосредственно у станка, без отрыва от производства. На фабрике «Скороход», получившей заказ на пулемётные ленты и снаряды, в момент создания цеха было всего двенадцать токарей, восемь слесарей, три фрезеровщика и один шлифовщик [ЦГАНТД СПб, ф. р-480, оп. 11, д. 5, л. 12]. Подготовку новых женских кадров вели ускоренно: для инструктажа привлекали специалистов с других заводов, которые передавали базовые навыки новичкам, а те обучали следующих. Так возникал эффект каскадного обучения. Во второй половине 1942—1943 г. широко практиковалось индивидуальное и бригадное обучение. В марте 1942 г. на Ижорском заводе организовали индивидуальное обучение, которое прошёл 131 человек. Большинство из них — женщины [ЦГАИПД СПб, ф. р-2600, оп. 2, д. 1, л. 59—60]. В 1942—1943 гг. в Невском районе индивидуально обучались 7647 человек, в том числе 820 женщин и подростков [ЦГАИПД СПб, ф. р-25, оп. 2—3, д. 4884, л. 38]. Сроки подготовки для вновь принятых сократили до одного-двух месяцев.

22 декабря 1943 г. бюро ГК ВКП(б) приняло постановление «О подготовке квалифицированной рабочей силы», где констатировалось, что ускоренная подготовка уже не отвечает потребностям производства [Ленинград в Великой..., 1947: 424—426]. С 1944 г. начали развёртывать техническое обучение. В 1944 г. на машиностроительных предприятиях через различные формы технического обучения прошло около 60 % всех женщин-рабочих [ЦГАИПД СПб, ф. р-25, оп. 13, д. 302, л. 9]. В Кировском районе повысили квалификацию 7200 рабочих, большинство из которых составляли женщины [ЦГАИПД СПб, ф. р-25, оп. 13, д. 5174, л. 6]. На Кировском заводе в январе 1944 г. обучение прошли 14 человек, а в декабре — уже 5784, из них 1047 получили 4-й разряд, 510 — 5-й, 20 — 8-й [ЦГАИПД СПб, ф. р-25, оп. 13, д. 4884, л. 27]. Однако несмотря на все усилия, к концу 1944 г. квалификационная структура рабочих кадров оставалась деформированной: женщины составляли большинство среди рабочих низких разрядов. На «Электросиле» рабочие 2—3-го разрядов составляли 62 %, на заводе им. В. И. Ленина — 55 %. Число рабочих высоких разрядов (в основном мужчин) сократилось вдвое [ЦГАИПД СПб, ф. р-25, оп. 2—3, д. 5138, л. 112].

Женщины в лёгкой промышленности и управлении

На предприятиях лёгкой и пищевой промышленности женщины с первых дней войны составляли абсолютное большинство. В условиях кадрового и энергетического кризиса женщины на ходу изобретали новые способы организации труда. Показателен в этом отношении опыт фабрики им. Бебеля, где в 1943 г. из семи конвейеров работали только два. В условиях полного отсутствия электроэнергии труд был организован вручную: работницы разделились — одни вращали приводы, другие шили [ЦГАИПД СПб, ф. р-25, оп. 13 б, д. 25, л. 36]. Подобная организация труда позволила сохранить выпуск продукции при полном отсутствии электричества. Еще одним примером адаптации к блокадным условиям стала Первая ленинградская меховая фабрика. В 1942 г. производство переориентировалось с дорогих мехов на овчину и кролика. Работа велась вручную, при коптилках, в неотопливаемых цехах. Часть заказов выполнялась на дому, что позволяло обеспечивать фронт рукавицами, чулками и жилетами [ЦГАИПД СПб, ф. р-25, оп. 13 б, д. 6, л. 3].

На расконсервированной в 1942 г. Ленинградской Суконной фабрике женщины-ткачихи и прядильщицы выпускали шинельное сукно. К концу 1943 г. фабрика освоила выпуск женского драпа, что свидетельствовало о появлении элементов гражданской продукции в условиях тотальной военной экономики [ЦГАИПД СПб, ф. р-25, оп. 13 б, д. 23, л. 36]. На Ленмолокозаводе №1 группа работниц (И. П. Садокова, Е. А. Газенегер, В. П. Петрова, Л. Г. Зрячкина, П. П. Иванова, А. Н. Луданова) освоила производство простокваши из сои на чистых культурах молочнокислых бактерий [ЦГА СПб, ф. р-9605, оп. 2, д. 29, л. 289, 291]. За первые два с половиной месяца блокады завод дал дополнительно 800 тысяч литров растительного детского молока, 175 тысяч литров миндального, 300 тысяч литров шоколадного и кофейного [ЦГА СПб, ф. р-9605, оп. 2, д. 29, л. 291].

В мастерских Ленинградского химико-технологического института женщины-химики выпустили 80 тысяч противопехотных мин, 500 зажигательных портсигаров, 6500 запалов для дымовых шашек [ЦГА СПб, ф. р-3025, оп. 8, д. 96, л. 116]. Они одновременно выполняли роли исследователей, технологов и производственных рабочих.

Отдельно стоит сказать о том, как женщины включались в рационализаторскую и управленческую деятельность. На заводе № 5 «Краснознаменец» работницы Н. М. Вшендыбульская, А. И. Глебовицкая и Г. П. Васильева предложили заменить оловянную фольгу на лакированный пергамент, что сэкономило олова на 371 тысячу рублей [ЦГА СПб, ф. р-1575, оп. 9, д. 124, л. 5]. Старший мастер Косякова предложила использовать при сборке реактивных снарядов М-13 ранее забракованные узлы — экономия составила 87,3 тысячи рублей [ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 2в—6, д. 6157, л. 8]. Работница Р. Я. Марголина разрабатывала технологии с использованием заменителей цветных металлов [ЦГА СПб, ф. р-1575, оп. 9, д. 124, л. 28]. На фабрике «Скороход» инженерно-технические работницы переделали обувной гидравлический пресс для нужд оборонного производства. Все эти примеры показывают, что женщины не просто заменяли мужчин у станков, они входили в управленческое звено и участвовали в совершенствовании производства.

Выводы

Таким образом, массовое вовлечение женщин в ленинградскую промышленность в годы блокады стало вынужденным ответом на катастрофическую потерю квалифицированных мужских кадров из-за мобилизации, эвакуации и голодной смертности зимой 1941—1942 гг. Основную массу новых работниц составили женщины, многие из которых раньше не работали в индустрии. Именно они стали главной производительной силой блокадного Ленинграда.

Рост женской занятости имел ярко выраженную отраслевую специфику. Там, где мужские кадры были потеряны почти полностью, доля женщин достигала максимума. На оборонных заводах из-за бронирования сохранился более высокий процент квалифицированных мужчин. Следовательно, блокадное производство базировалось на женском труде прежде всего в отраслях, либо традиционно с большим числом работниц (лёгкая, пищевая), либо оказавшихся в самом тяжёлом кадровом положении. При детальном рассмотрении отраслевой структуры выясняется, что наиболее радикальные изменения произошли не в «женских» отраслях, где высокая доля работниц была привычной, а в тяжёлой промышленности и металлургии. Именно там, на заводах им. Карла Маркса, «Большевик», «Русский дизель», женщины вынуждены были инициировать рационализаторские предложения: изменение технологии отжига, замена материалов, переделка прессов, чтобы приспособить производство к своим физическим возможностям. Женский труд стимулировал рационализаторские решения, но сопровождался упрощением технологических процессов и снижением общего квалификационного уровня.

Обратной стороной данного процесса стали тяжелые условия труда — работа в промерзших цехах при голодных пайках, физическое истощение и высокий травматизм среди неподготовленных женщин. Освоение «мужских» профессий происходило через перегрузки и увечья, которые в сводках именовались «производственными потерями».

Подготовка новых работниц, пришедших на предприятия, велась непосредственно в цехах, без отрыва от производства. Она строилась на принципах каскадного обучения, индивидуального и бригадного ученичества, краткосрочных курсов. Это позволило быстро ввести в строй десятки тысяч новых работниц, однако средний квалификационный уровень их подготовки резко упал. К концу блокады на ведущих заводах преобладали рабочие низких разрядов, а доля высококвалифицированных

специалистов сократилась вдвое. Чтобы восстановить довоенный уровень профессионализма, потребовалось развертывание системы технического обучения.

Необходимо отметить, что женщины пришли не только в цеха, но и в систему профессионально-технического обучения, где к концу 1943 — началу 1944 г. они уже выступали не только ученицами, но и наставницами. Так, в документах Ижорского завода встречаются упоминания о женщинах-инструкторах, обучавших новичков — в том числе и мужчин, возвращавшихся из госпиталей. Так возникла новая линия передачи навыков, где женщина занимала позицию носителя знания, а не только его потребителя.

Важнейшим итогом массового вовлечения женщин в производство стало разрушение довоенных гендерных стереотипов. Если в мирное время профессии литейщика, термиста, фрезеровщика, токаря-снарядника воспринимались как сугубо мужские и женщины в них были редким исключением, то блокада сделала их освоение массовым и вынужденным. Женщины не только встали к станкам, но и вошли в управленческое звено — стали старшими мастерами, начальниками цехов, инженерно-техническими работниками, активно участвовали в рационализации. Их вклад в экономию ресурсов в условиях острейшего дефицита сырья и материалов имел критическое значение. Опыт, полученный в блокадных цехах, изменил профессиональную идентичность и социальный статус женщин. Многие остались в промышленности и после войны, что на десятилетия определило высокий уровень женской занятости в ленинградской индустрии.

Гендерная трансформация промышленности блокадного Ленинграда была сложным, противоречивым, но в целом успешным процессом экстренного восполнения кадрового дефицита. Она позволила сохранить выпуск военной продукции и предметов первой необходимости в условиях полной изоляции. Женщины, пришедшие на заводы в 1941—1944 гг., стали равноправными, а на большинстве предприятий — доминирующими участниками производства.

Список источников

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4965. Оп. 1. Д. 4744.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 50.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7912. Оп. 1. Д. 73.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9023. Оп. 1. Д. 153.
Грибачева А. П. «Работать еще лучше, еще производительней!»: внутризаводская производственная деятельность на промышленных предприятиях блокадного Ленинграда в 1942 г. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2025. № 4—2. С. 17—21.
Дзенискевич А. Р. Военная пятилетка рабочих Ленинграда. 1941—1945. Л.: Лениздат, 1972. 215 с.
Дзенискевич А. Р. Накануне и в дни испытаний. Ленинградские рабочие в 1938—1945 гг. Л.: Наука, 1990. 197 с.
Данилов П. П. Промышленность Ленинграда в годы блокады (сентябрь 1941 г. — декабрь 1943 г.) // Отечественная история. 2003. № 3. С. 40—48.
Зотова А. В. Местная промышленность Ленинграда в период Великой Отечественной войны // Управленческое консультирование. 2014. № 1. С. 109—116.
Красноженова Е. Е. Рабочие кадры предприятий ленинградской промышленности (1941—1944 годы) // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 95—104.
Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Т. II. 23 июня 1943 г. — 24 марта 1944 г.: сборник документов и материалов. Л.: Лениздат, 1947. С. 424—426.

- Народное хозяйство города Ленинград: сборник статей под общ. ред. Е. Е. Дмитриевой, П. А. Лапицкого, Ф. И. Митрофанова, А. Л. Павловой. М.: Госстатиздат, 1957. 163 с.
- Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. М.: Лениздат, 1969. 237 с.
- Синова И. В. Женщина: работница, защитница, мать (по мемуарам участников блокады Ленинграда 1941—1944 гг.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т. 15, № 1. С. 89—99.
- Федосеев Ф. В., Зувев Ю. Н., Кучепатов К. П. Завод имени рабочего Егорова: Краткий очерк истории Ленинградского ордена Красной Звезды вагоностроительного завода им. И. Е. Егорова. Л.: Лениздат, 1962. 143 с.
- Ходяков М. В. Кондитерское производство в блокадном Ленинграде. 1941—1943 гг. // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 4. С. 812—839.
- Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-1575. Оп. 9. Д. 124.
- Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-1629. Оп. 4. Д. 782.
- Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-3025. Оп. 8. Д. 96.
- Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-9605. Оп. 2. Д. 29.
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 5683.
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-24. Оп. 2в-6. Д. 6157.
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 4767.
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-25. Оп. 2-3. Д. 4883.
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-25. Оп. 2-3. Д. 4884.
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-25. Оп. 2-3. Д. 4889.
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-25. Оп. 2-3. Д. 5138.
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-25. Оп. 13. Д. 23.
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-25. Оп. 13. Д. 302.
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-25. Оп. 13. Д. 4884.
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-25. Оп. 13. Д. 5174.
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-25. Оп. 13а. Д. 57.
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-25. Оп. 13б. Д. 6.
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-25. Оп. 13б. Д. 18.
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-25. Оп. 13б. Д. 23.
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-25. Оп. 13б. Д. 25.
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-2600. Оп. 2. Д. 1.
- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-4000. Оп. 10. Д. 743.

- Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-4000. Оп. 10. Д. 794.
- Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб). Ф. Р-480. Оп. 11. Д. 5.
- Шутов И. И. Ленинградские школы рабочей молодежи: Исторический очерк (1942—1960). Л.: Лениздат, 1961. 148 с.
- 900 героических дней: Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941—1944 гг. М.; Л.: Наука, 1966. 131 с.

References

- Danilov, P. P. (2003) *Promyshchlenost' Leningrada v gody blokady (sentiabr' 1941 g. — dekabr' 1943 g.)* [Leningrad Industry During the Siege (September 1941 — December 1943)], *Otechestvennaia istoriia*, no. 3, pp. 40—48.
- Dzeniskevich, A. R. (1990) *Nakanune i v dni ispytaniĭ: Leningradskie rabochie v 1938—1945 gg.* [On the eve and in the days of trials: Leningrad workers in 1938—1945], Leningrad: Nauka, 197 p.
- Dzeniskevich, A. R. (1972) *Voennaia pyatiletko rabochikh Leningrada. 1941—1945* [Military five-year plan of the workers of Leningrad. 1941—1945], Leningrad: Lenizdat, 215 p.
- Fedoseev, F. B., Zuev, Yu. N., Kuchepatov, K. P. (1962) *Zavod imeni rabochego Egorova: Kratkii ocherk istorii Leningradskogo ordena Krasnoĭ Zvezdy vagonostroitel'nogo zavoda im. I. E. Egorova* [The Yegorov Worker Plant: a brief outline of the history of the Leningrad Order of the Red Star of the I. E. Egorov Carriage Building Plant], Leningrad: Lenizdat, 143 p.
- Gosudarstvennyiĭ arkhiv Rossiĭskoĭ Federatsii (GARF). F. R-4965. Op. 1. D. 4744* [State Archives of the Russian Federation (GARF). F. R-4965. Op. 1. D. 4744].
- Gosudarstvennyiĭ arkhiv Rossiĭskoĭ Federatsii (GARF). F. R-7523. Op. 4. D. 50* [State Archives of the Russian Federation (GARF). F. R-7523. Op. 4. D. 50].
- Gosudarstvennyiĭ arkhiv Rossiĭskoĭ Federatsii (GARF). F. R-7912. Op. 1. D. 73* [State Archives of the Russian Federation (GARF). F. R-7912. Op. 1. D. 73].
- Gosudarstvennyiĭ arkhiv Rossiĭskoĭ Federatsii (GARF). F. R-9023. Op. 1. D. 153* [State Archives of the Russian Federation (GARF). F. R-9023. Op. 1. D. 153].
- Gribacheva, A. P. (2025) «Rabotat' eshchĕ luchshe, eshchĕ proizvoditel'nei!»: vnutrizavodskaaia proizvodstvennaia deiatel'nost' na promyshlennykh predpriiatiakh blokadnogo Leningrada v 1942 g. [«To work even better, even more productively!»: in-house production activities at industrial enterprises of besieged Leningrad in 1942.], *Sovremennaaia nauka: aktualnyye problemy teorii i praktiki. Seriia: gumanitarnye nauki*, no. 4—2, pp. 17—21.
- Krasnozhonova, E. E. (2025) *Rabochie kadry predpriatii leningradskoĭ promyshlenosti (1941—1944 gody)* [Workers of Leningrad industry enterprises (1941—1944)], *Istoricheskiĭ kur'er*, no. 2(40), pp. 95—104.
- Khodyakov, M. B. (2022) *Konditerskoye proizvodstvo v blokadnom Leningrade. 1941—1943 gg.* [Confectionery Production in Besieged Leningrad. 1941—1943], *Noveyshaia istiriia Rossii*, vol. 12, no. 4, pp. 812—839.
- Leningrad v Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭne Sovetskogo Soiuza. T. II. 23 iyunia 1943 g. — 24 marta 1944 g.: sbornik dokumentov i materialov* (1947) [Leningrad in the Great Patriotic War of the Soviet Union. T. II. June 23, 1943 — March 24, 1944: collection of documents and materials]. Leningrad: Lenizdat, pp. 424—426.
- Narodnoe hoziaĭstvo goroda Leningrad: sbornik stateĭ pod obshch. red. E. E. Dmitrievoi, P. A. Lapitskogo, F. I. Mitrofanova, A. L. Pavlovoi* (1957) [National Economy of Leningrad: collection of articles edited by. ed. E. E. Dmitrieva, P. A. Lapitsky, F. I. Mitrofanov, A. L. Pavlova]. Moscow: Gosstatizdat, 163 p.
- Pavlov, D. V. (1969) *Leningrad v blokade* [Leningrad During the Siege], Moscow: Lenizdat, 237 p.
- Sinova, I. V. (2025) *Zhenshchina: rabotnitsa, zashchitnitsa, mat' (po memuaram uchastnikov blokady Leningrada 1941—1944 gg.)* [Woman: worker, defender, mother (based on the me-moirs of participants in the Leningrad siege of 1941—1944)], *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*, vol. 15, no. 1, pp. 89—99.

- Shitov, I. I. (1961) Leningradskii shkoly rabochei molodezhi: istoricheskii ocherk (1942—1960) [Leningrad Schools of Working Youth: a Historical Sketch (1942-1960)], Leningrad: Lenizdat, 148 p.
- Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb)*. F. R-1575, Op. 9, D. 124 [Central State Archive of St. Petersburg (CSA SPb). F. R-1575. Op. 9. D. 124].
- Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb)*. F. R-1629, Op. 4, D. 782 [Central State Archive of St. Petersburg (CSA SPb). F. R-1629. Op. 4. D. 782].
- Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb)*. F. R-3025, Op. 8, D. 96 [Central State Archive of St. Petersburg (CSA SPb). F. R-3025. Op. 8. D. 96].
- Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb)*. F. R-9605, Op. 2, D. 29 [Central State Archive of St. Petersburg (CSA SPb). F. R-9605. Op. 2. D. 29].
- Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)*, F. R-24, Op. 2V, D. 5683 [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg. F. R-24. Op. 2v. D. 5683].
- Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)*, F. R-24, Op. 2V-6, D. 6157 [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg. F. R-24. Op. 2v-6. D. 6157].
- Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)*, F. R-25, Op. 2, D. 4767 [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg. F. R-25. Op. 2. D. 4767].
- Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)*, F. R-25, Op. 2-3, D. 4883 [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg. F. R-25. Op. 2-3. D. 4883].
- Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)*, F. R-25, Op. 2-3, D. 4884 [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg. F. R-25. Op. 2-3. D. 4884].
- Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)*, F. R-25, Op. 2-3, D. 4889 [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg. F. R-25. Op. 2-3. D. 4889].
- Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)*, F. R-25, Op. 2-3, D. 5138 [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg. F. R-25. Op. 2-3. D. 5138].
- Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)*, F. R-25, Op. 13, D. 23 [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg. F. R-25. Op. 13. D. 23].
- Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)*, F. R-25, Op. 13, D. 302 [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg. F. R-25. Op. 13. D. 302].
- Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)*, F. R-25, Op. 13, D. 4884 [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg. F. R-25. Op. 13. D. 4884].
- Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)*, F. R-25, Op. 13, D. 5174 [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg. F. R-25. Op. 13. D. 5174].
- Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)*, F. R-25, Op. 13a, D. 57 [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg. F. R-25. Op. 13 a. D. 57].
- Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)*, F. R-25, Op. 13b, D. 6 [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg. F. R-25. Op. 13b. D. 6].
- Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)*, F. R-25, Op. 13b, D. 18 [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg. F. R-25. Op. 13b. D. 18].

- Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)*, F. R-25, Op. 13b, D. 23 [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg. F. R-25. Op. 13b. D. 23].
- Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)*, F. R-25, Op. 13b, D. 25 [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg. F. R-25. Op. 13b. D. 25].
- Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)*, F. R-2600, Op. 2, D. 1 [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg. F. R-2600. Op. 2. D. 1].
- Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)*, F. R-4000, Op. 10, D. 743 [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg. F. R-4000. Op. 10. D. 743].
- Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb)*, F. R-4000, Op. 10, D. 794 [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg. F. R-4000. Op. 10. D. 794].
- Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv nauchno-tekhnicheskoi dokumentatsii Sankt-Peterburga (TsGANTD SPb)*, F. R-480, Op. 11, D. 5 [Central State Archive of Scientific and Technical Documentation of Saint Petersburg. F. R-480. Op. 11. D. 5].
- Zotova, A. V. (2014) Mestnaia promyshlennost' Leningrada v period Velikoï Otechestvennoï voyny [The local industry of Leningrad during the Great Patriotic War], *Upravlencheskoe konsul'tirovaniie*, no. 1(61), pp. 109—116.
- 900 geroicheskikh dnei: Sbornik dokumentov i materialov o geroicheskoi bor'be trudiashchihsia Leningrada v 1941—1944 gg. (1966) [900 Heroic Days: A Collection of Documents and Materials on the Heroic Struggle of Leningrad Workers in 1941—1944]. Moscow, Leningrad: Nauka, 131 p.

Статья поступила в редакцию 01.09.2026; одобрена после рецензирования 09.09.2026; принята к публикации 14.09.2026.

The article was submitted 01.09.2026; approved after reviewing 09.09.2026; accepted for publication 14.09.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Красноженова Елена Евгеньевна — доктор исторических наук, доцент, профессор Высшей школы общественных наук Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия, eleena@inbox.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor, Professor at the Higher School of Social Sciences, Institute of Humanities, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation).

Грибачева Анастасия Павловна — кандидат исторических наук, ассистент Высшей школы общественных наук Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия, gap.418@yandex.ru (Cand. Sc. (History), Assistant at the Higher School of Social Sciences, Institute of Humanities, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по адресу: winrs@bk.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся название статьи, имя, отчество и фамилия автора, текст, список источников). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7—2021):

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Список источников к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Список источников») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Козловский В. В., Панкратова Л. С. Тонкие грани цивилизационного потенциала российского региона в представлениях мужчин и женщин	3
Городецкая Д. В., Гурченко Н. Н., Певная М. В. Женщины-эксперты о возможностях активизации общественного участия и сохранении доверия в местных сообществах	20
Шинкаренко Е. А. От любимых уроков к профессии: роль школы в рекрутинге женщин в сферу информационных технологий	33
Милованова М. Ю., Колесник В. В. Ценностные ориентации и политические предпочтения молодёжи современной России: гендерный анализ результатов эмпирического исследования	46
Дерюгин П. П., Кадыров А. М., Ахмедиева А. Т., Вэй Л. Женское предпринимательство в социальных науках: взгляд из России (библиометрический метаобзор)	62
Первова И. Л., Келасьев В. Н. Отношение современной молодежи к семейным ценностям	83

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Стамова И. И., Эйриян В. А. Салонная и женская дипломатия в первой половине XIX века: роль Д. Х. Ливен в достижении внешнеполитических задач российского правительства	94
Габдрафикова Л. Р. Мобильность татарской женщины и социальная модернизация России на рубеже XIX—XX вв.	108
Красноженова Е. Е., Грибачева А. П. Женщины в промышленности блокадного Ленинграда (1941—1944 гг.).....	120
<i>Информация для авторов</i>	132

CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Kozlovsky V. V., Pankratova L. S. Subtle Facets of the Civi-lizational Potential of the Russian Region: Male and Female Perspectives	3
Gorodetskaya D. V., Gurchenok N. N., Pevnaya M. V. Women Experts on Opportunities for Activating Public Participation and Maintaining Trust in Local Communities	20
Shinkarenko E. A. From Favorite Classes to a Career: The Role of Schools in Recruiting Women into the IT Sector	33
Milovanova M. Yu., Kolesnik V. V. Value Orientations and Political Preferences of Young People in Contemporary Russia: A Gender Analysis of Empirical Research Findings	46
Deryugin P. P., Kadyrov A. M., Akhmedieva A. T., Wei L Women's Entrepreneurship in Social Sciences: A Perspective from Russia (A Bibliometric Meta-Review)	62
Pervova I. L., Kelasyev V. N. Attitudes of Today's Youth Toward Family Values	83

HISTORICAL SCIENCES

Stamova I. I., Eiriyan V. A. Salon and Female Diplomacy in the First Half of the 19 th Century: the role of D. Lieven in achievement of the foreign policy goals of the Russian government.....	94
Gabdrifikova L. R. The Mobility of Tatar Women and Russia's Social Modernization at the Turn of the 19 th and 20 th Centuries	108
Krasnozhenova E. E., Gribacheva A. P. Women in Leningrad's Industry During The Siege (1941—1944).....	120
<i>Information for the authors</i>	132

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 — 2026

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Редактор *О. Н. Масленникова*

Технический редактор *И. С. Сибирева*

Компьютерная верстка *Е. Е. Андреяновой*

Дата размещения на сайте 30.09.2026.

Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 11,9. Уч.-изд. л. 10,0.

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Выходит 4 раза в год с 1996 года

Распространяется по подписке и
по предварительным заявкам ученых
и библиотек

 ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ